

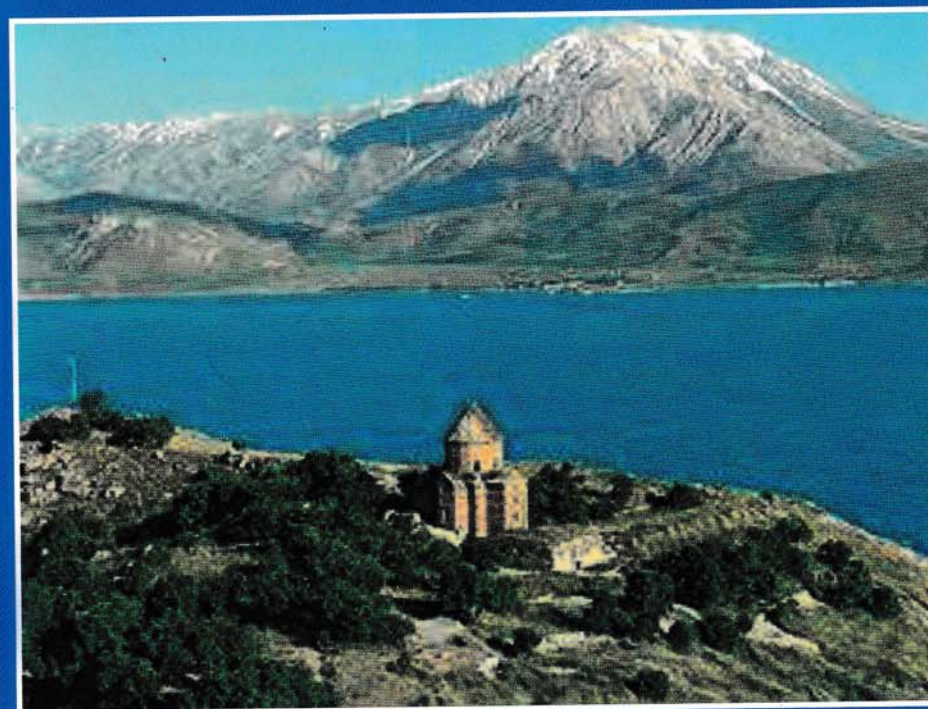

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

Доктор филологических наук.
Исследователь вопросов армянской действительности начала XX века, армяно-русских историко-литературных связей.
Автор научных монографий и составитель сборников:

- Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914-1920). Е., 1984 (на арм. яз.)
- Русские литераторы и армянская действительность (10 - е гг. XX в.). Е., 1994
- Александр Кулебякин и Армения. Е., 2003
- Трагедия армянского народа в оценке русских литераторов. Е., 2003
- Борис Лазаревский об Армении и армянских женщинах. Е., 2004 (на арм. яз.)
- Потери армянского народа в годы Первой мировой войны (сборник документов и материалов «Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны»). Е., 2005 (на арм. и рус. яз.)
- Арташес Гегамян. Статьи, интервью, выступления (сб.). Е., 2005 (на арм. и рус. яз.)
- Из публицистического наследия Ширванзаде (1914 - 1919 гг.). Е., 2006 (на арм. яз.)
- Тигран Иоаннисян. Османское правительство и иттихат перед судом человечества. Е., 2007 (на арм. яз.)
- Поручик Алексей Колмаков. Историческая армянская рота. Е., 2009
- Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье. Е., 2010 (на арм. яз.)
- Тифлисский «Цех поэтов» С. Городецкого и сборник «Акме». Е., 2011
- Тифлиские дни Ильи Эренбурга. Е., 2012 (на арм. и рус. яз.)
- Страницы из историко-публицистического наследия Манука Абеяна. Е., 2013 (на арм. яз.)
- Западноармянская действительность в оценке русского публициста Т. Ольгенина. Е., 2014 (на арм. яз.)

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ И В ЗАКАВКАЗЬЕ (1916–1921 гг.)

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ
В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ
И В ЗАКАВКАЗЬЕ
(1916 – 1921 гг.)

ПОСВЯЩАЕТСЯ 100 - ЛЕТНЕЙ
ГОДОВЩИНЕ ГЕНОЦИДА АРМЯН

ՆԿԻՐՎՈՒՄ Է ՀԱՅՈՑ ՑԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅԱՆ
100 - ՐԴ ՏԱՐԵԼԻՑԻՆ

DEDICATED TO THE 100TH
ANNIVERSARY OF THE
ARMENIAN GENOCIDE

ԱՆՈՒՇԱՎԱՆ ԶԱՔԱՐՅԱՆ

ՍԵՐԳԵՅ ԳՈՐՈՂԵՑԿԻՆ
ԱՐԵՎՄՏՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ
ԵՎ ԱՆԴՐԿՈՎԿԱՍՈՒՄ
(1916 – 1921 թթ.)

ԵՐԵՎԱՆ – 2015

ANUSHAVAN ZAKARYAN

SERGEY GORODETSKY
IN WESTERN ARMENIA
AND TRANSCAUCASIA
(1916 – 1921)

YEREVAN – 2015

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. М. АБЕГЯНА

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ
В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ
И В ЗАКАВКАЗЬЕ
(1916 – 1921 гг.)

ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГИТУТЮН» НАН РА
2015

УДК 94
ББК 63.3
З–183

Печатается
по решению Редакционно-издательского
совета НАН РА и ученого совета Института
литературы им. М. Абегяна НАН РА
при содействии Всармянского фонда
арменоведческих исследований НАН РА

Закарян Анушаван
З–183 Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье
(1916 – 1921 гг.). – Ер.: Изд-во «Гитупон» НАН РА, 2015. –
230 с.

В монографии на богатом фактическом материале впервые на русском языке обстоятельно представлена литературно-культурная, общественно-политическая деятельность известного русского поэта, писателя, публициста, переводчика и общественного деятеля Сергея Митрофановича Городецкого (1884 – 1967) в Западной Армении и в Закавказье в годы Первой мировой войны и последующий период.

Очевидец трагической действительности, С. Городецкий поднял свой голос гражданина и поэта в защиту армян, за справедливое решение Армянского вопроса.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-8080-1153-3

© Закарян А., 2015 г.
© Изд-во «Гитупон» НАН РА

Сергей Митрофанович Городецкий

К ЧИТАТЕЛЮ

Восточная часть сегодняшней Турции – Западная Армения с горой Арарат (Масис) – входила в состав Древней Армении и являлась ареалом образования и исторического проживания армянского народа. До начала Первой мировой войны на территории Турции – в Западной Армении, Киликии и других провинциях Османской империи – проживало около 3 млн армян. Жертвами Геноцида в 1915 г. стали 1.5 млн армян, беженцами – от 700 тыс. до 1 млн.

Весть о массовом выселении, потере родины и резне армянского народа облетела весь мир. Великие державы – Англия, Франция, Россия, авторитетные международные организации и представители прогрессивного человечества осудили Геноцид, спланированный и совершенный на государственном уровне. Среди последних особого внимания заслуживает известный русский поэт, писатель, публицист, переводчик и общественный деятель Сергей Митрофанович Городецкий (1884 – 1967), который принимал активное участие в жизни Западной Армении и Закавказья в период Первой мировой войны и в последующие годы.

«Когда началась война, я верил, что это – война за жизнь и честь русского народа ... Я написал книгу стихов «Четырнадцатый год». Эта книга вызвала отрицательную реакцию со стороны моих товарищей, – спустя годы вспоминал С. Городецкий. – В это время Валерий Брюсов строил свою замечательную книгу «Поэзия Армении». Вячеслав Иванов переводил Ованеса Туманяна, Александр Блок – Аветика Исаакяна. Оба были моими кровными друзьями – учителями. Я спросил у них, почему не позвали меня. Ничего не говоря о моей политической поэзии, они ласково дали мне понять, что это невозможно. ... Потеряв своих закадычных друзей, я решил

ехать на фронт (Кавказский. – А. З.)»*.

Этот шаг С. Городецкого стал для него судьбоносным. Прежде всего, в действующей армии – в Западной Армении – он стал избавляться от иллюзий, понимать суть войны, в горниле военных действий был очевидцем трагических событий в жизни армянского народа. В дальнейшем вся его деятельность во многом была связана с Арменией и армянской культурой, с ее сыновьями.

Связи С. Городецкого с Арменией десятилетиями были в центре внимания армянских литературоведов и историков. Они, однако, обращались в основном к произведениям русского поэта, посвященным Армении, лишь вскользь касаясь его бурной деятельности в регионе. Многочисленные важные события ускользнули от их внимания, в освещении некоторых вопросов имеются фактические ошибки и неточности. В монографии на богатом фактическом материале впервые на русском языке обстоятельно представлена литературно-культурная, общественно-политическая деятельность С. Городецкого в Западной Армении и в Закавказье в исследуемый период.

Этот труд создан в результате многолетних изысканий. Прежде чем представить его на суд читателя в обобщенном виде отдельной книгой на русском языке, вниманию научной общественности, специалистов и широких читательских кругов были предложены многочисленные статьи, сообщения, публикации, отдельные главы ряда работ. В 2010 г. на армянском языке вышла в свет наша книга «Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье». Настоящая работа не является механическим переводом данной монографии: это – расширенное и дополненное новыми ценными материалами исследование.

* С. Городецкий. Об Армении и армянской культуре / Под ред. и с предисл. акад. АН АрмССР Г. Б. Гарибджаняна. Сост., вступ. статья и коммент. И. Р. Сафразбекян. Ереван, 1974, с. 76 – 77. Далее страницы цитат будут указаны в тексте и в сносках.

ГЛАВА I

С ГУМАНИТАРНОЙ МИССИЕЙ В ЗАПАДНУЮ АРМЕНИЮ

1. СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА С ОВ. ТУМАНЯНОМ

В начале апреля 1916 г. С. Городецкий как представитель Всероссийского Союза городов (Согор) и корреспондент московской газеты «Русское слово» командирован на Кавказский фронт и прибывает в Тифлис¹. Это был его третий приезд в Тифлис² – в ту пору центр Кавказа, – совпавший со сложными общественно-политическими условиями. Армения, ставшая ареной военных действий, армянский народ, оказавшийся в пучине войны, привлекали к себе внимание русской общественности. Так что Городецкий, приехав на Кавказ, уже был знаком с судьбой, историей и культурой армян. Усилиями М. Горького и В. Брюсова армянская литература в этот период приобрела особое звучание.

Одним из первых деятелей культуры, с кем встречается Городецкий в Тифлисе, был великий армянский поэт Ованес Туманян. В тифлисском отделении Всероссийского Союза городов получив назначение в Ван, русский поэт случайно знакомится с

¹ Газета «Кавказское слово» (Тифлис) 15 апреля 1916 г. извещала, что в ближайшие дни в Тифлис должен прибыть поэт С. Городецкий, а «Оризон» (Горизонт, Тифлис) 16 апреля сообщает, что он уже в городе. В этих двух газетах в номерах от 21 апреля напечатано посвященное Ов. Туманяну стихотворение «Армении», которое датировано: «13 апреля, Тифлис». Следовательно, русский поэт прибыл в город до 13 апреля.

² «С Тифлисом я связан с 1902 года, когда я, кончив гимназию, приехал к своей сестре – жене городского архитектора Алексея Константиновича Васильева», – писал С. Городецкий (с. 189). В семье сестры второй раз гостил в 1908 г. (с. 77).

Туманяном³. Вот как Городецкий описывает эту встречу: «Получив направление на Ван, я вышел в коридор.

... В суматохе людей, тюков и ящиков медленно ходил высокий, стройный, но как будто согбенный каким-то горем человек, в котором каждый прежде всего видел лучистые глубокие глаза, озаренные любовью и тревогой. И я прежде всего увидел эти глаза. Приглядываясь к нему и прислушиваясь к его словам, я понял, что он хлопочет о том, чтобы в первую очередь отправили грузы в Ванском направлении.

– Там еще есть люди... Еще есть... – долетела до меня его фраза.

Она остро сопоставилась в моем сознании с другими словами: что в Ване людей нет.

Какая-то завеса, прикрывавшая судьбу неведомого мне армянского народа, приоткрылась передо мной.

– Кто это? – спросил я кого-то.

– Вы не знаете? Это же Ованес Туманян, армянский наш поэт.

Я решительно подошел к Ованесу Туманяну.

– Я еду в Ван. Я – поэт, Сергей Городецкий. Позвольте пожать вашу руку.

Но обе его тонкие с длинными пальцами руки уже ласково держали мою руку.

– Мы знаем вас... В Ван? Трудная дорога, трудное дело. От Союза городов? Что собираетесь там делать?

– Не знаю.

– Собирайте и спасайте детей. Они там бродят. Живут в развалинах, в ущельях. Одичали. Организуем приют. ... Приходите ко мне вечером. Вознесенская, 18» (с. 78).

³ Согласно свидетельству поэтессы Р. Погосян, встреча С. Городецкого и Ов. Туманяна имела место на третий день прибытия поэта в Тифлис (*Р. Погосян. Старейший мастер «Цеха поэтов».* – Литературная Армения, 1964, № 3, с. 66).

Это знакомство во многом предопределяет направление дальнейшей деятельности Городецкого в Западной Армении, а затем в Закавказье.

Вечером 13 апреля русский поэт посещает Туманяна. В доме армянского поэта Городецкий знакомится с членами его семьи, завязывает долгий, сердечный разговор с Туманяном. Темой их беседы была судьба армянского народа, его горести и страдания, вера в Россию: царям «нужна Армения без армян! Им, а не русскому народу...» (с. 80), – говорил Ов. Туманян. Спустя годы Городецкий признается, что эти правдивые слова были первым ударом по его представлениям (с. 81).

Беседа с армянским поэтом произвела на Городецкого неизгладимое впечатление, положив начало их искренней, бескорыстной дружбе. «Много я знал замечательных собеседников, – писал он, – но у Туманяна была такая горячность, такая искренность, что беседа с ним была художественным наслаждением. Он как будто открывал двери в свою душу и приглашал собеседника не таиться перед ним. Да и как можно было таиться перед этим прямо в тебя устремленным ясным и прямым взором?» (с. 79). Здесь уместно привести также слова известного грузинского поэта Т. Табидзе об этой характерной черте Туманяна: «Ованес Туманян был личностью в наше время исключительной и редкой! Незнакомому с ним может показаться преувеличением все, что о нем говорят. В этом человеке было столько обаяния, что каждый, с кем он заговаривал, становился его другом»⁴.

Туманян как собеседник был прост, задушевен и очень проникновен. И весьма характерен тот факт, что когда Городецкий высказал свою озабоченность тем, какие творческие импульсы можно почерпнуть из картин разрушенного Вана, Туманян ответил с глубокой проникновенностью: «– Вы – поэт. Поэзия – это и есть познание жизни. Иначе она не нужна. Вы увидите жизнь страшную, жизнь народа на краю смерти. Напишите про то, что увидите, – это и будет поэзия» (с. 79).

⁴ Т. Табидзе. Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964, с. 140.

Искренностью, открытой «дверью души», великодушием армянский поэт с первого же знакомства покори́л сердце Городецкого, который покидает его очаг «потрясенный и окрыленный» и под непосредственным впечатлением слагает посвященное Туманяну стихотворение «Армении»⁵:

*...Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
Друг другу золотые двери отворить.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, тебя хочу я полюбить! (с. 3).*

С этого дня вся деятельность и помыслы С. Городецкого связываются с Арменией, с проблемами ее исторических судеб, о чем он сам признается: «...мой путь стал мне ясен» (с. 80).

Кстати, жена Туманяна – Ольга Туманян 13 апреля 1916 г. в письме сыну Артавазду, работавшему в Ване в должности начальника экономического отдела Согора, писала: «Завтра на обед у нас опять будут люди – благодаря Сергею Городецкому. Сегодня пришел с визитом. Отец и попросил завтра прийти к обеду.

Случайно во время его визита пришли Лусик и Мартирос (известный художник Мартирос Сарьян и его супруга. – А. З.), они близко знакомы друг с другом ...

Да, главное – этот человек должен отправиться из Джульфы в Ван, месяца два должен пробыть в этих краях, так что придет к тебе и познакомится»⁶.

Спустя неделю, 20 апреля, С. Городецкий поездом едет из Тифлиса в Ван в качестве инспектора Всероссийского Союза городов

⁵ Как было отмечено, это стихотворение впервые опубликовано 21 апреля 1916 г. в газетах «Кавказское слово» и «Оризон», затем в том же году, 1 мая, в еженедельнике «Армянский вестник» (М., № 14, с. 4).

⁶ Переписка семьи Туманяна / Сост. и комм. И. Сафразбекян. Ереван, 2002, с. 82 (на арм. яз.). Кстати, во втором примечании этого письма годом смерти С. Городецкого ошибочно указан 1966 (там же).

по Атрпатакану⁷. Туманян в его честь дает прощальный обед в кругу друзей, из которых Городецкий вспоминает «молодого Дереника Демирчяна и седовласого Гарегина Вардапета (Г. Овсепян. – А. З.), знатока и собирателя древних армянских рукописей» (с. 81). Возможно, среди приглашенных были также близкие Туманяна – А. Ширванзаде, Л. Шанг, Н. Агбалиян и др., с которыми в дальнейшем Городецкий был связан тесными узами дружбы. Русский поэт вспоминает тосты, произнесенные за «добрые проводы», в честь дружбы русского и армянского народов, в честь В. Брюсова, работу которого над «Поэзией Армении» высоко ценил Туманян, и в особенности следующий завет армянского поэта:

«Берегите детей!».

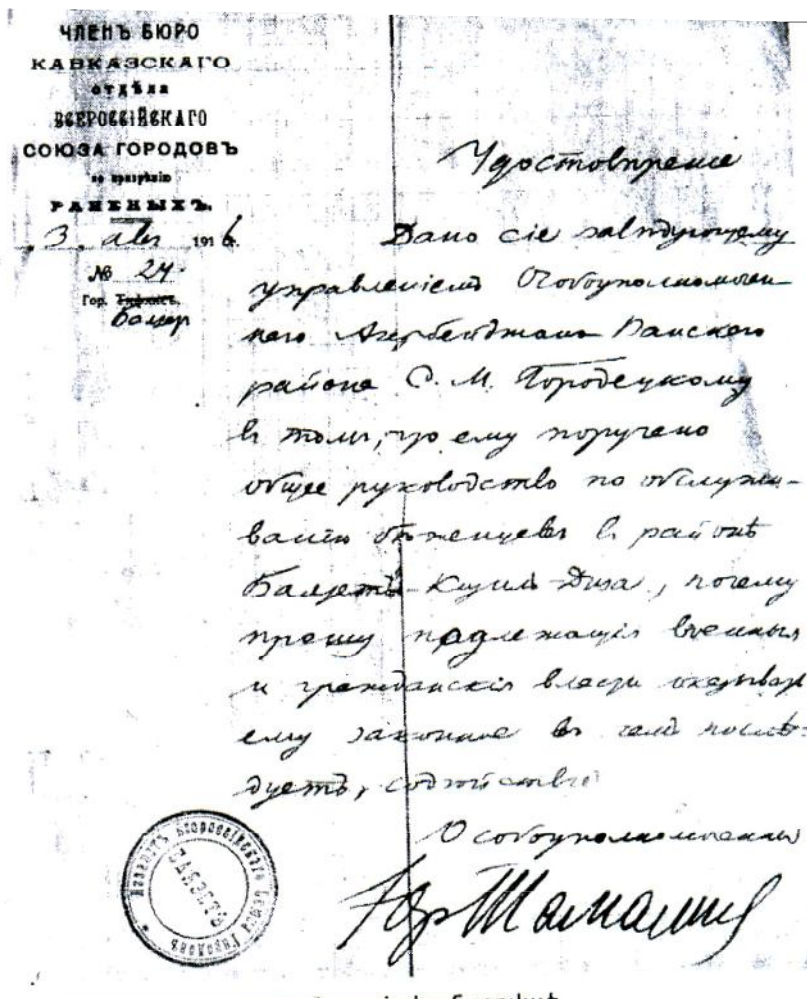
Ованес Фаддеевич провожал наш отряд на вокзал и, прощаясь, еще раз повторил эту фразу, добавив:

– Не забывают и курдских детей. Они такие же бесприютные, как и наши, армянские» (с. 81).

Этот завет Ов. Туманяна, фактически становится направлением деятельности Городецкого в Западной Армении. Подчеркивая последнюю фразу Туманяна, С. Городецкий, которому было хорошо известно о зверствах курдов в отношении армян, тем самым показал широту души, благородство, доброту и заботу армянского поэта о курдских детях...

Встреча, знакомство и сближение с выдающимся армянским поэтом Ов. Туманяном произвели на Городецкого незабываемое впечатление. Об этом он говорит и в письме от 24 апреля 1916 г. из

⁷ «Кавказское слово» 22 апреля сообщало, что в Ван отправились уполномоченный Союза городов А. Атанасян, поэт С. Городецкий и др. В «Мшаке» (Труженик, Тифлис, на арм. яз.) от 19 апреля, среди отправляющихся в Ван 20 апреля фамилия поэта не упомянута. В дневниковых записях Городецкого отмечено: «IV. 21 (первоначально было написано 20. – А. З.) в 5 ч. – Увидел – Арарат» [Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца (далее – МЛИ). Ереван, архив С. Городецкого, № 5, с. 33].

Удостоверение Всероссийского Союза городов,
выданное С. Гордецкому

города Хоя, адресованном Туманяну: «В душе у меня начинается какая-то новая песня, первое начало которой положено в Тифлисе, в гостеприимном Вашем доме» (с. 181).

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ВАНЕ

В первые годы мировой войны определенная часть русской интеллигенции, даже передовая, имела буржуазно-националистические настроения. Не понимая империалистического характера войны, С. Городецкий также защищал политику царского правительства под девизом «война до победного конца»⁸, победное шествие до овладения «Царыградом». «Когда началась первая мировая война, я был захвачен ура-патриотическим угаром, – писал Городецкий в автобиографии «Мой путь». – Победный финал «защиты России» я видел во взятии «Царьграда». («Ты будешь наш, ты будешь наш в сию священную войну», – перепевал я славянофила Хомякова). ... Я написал и стихи о верноподданнической демонстрации перед Зимним дворцом в день объявления войны»⁹.

Подобные иллюзии и настроения, как известно, подвергались критике передовыми общественно-политическими, культурными деятелями России.

В горниле военных действий такое отношение к войне пускало глубокие корни и в среде армянской передовой интеллигенции. Рушились надежды на освобождение Западной Армении, и устами только-только мужающегося поэта народ проклинал «дантов ад»:

*Зачем над нами, как мираж, повисла
Мечта пустая? Ведь за веком век
Везде война и зло ... Какого смысла
В уничтоженьи ищет человек?*

⁸ С. Городецкий. Стихотворения и поэмы. Л., 1974, с. 32.

⁹ С. М. Городецкий. Мой путь. – В кн.: Советские писатели. Автобиографии (далее – Мой путь). В 2-х т., т. 1. М., 1959, с. 326.

*Кому корысть, что льется кровь живая?
Кто зло творит, мир в пекло превращая?*¹⁰

И характерно, что в дни создания «Дантовой легенды» выдающегося армянского поэта Египше Чаренца в январе 1916 г. ура-патриотические настроения и выпады Городецкого и других удостоились резкой критики в армянской печати. В статье «Война и русские воинственные стихотворения (1914 – 1915 гг.)» известный литературный критик Арутюн Сурхатян пишет: «Слепым, фанатичным патриотизмом охвачен один из лучших поэтов Сергей Городецкий. Все стороны отечественной действительности стали идеальными в его глазах. Россия – идеальный мир, живущий под ее небом должен познать лишь счастье и ликование.

Какая радость жить в России!

Восклицает поэт.

*Ведь если быть Адама раю,
В России надо быть ему.*

Слепой фанатизм довел поэта до того, что он, забыв смердящие раны и мрачные стороны своей страны, называет родину библейским раем... »¹¹.

И вот, еще полностью не избавившись от подобных настроений – «ура-патриотического угара», С. Городецкий в конце апреля 1916 г. вступает на землю Западной Армении. Всего лишь год прошел после того, как трагическая весть о Геноциде армян со страниц армянской и зарубежной печати дошла до широких слоев общественности. Благодаря наступательным действиям русских войск вновь освобождаются исконно армянские земли – Ван, Муш, Битлис ...

¹⁰ Е. Чаренц. Стихотворения и поэмы. Л., 1973, с. 267.

¹¹ Мшак, 1. I. 1916.

Перед взором Городецкого предстает картина страшной разрухи, непогребенных мертвецов, опустошенных сел и городов, картина, которую невозможно было вычеркнуть из памяти.

Историки, в числе западноевропейских и русских очевидцев событий, происходящих в Западной Армении, неоднократно ссылались и на Городецкого, черпая из его произведений многочисленные объективные факты. Его поэтически изложенные впечатления, стихотворения, роман «Сады Семирамиды», сотканный на материале кошмарных видений войны, заражают читателя, заставляя его глубоко задуматься.

Подчеркивая, что Армения – это подлинно «райская страна», каждая пядь земли которой в то же время окрашена кровью народа, поэт заключает: «Невыносима мысль, что сотни тысяч мирных, незащитных людей были подвергнуты людьми же неслыханным по зверству истязаниям, тончайшим пыткам тела и духа ... Чувство, с которым стоишь на месте погрома, ни с чем не сравнимо по горю. Непоправимое несчастье, несмываемый позор, бессильный гнев за оскорбление души человеческой – вот первые ощущения, которыми дарит Турция» (с. 23).

Впечатления Городецкого от погромов, преследований, воинствующей расправы над народом выливаются в образы и мысли, вызывающие содрогание, адресованные вандалам всех времен.

... Летом 1916 г. Городецкий в ряде районов Западной Армении и в особенности в Ване ценой огромных лишений и трудов собирает и добывается отправления сотен осиротевших детей в Игдырь – в приемный пункт. Одновременно русский поэт по мере сил и возможностей пытается облегчить участь беженцев, всячески содействуя им. Видимо, именно такую цель преследовал С. Городецкий, приехав в конце июня в Тифлис и побывав 4 июля на приеме у заместника царя¹².

23 июня 1916 г. Туманян в письме из Тифлиса сыну Артавазду в Ван пишет: «... Городецкий в ту же ночь приезда интересовался

¹² Оризон, 6.VII. 1916.

нами, но больше не приходил, его не видел. Приходили новые люди, новые русские знакомые. Сейчас они очень интересуются нами»¹³.

В ответе на это письмо 10 августа Артавазд из Игдыря сообщает, что «Через пару часов Городецкий должен выехать в Баязет ... Городецкий шлет тебе горячие поцелуи и приветы». Вот эти строки приветствия:

*Шлю сердечный привет,
Крепко целую – желаю
Здоровья и сил. Масис
Тоже кланяется Вам
Седой своей головой*¹⁴.

... В дальнейшем, объясняя причины, побудившие его поехать на Кавказский фронт, Городецкий пишет: «... я, приехав в Ван, в Турецкую Армению, в эти глиняные руины, обогранные в каждой пылинке многострадальной кровью армянского народа, хотел по сущи идти брать Царьград – по сущи, потому что немецкие броненосцы «Гебен» и «Бреслау» уже оскверняли волны издревле русского Черного моря» (с. 195). Но воспитанный на традициях Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, поэт был наделен огромным чувством человеколюбия. Потрясающие противоречия между жизнью и смертью, природой и войной, оскверняемые святыни, боль и лишения армянского народа в духовном мире С. Городецкого, органически впитавшем в себя традиции русской литературы, пробуждают желание самоотверженного служения этому народу. «Я был уже груб сердцем к тем дням от впечатлений войны, – пишет он, – но когда горное солнце озарило беженцев, я не мог удержаться, и слезы хлынули у меня из глаз. Я вдруг понял, что значит народное бедствие. Та минута навсегда сроднила меня с Арменией, а моя служба превратилась в служение» (с. 48).

¹³ Ов. Туманян. Полн. собр. соч. в 10-и т., т. 10. Ереван, 1999, с. 242 (на арм. яз.).

¹⁴ Переписка семьи Туманяна, с. 85.

После отступления 1915 года июльское отступление 1916 года русских войск с занятых ими территорий в Западной Армении стало новой большой трагедией для армян. Об этом Ов. Туманян 1 августа 1916 г. писал видному писателю и общественному деятелю З. Есяян: «... сердце разрывается при мысли о том, что остатки нашего несчастного народа, обессиленные, истощенные остатки все еще остаются под ногами разбойничьих банд и армий. ... божье проклятье на всех сильных мира сего»¹⁵. Этим Туманян выражал глухой протест против двуличной политики, которой уже придерживалось царское правительство – «Армения без армян» ...

В дни отступления русской армии Городецкому приходится с обездоленными, измученными армянами пройти дорогами панического бегства, увидеть и испытать «все беды беженства». «К осени шестнадцатого года негласно выяснилось: русская армия уходит из Вана ... Надо сказать, что из-за моих фельетонов в «Русском слове» я попал в конфликт с командованием русской армии. Начальником был генерал Воронов. Вероятно, ему был известен лозунг «Армения без армян». В бурных спорах товарищи убедили меня ехать к нему и выяснить, когда уходим. Эвакуация приюта требовала подготовки. Нужен был военный приказ об эвакуации. Я поехал. Царский генерал не устоял перед моими доводами и сказал:

– Приказа не дам, но чем скорей уйдете, тем лучше, – вспоминает русский поэт и добавляет: – ... Уход народа в 1916 году был страшней, чем в 1915. Протоптанная предыдущим уходом дорога была запружена людьми. В пути рожали и умирали. Помню старика, который кричал:

– Я умираю! Положите меня на землю! Я хочу умереть на родной земле» (с. 83).

После отступления и бегства С. Городецкий в основном пребывал в Игдыре, Баязете, непродолжительное время – в Тифлисе и Ереване. Дочь Туманяна – Нвард, в письме от 5 сентября 1916 г. из Тифлиса в Игдырь писала брату Артавазду: «На днях позвонила

¹⁵ Ов. Туманян. Полн. собр. соч., т. 10, с. 246.

У. 2. 7 утра Вьезд.

9 .. Ловля уток. Утенки - Ная, теплчий, с серыми лапками. Окружные, пустые горы.

4 дня. Прибыли в АРЧАК. Милое озеро. Тополя. Члад бие с камнями. Разрушенная церковь, череп СИПАН!
АРЧАК. 48 верст от Чарая. /З-ья ночь/. Меланхолическое озеро. Ку-ку тоскует. Было 3.000 жителей. Осталось 70. Все разрушено. Уютные усадьбы в развалинах, молодые тополя звенят жалобно, кукушка плачет, собаки бродят, недавнее человеческое мясо. Церковь в развалинах. Месячный хлеб на полях. Взошла луна, Сипан накрылся облаком. Кое-где роится в развалинах возвратившиеся беженцы.

У. 3. 6 утра. Голубое утро, дремлет озеро. Сипан горит. Кукушка.

До реки обычное право на земли, право отца. Цветущее селение. Дома-усадьбы. Турки начинали обезземеливать, отнимать землю. Отхожий промысел в Баку развился.

У. 4. 12 дня. Озеро Ван! Гребень Варага. Мощная картина. Наполео Вараг. Два просвета озера направо.

6. Аромат цветов. Чадаль.
Айгюстан.
Опаженные тополя.

10. ВАН. Обед у миссионера. Рыба, толма, спаржа, шпинат, плов, жиг, пуддинг, пахтанье. Острота Айяланда. После и ушли.
Телеграмма Ане.

Ужин в приюте. Песенки.. Звук. Спящие дети в библиейских позах, вздыхающие. Им снится прошлое, а завтра ехать.

Раньше вечером разбойники. /Вегри-бек/
Ушел в горы с 12 товарищами, нанял Арджиса передался. Вегри-бек.

II. Письма: Ане, маме, Хатисову, Везиковскому. Поощлка.

Проводы детей на трех фурах. Прощанье. Пьяный фургонщик. Переключка. Вьезд в Зч

До этого утром у прапорщика Федорова разговор с казачьим офицером.

5 Поездка в АГТЕМИДУ. Мечети и старый город. Крепость-скла. Легенда про Семирамиду, построившую крепость и спросившую море. Довольно ли оно. Озеро ответило, что оно обнимет скалу Семирамиды и будет целовать ее ноги.

1.

С. Городецкому, хотела увидеть, узнать, что стало с твоей частью, не нашла, — не знаю, что случилось, что [он] не появился, говорят — собирается ехать в Петроград.

Сегодня встретила Городецкого, кажется, завтра должен приехать в Игдырь, письма вручу ему, чтобы передал тебе. Сильно изменился, на мой взгляд, сегодня вечером, может быть, зайдет к нам...»¹⁶.

22 сентября русский поэт со своими коллегами вновь прибывает в Ван¹⁷. До середины ноября того же года Городецкий замещает здесь представителя Союза городов, возглавляет его работы¹⁸ — организует дело санитарной и продовольственной помощи беженцам, открывает дома для сирот, приюты для беспризорных. «Подумайте только, буквально из крови и огня взять детей и создать им, потерявшим все круглым сиротам, сносные условия жизни, когда кругом ад и смерть, — какая это настоящая радость! Ведь в этих маленьких птенцах — семена всей будущей жизни страны...» (с. 50), — пишет Городецкий, несомненно, уверенный в том, что спасенные им дети с благодарностью вспомнят его. Спустя годы Городецкий с заслуженной гордостью писал: «Кое-кто из них сейчас работает в Ереване. Великой моей гордостью и радостью было и есть то, что я могу войти в любой дом в Армении и встретить там ласку и приют» (с. 83).

... Западная Армения, эта «страна художественного быта», чарующая своей природой, вековыми материальными и духовными ценностями, одухотворенностью внутреннего мира армян, с первых же дней покоряет поэта. «Здесь душа отдыхает в полминуты за всю жизнь, потому что здесь нет времени!, — под первым впечатлением писал С. Городецкий. — Вечные вулканы, древнейшие развалины, мгновенные волны — все это равноценно и нераздельно» (с. 39).

¹⁶ Переписка семьи Туманяна, с. 86.

¹⁷ См.: Оризон, 8. X. 1916; Ашхатанк (Труд, Ереван), 12. X. 1916 (на арм. яз.); Арев (Солнце, Баку), 17. XII. 1916 (на арм. яз.).

¹⁸ См.: Армянский вестник, 1917, № 1, с. 19.

Обремененный тяжелыми заботами бедствующего народа, он все же находит время для того, чтобы побывать в «печальных цветущих садах Вана», искупаться в озере Ван, вода которого «мягка, как бархат», внимательно присмотреться к архитектурным сооружениям «скал-городов», прочувствовать всю «девственную» красоту и обаяние края. Особенно увлекается он народными песнями, легендами и преданиями, к которым впоследствии возвращается с интересными трактовками. Пленяющий мир Западной Армении, как «нескончаемая поэма», стал источником художественного вдохновения, и С. Городецкий находит время для того, чтобы кистью запечатлеть серию великолепных рисунков, интересные памятники, картины природы. Из «ванской» акварельной сюиты выделяются рисунки «Озеро Ван», «Ван», «Двери Мгера», «Обоз», «Баязет», «Арчак», «Артамет», «Вараг», портреты ванцев, их одежда и т. д.¹⁹

Стараясь принести многострадальному армянскому народу как можно больше пользы, русский поэт в эти дни учится писать и читать по-армянски. В этой связи, в письме Нвард Туманян, написанном из Вана 22 октября, Городецкий пишет: «Я усиленно пытаюсь говорить по-армянски, но у меня теперь плохая память и дело плохо подвигается» (с. 184). До нас дошла записная книжка Городецкого 1916 года, где рядом со стихотворениями его рукой написаны буквы армянского алфавита, слова, имена и предложения²⁰. Всему это-

¹⁹ Художественный дар Городецкого в свое время отметил выдающийся русский художник И. Репин (см.: Литературное наследство, т. 92. В четырех книгах. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга вторая. М., 1981, с. 5). Акварели и графические рисунки русского поэта, изображающие ряд местностей и архитектурных памятников Западной Армении, хранятся в МЛИ (архив С. Городецкого, № 57–73, 82–83).

²⁰ МЛИ, архив С. Городецкого, № 5, с. 63, 68 – 69, 77. Характерно, что вместе со словами и предложениями, написанными поэтом по-армянски, упомянуто имя поэтессы Арменуи Тигранян (с. 77). Несомненно, в дни пребывания в Тифлисе Городецкий встречался с ней.

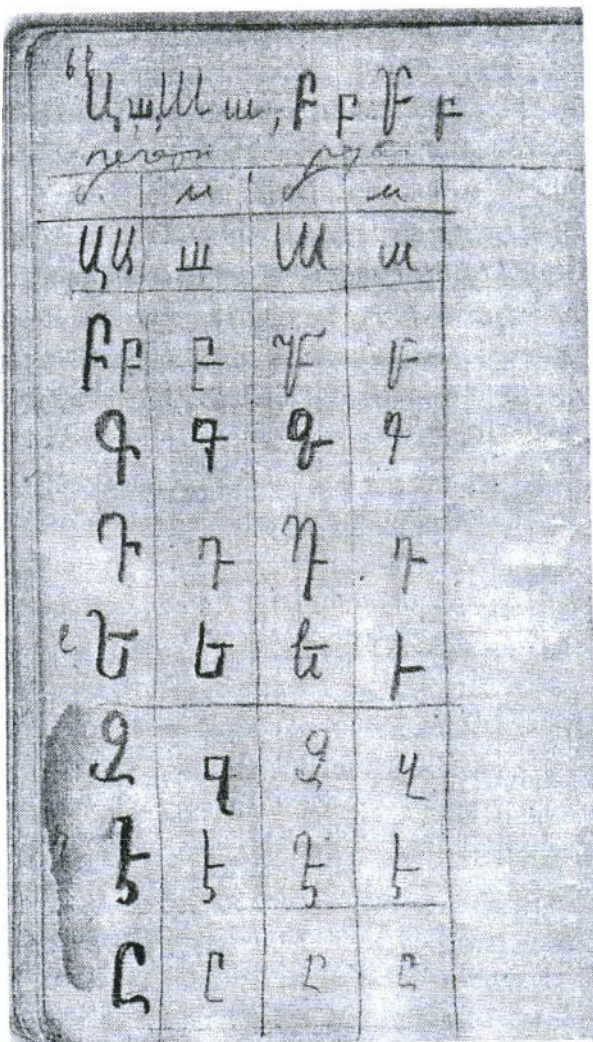
му он учился у окружающих его армян – у сына Туманяна – Артавазда (он был одаренной, талантливой, яркой личностью, писал стихи, рассказы, драмы, занимался переводом), губернатора Вана К. Амбарцумяна и др.²¹, горькая судьба которых, их самоотверженные поступки и нравы достоверно воспроизведены в романе «Сады Семирамиды».

Под непосредственным впечатлением увиденного и пережитого Городецкий писал и стихотворения, посылая их для опубликования в основном в московский «Армянский вестник». В еженедельнике под заглавием «Песни рая» и под эпитафией «На небе рай, на земле Ван» опубликованы стихи – «Сад», «Где они?», «Руки девы», «Ван», «Ребенок», «Душевнобольная», «Панихида», «Прощанье».

В то же время из Западной Армении он посылает корреспонденции в «Русское слово», отдельные записи, очерки, как, например, «Хой», «Разоренный рай», «Согорский проспект», «Встреча с

²¹ И. Сафразбекян ошибается, когда пишет, что С. Городецкий «почти три года» пробыл с сыном Ованеса Туманяна Артаваздом в Западной Армении [*С. Городецкий. Последний крик. Стихи и проза* (далее – *Последний крик*), состав., предисл. и примеч. И. Сафразбекян. Ереван, 2010, с. 10)]. Артавазд и Амбарцумян погибли при отступлении из Вана в 1918 г., на территории Персии. В статье «Венок друзьям» [Кавказское слово, 8 (25). XII. 1918] Городецкий посвятил их памяти теплые, душевные строки. В этой же статье он пишет: «Помню, он (К. Амбарцумян. – А. З.) учил меня армянскому языку, начиная с самых близких ему слов: воздух, солнце, ветер, родник, море, и мне казалось, что в этих словах я воспринимаю душу космоса».

Как становится ясно из писем известного армянского поэта В. Терьяна, адресованных В. Брюсову и К. Микаэляну, в июне-июле 1916 г. в Ване находился также видный общественно-литературный деятель Погос Макинцян [*В. Терьян. Собр. соч. в 4-х т., т. 4*. Ереван, 1979, с. 262, 267 (на арм. яз.)]. В развалинах города он занимался спасением духовных ценностей – сбором рукописей и старинных книг. Можно с уверенностью сказать, что Городецкий в Ване общался с ним.

Страница из записной книжки С. Городецкого
с буквами армянского алфавита

курдами», «Библейские беды», «Тыл и тылок»²², в которых представляет русскому читателю природу, рельеф, исторические памятники, быт местных жителей, памятные встречи, события, происходившие в тех районах, где он побывал.

После опубликования сатирического очерка «Три генерала» Городецкий прекращает сотрудничество с «Русским словом»²³ и в дальнейшем в основном печатается в выходящем в Тифлисе на русском языке органе армянских публицистов – газете «Кавказское слово». Ускользнувшее от внимания исследователей периодическое издание, разнообразные материалы которого всесторонне дополняют целостную картину армянской общественно - политической, литературно - культурной жизни десятых годов XX в. Именно здесь в 1917 г. публикуются известные очерки Городецкого под общим заглавием «В стране ручьев и вулканов»²⁴, в которых представлены исторические пути армянского народа, его прошлое и настоящее, многовековая культура, климатические и географические условия страны. В той же газете печатаются его впечатления о Персии²⁵ – материалы, которые мало известны не только широкой публике, но и исследователям творчества русского поэта.

²² «Русское слово» (М.), 1916, № 130, 175, 177, 201, 251, 296. Очерк «Разоренный рай» под заглавием «Разрушенный рай» впервые на армянском языке был напечатан в бакинской газете «Арев» (4. VIII.1916).

²³ Мой путь, с. 326.

²⁴ «Спящие вулканы» (20. VII. 1917), «Голубые берега» (23. VII. 1917), «Город призраков» (27. VII. 1917) [эти три очерка изначально не были напечатаны под этим общим заглавием], «Древности Вана» (3. VIII. 1917), «Ванские портреты» (6. VIII. 1917), «Ванский губернатор» (10. VIII. 1917), «Золотые вечера» (20. VIII. 1917), «Храмы Ормузда, Христа и Аллах» (24. VIII. 1917), «Бегри-бек и курды» (3. IX. 1917), «Жизнь неукротимая» (7. IX. 1917), «Ночной отход» (14. IX. 1917).

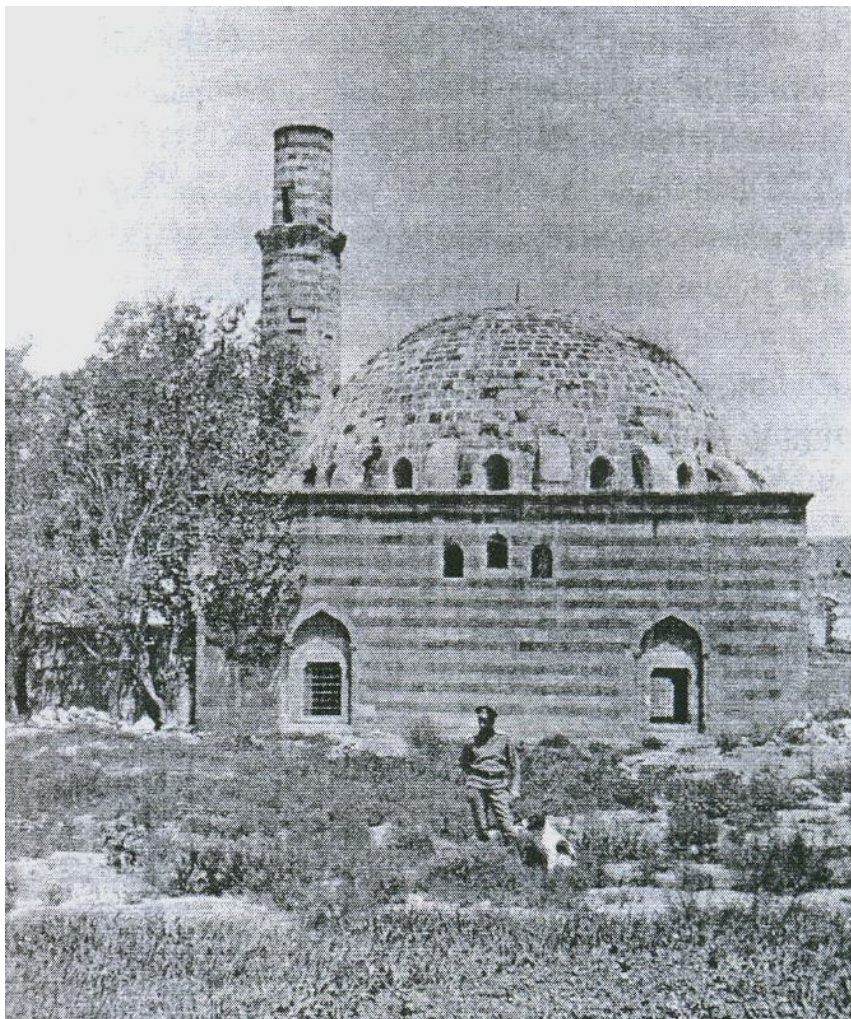
²⁵ «Вихревая колея» (15. VI. 1917), «На урмийских берегах» (21. VI. 1917), «Курдистан» (28.VI. 1917), «Хвались» (6. VII. 1917), «Саккиз» (9. VII. 1917) и др.

Эти статьи-очерки, почти все без исключения, имеют большое историко-документальное значение: они являются своеобразными летописными страницами военных действий на Кавказском фронте, повествуют о событиях, имевших место в Западной Армении. В дальнейшем С. Городецкий художественно воплотил их в романах «Алый смерч» и «Сады Семирамиды».

... 6 ноября 1916 г. в Ване Городецкий получает травму – перелом ноги (с. 189)²⁶. Именно в эти дни начинается очередное отступление из города. 17 ноября поэт организует необходимые передвижные средства и под личным руководством увозит 50 армянских сирот, 10 больных и многие семьи в населенный пункт Савали²⁷. Затем Городецкий едет в Тифлис, а оттуда – на лечение в Петербург. В феврале 1917 г. он возвращается в Тифлис, а потом едет в Персию к местам дислокации действующей армии. В эти дни русский поэт в последний, третий раз побывал в разрушенном Ване, который для него стал своеобразным святым местом. «Из тех тяжелых дней вынес я светлую уверенность, что разоренный ванский рай восстановится скорее, чем можно этого ожидать, глядя на развалины: жизнь, ютящаяся в них, тому порукой» (с. 48), – с большой верой писал С. Городецкий.

²⁶ В очерке «Ночной отход» С. Городецкий об этом пишет: «В конце октября (1916 г. – А. З.) выехал я на окраину Вана, чтоб осмотреть разрушенную мельницу – хотел возобновить. ... Лошадь водовозная. ... Дорога круто спускается в овраг и под прямым углом поворачивает на узенький мост. Лошадь понесла... через минуту я лежал, онемев от боли: правая нога пухла на глазах, как будто ее надували» (с. 48). Ошибается М. Амирханян, когда пишет, что русский поэт сломал ногу в Ване *в октябре 1917 г.* и в ноябре того же года покинул город (М. Амирханян. Армения в русской литературе накануне Октябрьской революции. – Литературная Армения, 1978, № 10, с. 96). Безусловно, не права и И. Сафразбекян, написав: «*6 ноября 1918 года он сломал ногу и попал в лазарет* (курсив наш. – А. З.)», см.: Последний крик, с. 10.

²⁷ См.: Оризон, 25. XI. 1916.

Сергей Городецкий в Ване (1916 г.)

Но, увы... дальнейшие события развивались по-иному, и армянский народ с большой верой до сих пор ждет этого счастливого дня – восстановления армянской жизни в Ване...

Годы спустя, подытоживая пройденный путь, Городецкий признавал, что свою деятельность в Западной Армении по оказанию помощи сиротам считает одной из достойных страниц своей жизни²⁸. Именно здесь он, «видя нищету и разорение, собирая сирот на дорогах, где белели затоптанные в прах кости армянского народа»²⁹, начинает освобождаться от прежних иллюзий, постигая подлинную сущность всесокрушающих войн, царской политики в отношении национальных меньшинств, о чем пишет в ряде статей. В них, в частности, С. Городецкий раскрывает посягательства царской бюрократии по отношению к малым нациям, начиная от натравливания их друг на друга до попрания их самых элементарных прав. Он показывает вредоносность угнетательной политики царизма как для этих народов, так и для русского народа³⁰.

В рядах действующей армии Кавказского фронта С. Городецкий переживает сложный и мучительный период переоценки ценностей. Характерно, что именно здесь он знакомится и завязывает дружеские отношения с большевиками – врачом С. М. Кедровым и Б. Е. Этингофом. Последний был инспектором Союза городов в Ване и вел агитационную работу среди солдат. По свидетельству поэта, именно он первым «кратко и умно показал ... бездну, над которой стояла русская интеллигенция в своей некоторой части, не успевшей понять историческое величие большевизма» (с. 196).

... С. Городецкий считал себя продолжателем «славного дела» В. Брюсова, ознакомившего русскую общественность с многовековой историей, культурой и поэзией армянского народа. «Я считаю

²⁸ А. Арзуманян. Встречи с Сергеем Городецким. – Гракан терт (Литературная газета, Ереван), 10. IV. 1959 (на арм. яз.).

²⁹ Мой путь, с. 326.

³⁰ См., в частности, Кавказское слово, 3. IX. 1917.

себя продолжателем славного дела Валерия Брюсова. Он еще более подружил Россию с Арменией. Я укрепил эту дружбу стихами и работой на фронте» (с. 84), – писал поэт.

Весной 1917 г., оставив действующую армию, С. Городецкий в качестве делегата фронта едет из Персии в Тифлис³¹, где живет и творит до осени 1919 г.

* * *

Уместно сказать, что посещения древней Армении русскими (и не только) писателями, поэтами, журналистами, общественно-политическими деятелями, военными были традицией. Так, общеизвестно, что одним из примечательных эпизодов биографии великого русского поэта Александра Пушкина является его поездка в 1829 г. в Закавказье и пребывание в июне-июле того же года на территории Армении, где тогда шла русско-турецкая война. Об этом он рассказал в изданном им в 1836 г. очерке «Путешествие в Арзрум».

Вспомним: причинами, побудившими поэта вопреки запрету Николая I отправиться в действующую русскую армию, было желание увидеться с сосланными друзьями-декабристами, интерес к закончившейся войне с Персией (1826 – 1828), в результате которой Восточная Армения была присоединена к России, а также к событиям войны с Турцией (1828 – 1829). Выехав из Москвы 1 мая 1829 г., Пушкин 26 мая прибыл в Тифлис. Здесь он остался около двух недель, затем, 10 июня, направился в Карс, где тогда находилась русская армия. Проехав через Бзовдальский перевал, село Гергеры, Пернике, он 11 июня прибыл в Гумри, где остался на ночь. 12-го Пушкин был в Карсе, а спустя день, 13 июня, на берегу реки Карс-чай нагнал русскую армию и с ней совершил поход до Арзрума (Эрзерума). Здесь он общался со многими из ссыльных декабристов и лицами, причастными к делу о «тайных обществах» – Н. Н. Раевским, И. Г. Бурцовым, В. Д. Вольховским, М. И. Пущиным, Н. Н. Семичевым, В. Д. Сухоруковым и др., лично участвовал

³¹ МЛИ, архив С. Городецкого, № 85.

в ряде сражений с турками. Пробыв три недели в Эрзеруме, Пушкин 21 июля выехал в обратный путь. Из-за чумы ему пришлось выдержать трехдневный карантин в Гумрах. 1 августа он прибыл в Тифлис, оттуда через 6 дней – во Владикавказ.

В своем «Путешествии в Арзрум» Пушкин писал о том, что замалчивалось официальной печатью: о героизме ссыльных декабристов, их огромной роли в победах русской армии; вместе с тем он показал и других героев войны – армян, грузин, их активное участие в боевых операциях, радость местного армянского населения в связи с освобождением от персидских ханов и турецких пашей³².

В Западной Армении не раз побывали иностранные – европейские и американские – журналисты, публицисты с целью ознакомиться с тяжелым положением армянского народа под турецким игом. И все они свидетельствовали об одном и том же. Здесь упомянем лишь ирландца Эм. Диллона, который в качестве специального корреспондента “Daily Telegraph” в начале 1895 г. побывал в Западной Армении, чтобы на месте ознакомиться с достоверными фактами. Затем он в августе опубликовал результаты своего исследования «Положение дел в Турецкой Армении» в “Contemporary Review”. Статья была переведена на русский и опубликована в книге «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году» со следующим примечанием: «Автор этой статьи являет собою пример боевого, неустрашимого служения печатному слову. С неимоверными трудностями и опасностями выполнил он многотрудную роль расследователя зверств турецких, встречая на каждом шагу, при выполнении своей благородной миссии, противодействия со стороны турецкого правительства»³³. Выступая 26 июля 1895 г. на публичном митинге в Честере, видный государственный деятель

³² Об этом более подробно см.: *К. В. Айвазян*. Пушкин в Армении (к 175-летию со дня рождения). – Историко - филологический журнал АН АрмССР (далее – ИФЖ), 1974, № 1, с. 3–19 (на арм. яз.).

³³ Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М., 1896, с. 327.

Англии В. Гладстон, охарактеризовав статью-отчет Диллона «достоверным», добавляет: «Сущность этой замечательной статьи, подкрепляемой ... показаниями других свидетелей, может быть выражена в четырех словах: *грабеж, убийство, насилие и пытка* ... Если вы просмотрите статью Диллона, то увидите, что он на каждом шагу подвергал бы себя опасности опровержения, если бы сообщения его были неверны или неточны. Он дает вам имена участвующих лиц, указывает место и время происшествий и отмечает каждую подробность описываемых событий, так что турецкое правительство имело бы возможность проверить его сообщения и в случае их неверности выставить его на общественный позор. Между тем статья Диллона не вызвала *никакого* официального опровержения. Я сделаю смелое заявление, но выскажу уверенность, что со стороны турецкого правительства никогда и не последует такого опровержения, которое подорвало бы достоверность фактов, сообщаемых Диллоном на основании личных наблюдений, и разрушило бы картину, нарисованную им при помощи материалов, собранных с величайшим трудом»³⁴.

В начале 10 - х годов XX века трагическая армянская действительность имела огромный резонанс среди самых широких слоев европейской и российской общественности, вновь вызывая интерес к армянскому народу. Как известно, именно в этот период Армянский вопрос вступил в новую фазу. Поражение Турции в Балканской войне вновь пробудило надежды в армянских политических кругах на скорейшее решение этого вопроса. Армянский вопрос оказался в сфере интересов великих держав – в дипломатии все чаще стали по разным поводам упоминать Армению. Европейская и, в частности, российская пресса публикуют статьи о тяжелой и трагической участи западных армян под турецким игом, в которых призывает спасти находящийся на грани исчезновения народ. Армянские общественно-политические партии и различные союзы направ-

³⁴ Там же, с. XIV–XV.

ляют прошения и заявления великим державам с целью урегулирования положения в Западной Армении. В 1912–1913 гг. вокруг реформ в армянских вилайетах разворачивается острая дипломатическая борьба, в которую вовлекаются великие державы. Однако реальной силой, способной сыграть определенную положительную роль в судьбах Армении, по-прежнему оставалась Россия. С успешными Балканскими войнами еще более укрепились основы пророссийской ориентации армян, стала ощутимой надежда западных армян сбросить турецкое иго.

В этой атмосфере всеобщего интереса к Армянскому вопросу в конце 1912 – начале 1913 гг. в Тифлис прибыл корреспондент петербургских газет «Новое время», затем – «Биржевые ведомости», известный публицист Антуан Березовский - Ольгинский (псевдоним – Т. Ольгенин). В Тифлисе (3 января), затем в Эчмиадзине (23 января) он выступил с лекциями о Балканской войне, в которых коснулся также Армянского вопроса, отмечая, что он становится очередным политическим вопросом после решенных балканских. С конца января до середины мая Ольгенин побывал в шести вилайетах Западной Армении – Эрзерум, Ван, Битлис, Тигранакерт, Себастья, Харберд. Путешествуя по этим местностям, он обстоятельно изучил социально-экономическое и политическое положение западных армян. Свои впечатления публицист опубликовал в «Биржевых ведомостях» в ряде корреспонденций под общим заглавием «Исчезающая Армения». Эти материалы, написанные под непосредственным впечатлением от увиденного и пережитого, имеют ценность исторических документов. В этих статьях Т. Ольгенин сообщал, что ряд высокопоставленных турецких должностных лиц, члены парламента и представители местных властей настраивают против армян мусульманское население, в частности курдов, что идет подготовка к массовым, всеобщим погромам при явном покровительстве властей. Публицист приходит к заключению, что против армян гото-

вится ужасное преступление, которое приведет к огромной трагедии.

Вскоре турецкие власти, всерьез обеспокоенные развернутой Ольгениным деятельностью, обвинили его в антитурецкой пропаганде и подняли вопрос о его высылке из страны.

Возвратившись из Западной Армении, Ольгенин прочел лекции на тему «Исчезающая Армения» в Тифлисе (27 мая), затем в Баку (8 июня). Он отмечал, что Армения играет чрезвычайно важную роль для России, посему «инициативу решения Армянского вопроса должна взять на себя Россия. Этого требуют как ее государственные интересы, так и моральный долг. Россия должна исправить ошибки своего прошлого: если и сегодня Армянский вопрос не будет решен, Российскому государству в будущем будет грозить большая опасность ... Промедление в этом вопросе будет смертельным ударом как для России, так и для армян»³⁵.

Представленные Т. Ольгениным материалы дополняют те широкоизвестные факты, из которых можно сделать вывод: в основе осуществления Геноцида армянского народа лежали захватнические пантюркистские планы младотурок-шовинистов, подготовленные еще в 1910 – 1911 гг. на их тайных совещаниях, на съезде в Салониках и превратившиеся в государственную политику.

Поездки Ольгенина по Западной Армении, разностороннее изучение и широкое освещение тяжелого положения армянского народа наряду со сформировавшимися взглядами и официальной позицией России также повлияли на отношение царского правительства и общества к реформам в Западной Армении и ее внеш-

³⁵ Бакви дзайн (Голос Баку), 15.VI.1913 (на арм. яз.). О деятельности Т. Ольгенина в Западной Армении и в Закавказье подробно см.: А. А. *Закарян*. Русский публицист Т. Ольгенин об Армении и Армянском вопросе. – ИФЖ, 1989, № 4, с. 66 – 84 (на арм. яз.); *он же*. Западноармянская действительность в оценке русского публициста Т. Ольгенина. Ереван, 2014 (на арм. яз.).

ную политику в этом вопросе.

Вскоре, 26 января 1914 г., подписывается русско-турецкое соглашение о проведении реформ в Западной Армении. Казалось, что в этом вопросе намечается прогресс, однако в условиях начавшейся Первой мировой войны Турция не только не выполнила условий договора, но и с новой силой приступила к массовому уничтожению армян. Забегая вперед, скажем: государственная политика Геноцида армян воочию проявилась в ночь на 24 апреля 1915 г., когда турецкие власти в Константинополе арестовали, а затем варварски убили многих известных армян, обвинив их в «шпионаже» и «незаконном хранении оружия». В их числе были Григор Зограб и Сиаманто, Даниел Варужан и множество других видных представителей западноармянской интеллигенции.

... С осени 1914 г. на Кавказском фронте – в Западной Армении – побывали представители крупнейших органов русской печати – «Русское слово», «День», «Русские ведомости», «Новое время» и других газет, среди них – Н. Апешов, С. Поляков, Ф. Крюков, И. Ясинский, Ал. Вознесенский, А. Тыркова (псевдоним – А. Вергежский), литератор, журналист Вяч. Полонский, В. Водовозов, видный государственный и общественный деятель России А. И. Гучков, в качестве сестры милосердия – дочь Льва Толстого – Александра Толстая, поэт - генерал Ал. Кулебякин и др.³⁶

Обращаясь к судьбам армянского народа, выступая в его защиту, они содействовали распространению правды об Армении: раскрывали перед общественностью России суть Армянского вопроса, подлинные причины Геноцида, гневом откликались на погромы армян, разоблачали подлые цели, преследуемые великими державами в Армянском вопросе, призывая их помочь народу, оказавшемуся на краю гибели.

³⁶ Об этом подробно см.: А. Закарян. Русские литераторы и армянская действительность (10-е гг. XX в.). Ереван, 1994; *он же*. Русские литературные деятели об Армянском вопросе и о Геноциде армян (10-е годы XX века). – Вестник Ереванского университета, 2003, № 1, с. 63 – 73.

ГЛАВА II

ЛИТЕРАТУРНО - ОРГАНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТИФЛИСЕ

1. РЕДАКТОРСКАЯ, ЛЕКТОРСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

В Тифлисе С. Городецкий начинает работать в консерватории, ведя лекции по эстетике и одновременно в газете «Кавказское слово», где с 7 июля 1917 г. для него открывается специальный отдел «Искусство и литература». Под этой рубрикой каждую пятницу помещались статьи, очерки, рецензии, сообщения о вопросах литературы и искусства, в большинстве своем в авторстве С. Городецкого. *«Прибыв в Тифлис из Персии после февральской революции делегатом с фронта»* (курсив наш. — А. З.), я не застал там никаких организаций, никаких изданий, за исключением двух газет. В 1918 и 1919 гг. я развернул литературно-художественный отдел в газете «Кавказское слово», который в значительной мере способствовал пробуждению художественного и литературного самосознания в крае. Там я поместил около 200 статей¹.

В программной статье «Цели отдела» говорилось, что задачей отдела является «... ввести в привычки обывателя — замечать и оценивать текущие мимо него художественные явления, внушить ему любовь к подлинному искусству древности и отвращение к модернизирующей пошлости, следить за тем, как и художники организуются и примыкают к всероссийскому строи-

¹ МЛИ, архив С. Городецкого, № 85. Ошибается И. Сафразбекян, когда пишет: *«В 1918 году Городецкий возвращается в Тифлис, где работает заведующим отделом литературы и искусства в газете «Кавказское слово»»* (курсив наш. — А. З.), см.: Последний крик, с. 11.

тельству...»². В другой статье С. Городецкий утверждал, что «... скромная работа нашего отдела тесно примыкает к революционно - культурной деятельности, которой вдохновлена сейчас вся демократическая Россия»³.

Выполняя обязанности лектора консерватории и руководителя отдела «Кавказского слова», а также работая в «Театральной комиссии» при исполнительном комитете рабочих и солдат, С. Городецкий служил делу художественного воспитания широких демократических слоев края, сплочения кавказских народов вокруг революционной России. В то же время своей деятельностью он помогал закавказским народам, в первую очередь армянам, не предаваться настроениям отчаяния, вселял в людей в эти смутные дни веру, надежду и уверенность.

Находя, что миссия литературы и искусства велика во все времена, он подчеркивает их особое назначение в исторически трудные периоды: «Некоторых наших читателей волнует вопрос, как можно в дни тяжелых национальных бедствий, переживаемых родиной, заниматься такими делами, как стихи, картины и вообще искусство.

Не только можно, но и необходимо, — отвечаем мы.

Искусство никогда не разлучается с жизнью, а в тяжелые времена оно особенно спешит ей на помощь ..., оно может отвечать не только идиллиям мирной жизни, но и трагедиям военной. Оно не забава, а хлеб насущный. Оно не грех, а гордость»⁴. Затем, касаясь вопросов культуры народов, мужающих, крепнущих в горниле революции, С. Городецкий отмечает огромную роль литературы и искусства не только в сохранении самобытности каждой нации, но и в укреплении общечеловеческих идеалов, интернациональных связей. «Где, как не в глубинах художественного творчества, могут быть найдены лучшие обоснования прав народностей на самоопределение?

² Кавказское слово, 7. VII. 1917.

³ Кавказское слово, 8. IX. 1917.

⁴ Там же.

Но, давая опору нациям, искусство в то же время спасает их от шовинизма, ибо оно интернационально ...»⁵, – объясняет он.

Во всех сферах своей плодотворной деятельности поэт руководствовался этим принципом. Своими лекциями и публичными выступлениями, организаторской деятельностью, двумя сотнями статей, очерков, рецензий, посвященных вопросам армянской, восточной, русской, европейской литературы и искусства, С. Городецкий содействовал культурно-просветительному развитию края. Трудно представить границы деятельности русского поэта, его энергию, степень готовности служить обществу. Ни одно публичное мероприятие не проводилось без его самого активного участия.

Являясь членом «Театральной комиссии», Городецкий многое сделал для упрочения общественной роли театра как одного из самых демократических видов искусства. В своих статьях русский поэт затрагивал вопросы сущности и характера демократического театра, его репертуара, режиссерского искусства. Так, оценивая выступления студии Московского художественного театра на Кавказском фронте, он особо останавливается на спектакле «Дядя Ваня» Чехова, подчеркивая значение подобных спектаклей. «Спектакль показал, насколько важно и нужно проводить искусство в массы, и как тщательно при этом нужно подбирать произведения искусства для того, чтобы восприятие их было сознательным и благотворным»⁶, – заключает публицист.

Под «благотворным» воздействием мхатовцев С. Городецкий даже начинает писать пьесы и одна из них – «Крупная фигура» – была поставлена в Артистическом театре в октябре 1917 г.⁷ Другая его пьеса – «Три итальянки» – также имела успех на театральных подмостках в 1918 – 1919 гг.

Кстати, отметим, что в эти дни Городецкий интересовался также армянским театром, о чем говорит записка Ов. Туманяну

⁵ Там же.

⁶ Кавказское слово, 21. VII. 1917.

⁷ Возрождение (Тифлис), 17. X. 1917.

датированная от 6 декабря 1917 г.: «Очень прошу, если можно, книгу об армянском театре. Мечтаю получить сегодня вечером и Вашу статью на эту тему, очень мечтаю, хоть краткую» (с. 181).

А как много времени неутомимый поэт уделял своим публичным лекциям! Как правило, его лекции об искусстве, истории искусства – «Архитектура античного мира», «Архитектура средневековья и Возрождения», «Архитектура Закавказья» – сопровождались показом иллюстративного материала – памятников древней архитектуры, что делало их еще более увлекательными. Среди широких масс особым успехом пользовались смешанные мероприятия – лекция, музыкально-литературная часть, краткие театральные представления, – организовываемые почти каждую неделю. В такую форму облекались вечера, приуроченные к юбилейным датам писателей, деятелей культуры, на которых часто со вступительным словом выступал С. Городецкий. Симфоническая музыка – вступительное слово – театральная постановка – декламация – песня – такую программу имели вечера, посвященные И. Никитину (22 июля 1917 г.) и Н. Некрасову (5 августа 1917 г.). Как в первом, так и во втором случае, С. Городецкий придавал особое звучание мотивам протеста и бунтарства их творчества, обращенного против царского самодержавия. Характеризуя творчество Никитина, акценты ставились на стихотворениях «Нищий», «На пепелище», «Мать и дочь», «Постыдно гибнет наше время!.. », «Тяжкий крест несем мы, братья ... », «Падет презренное тиранство... ». С особым звучанием читались «Железная дорога», «Крестьянские дети», «Орина, мать солдатская», «Песня Еремушке», «Размышления у парадного подъезда», «Кому на Руси жить хорошо» и другие произведения Некрасова, в которых поэт с сильным гражданским пафосом обличает общественную, социальную несправедливость и неизлечимые раны крепостнической России.

Этими и подобными мероприятиями, лекциями и выступлениями С. Городецкий пробуждал революционные настроения демократических масс, никогда не вульгаризируя общественное

содержание и сущность литературы и искусства.

Безусловно, интересны его заметки в период революционного подъема. В своих статьях, сообщениях он неоднократно подчеркивает «невероятно возросший» интерес народных масс к литературе и в особенности к театру, указывая на то, что искусство не кончается работой искусствоведа, что зритель, слушатель, читатель своим активным восприятием продолжают его дело. Это было впечатление, полученное от зрителя, читателя эпохи революции, но и здесь его наблюдения тонки, не допускают никаких крайностей. Он находит, что «... каждый крупный поэт – явление... всенародное ... , существо его поэзии создается жизнью всего народа ... , поэты – это барометры страны, предчувствующие бурю задолго до ее начала»⁸, принципы, которые всегда подтверждаются и иллюстрируются им на примере анализа русской и европейской литератур, а также литератур других народов России. Таковы были исходные позиции прочитанных им 29 июля в Грузинском клубе лекций о роли грузинского и украинского народов в общероссийской культуре, о широком значении творчества Шота Руставели и украинских дум, Тараса Шевченко, Акакия Церетели.

Избираемые для лекции авторы весьма характерны для Городецкого. С одной стороны, преданность трудящимся массам, их горестям и нуждам, с другой – единению народов России. С такой четкой идейной установкой он разворачивает свою деятельность, внося заметную лепту в обогащение и развитие культурных традиций народов Кавказа, распространение знаний, способствуя формированию вкуса людей.

Вскоре, однако, в творческих интересах С. Городецкого намечается определенный перелом: поэт развивает активную деятельность в области пропаганды и популяризации искусства, в частности, изобразительного.

С. Городецкий придерживался того мнения, что «... зрение прогрессирует скорее всех чувств» (с. 65). Утвердившись в Тиф-

⁸ Кавказское слово , 16. VII. 1917.

лисе, высоко ценя музыку многонационального края, прекрасно зная музыкальный мир, он находил, что «пора ему подняться на такую же высоту... и в других искусствах» (с. 52). Говоря о «других искусствах», он имел в виду в первую очередь изобразительное искусство.

3 декабря 1917 г. в «Кавказском слове» печатается первая статья Городецкого из цикла «Творчество детей». Поднимая вопрос о необходимости познания детской души, о недопустимости нарушения нормального развития детей, автор ставил задачу постижения детского мира совместной работой и общением. В этой связи он просит читателей прислать в редакцию рисунки детей от 5 до 12 лет. Это начинание, безусловно, служило не только обнаружению художественных способностей и наклонностей у детей, но и было результатом привязанности к детям, возникшей в процессе собирания сирот в Западной Армении, и имело интересный результат.

21 января 1918 г. на основе полученных материалов в трех залах редакции открывается однодневная выставка «Детское творчество», которая имеет большой успех. Были представлены рисунки без малого сорока детей, залы были переполнены посетителями – родителями, учителями, художниками. Выступив с получасовым докладом, Городецкий рассказал, как возникла идея организации выставки, поделился своими впечатлениями о рисунках, охарактеризовал творческую психологию детей, дал практические рекомендации для их духовного развития. На средства, полученные от выставки, он планировал издание альманаха детского творчества под заглавием «Райский орленок»⁹. Об этом печатается объявление с просьбой до 31 января прислать для альманаха стихотворения, сказки, рассказы, написанные детьми, и их рисунки¹⁰. По всей вероятности, Городецкий намеревался превратить «Райский орленок» в ежемесячник, о целях которого писал: «Полная самостоятельность детского творчест-

⁹ Кавказское слово, 23. I. 1918; Возрождение, 23. I. 1918.

¹⁰ Кавказское слово, 24. I. 1918.

ва, отсутствие какой бы то ни было помощи со стороны взрослых – вот что делает ценным наш журнал.

... «Райский орленок» задачей своей ставит отражать жизнь... первого райского возраста (5–12 лет. – А. З.), в который хоть и вторгаются тревоги позднейших лет, но еще не заполняют всего рая»¹¹.

Городецкий собирает первые литературные пробы армянских и русских детей, обрабатывает, в частности, 12 рассказов и сказок, 16 стихотворений и 19 рисунков. Среди авторов следует отметить Анаит Шатирян, Лилию Ашхарумян, Хачатура Парунакяна, Эмму Герасимян, Маргариту Серебрякову, Веру Невтонову. В этих работах представлены впечатления, чувства, суждения детей, показаны также положение армянского народа, поле битвы, окровавленное оружие.

Детский литературно-художественный альманах «Райский орленок» вышел в свет 18 марта под редакцией С. Городецкого¹². В этот день в переполненном зале редакции «Кавказского слова» он прочел пространную лекцию о живописи¹³.

Популяризацию «зрительных» видов искусства русский поэт затем продолжил с «пожилыми». Так, в двух комнатах редакции армянской газеты «Ашхатавор» («Труженик») стараниями Городецкого 3 марта организуется выставка «Ван – Эрзерум – Трапезунд», где исторические памятники этих городов представляются акварельными рисунками, фотоснимками и чертежами Б. Рябова, Н. Северова, М. Керна. Выставка привлекает внимание широкой общественности, научных кругов, ее посещают археологи, архитекторы. Многие музеи ведут переговоры о приобретении представленной коллекции. В статье «Ван, Эрзерум и Трапезунд в работах Б. Рябова, М. Керна и Н. Северова» Городецкий пи-

¹¹ Кавказское слово, 16. III. 1918.

¹² Кавказское слово, 20. III. 1918. Один экземпляр альманаха «Райский орленок» хранится в МЛИ (архив С. Городецкого, № 53).

¹³ Кавказское слово, 20. III. 1918.

шет, что такие коллекции должны целиком стать всенародным достоянием, как имеющие исключительную научно-художественную ценность¹⁴.

В день открытия выставки русский поэт выступает с докладом «Ванские древности». Доклад повторяется несколько раз до закрытия выставки, которая экспонируется в течение недели. В тот же день в редакции продаются первые экземпляры книги Городецкого «Ангел Армении», оформленной Б. Рябовым в манере барельефов храма Ахтамар¹⁵.

В это же время неутомимый поэт разворачивает и широкую издательскую деятельность, под его редакцией основывается литературный и искусствоведческий ежемесячник «Ars»¹⁶. Издателем журнала была Анна Антоновская, первые литературные опыты которой именно в эти дни печатаются в «Ars» - е. Родившись в Тифлисе в семье ремесленника, Антоновская училась в родном городе армянского поэта Е. Чаренца – в Карсе, закончила Мариинскую женскую гимназию, некоторое время жила в Ереване, Батуми, Крыму, Кутаиси, затем возвратилась в Тифлис, где училась в школе художественно-прикладного искусства. Так что она с детства была знакома с обычаями местных народов, с их культурой. Вместе с супругой Городецкого Анной Алексеевной (Нимфа Бел-Конь-Любомирская) Антоновская была хорошо найденным издателем и помощником. Спустя годы она стала известной писательницей, написала роман «Великий Моурави» (кн. 1 – 6, 1937 – 1958), где воспроизводит борьбу грузинского народа за независимость в конце XVI – начале XVII вв. За 1-ю кни-

¹⁴ Кавказское слово, 3. III. 1918.

¹⁵ См.: Республика (Тифлис), 1. III. 1918; 3. III. 1918; Кавказское слово, 2. III. 1918; 6. III. 1918; Возрождение, 6. III. 1918.

¹⁶ Журнал предполагалось издавать под названием «Прометей». Однако оказалось, что в Тифлисе уже существовало одноименное издание на грузинском языке, и посему ежемесячник был назван «Ars» (Кавказское слово, 1. III. 1918; 14. III. 1918; Республика, 16. III. 1918; 24. III. 1918).

гу – «Георгий Саакадзе», в 1942 г. удостоилась Государственной премии СССР. По ее же сценарию был снят одноименный фильм¹⁷.

В начале марта было опубликовано объявление о том, что журнал «Ars» ставит «своей целью всестороннее отражение богатой художественной жизни Закавказья, исследование памятников армянской, грузинской, персидской ... старины, изучение литературы древней и современной всех народов Закавказья, углубление в культурное прошлое края в связи с античными явлениями и т. д. Текущая художественная жизнь городов Закавказья будет находить полное и объективное отражение на страницах нового журнала во всех своих отраслях»¹⁸. 11 мая в газете «Кавказское слово» Городецкий выступает со статьей «Задачи художественного журнала в Закавказье», где обосновывает необходимость издания «Ars», излагает его принципы. Говоря о Закавказье в целом, он отмечал, что «в каждой из закавказских культур таятся сокровища, еще не исследованные, еще не обнаруженные, и каждая из них имеет право на полное свое выражение...». И поэтому основной задачей художественного журнала в крае считал «исследование, изучение и обнародование архитектурных памятников края, их фресок и барельефов». Он находил, что такой журнал, наряду с решением целого ряда местных задач, должен сохранить и традиции русских художественных изданий.

Первый номер журнала (а под редакцией Городецкого было издано всего лишь три номера, второй и третий были объединены) выходит в свет в конце марта¹⁹. «В смысле эстетических верований мы будем держаться основного русла нового русского

¹⁷ Г. Тавзипшвили. Анна Антоновская. Тбилиси, 1958, с. 3 – 7; 12 – 13.

¹⁸ Кавказское слово, 1. III. 1918.

¹⁹ С. Городецкий был редактором журнала «Ars» до середины октября 1918 г. [Речь (Тифлис), 17. X. 1918)].

и европейского искусства, – было написано в редакционной статье журнала, – как оно определилось в России журналами «Мир Искусства» и «Золотое Руно», заменяя, однако, лабораторную узость последних более просторным горизонтом». И главное: «Искусство всех народов Закавказья нам дорого одинаково. ... Развалины Ани и фрески Зарэмы, песнопение дервиша или молоканина, скульптура древнего Ахтамарского монастыря или современная школа грузинских символистов – все равным образом входит в круг нашего внимания». Программа, намечанная в редакционной статье, успешно выполнялась. Так, в первом номере журнала были напечатаны стихотворение Ов. Туманяна «Надпись на книге (стих.) Нимфе Городецкой» в переводе С. Городецкого, стихотворение «Конь» Н. Бараташвили в переводе Ал. Кулебякина, четверостишие Ов. Туманяна в переводе С. Городецкого, О. Хайяма в переводе Ал. Кулебякина, стихотворение «Газэлы» А. Садыкова в переводе С. Городецкого, стихи А. Антоновской, Н. Бел-Конь-Любомирской, поэма Городецкого «Шофер Влаго», повесть Ю. Дегена «Розовые верблюжата». В номере были помещены и статьи Б. Рябова «Архитектура Тифлиса», Г. Робакидзе «Грузинский модернизм», А. Петраковского «Дон Кихот – Скептик (Анатоль Франс)», В. Ананова «Ганако Сота» – о японском театре. Намечался также отдел хроники, в котором должна была даваться информация о местной литературной, музыкальной и театральной жизни.

Кстати, позднее, возвращаясь к поэме «Шофер Влаго», Городецкий признается, что Туманян в эти годы влек его к эпическим поэмам, восходящим к народному эпосу. В этот период на повседневную тему была написана лишь поэма «Шофер Влаго», которую «Похваливая, он (Туманян. – А. З.) ласково меня упрекал, что это все же не всенародная русская эпическая поэма»²⁰.

²⁰ См.: Дружба. Статьи, очерки, исследования, воспоминания, письма

Первый номер журнала своим содержанием и оформлением удостоивается положительной оценки. Сообщается, что некоторые экземпляры были посланы в петербургские библиотеки, а также известным поэтам, которые весьма благоприятно отзывались о журнале²¹. «Кавказская рампа» в те дни писала, что «Ars» «производит самое лучшее впечатление. Это подлинно художественное издание, отмеченное прекрасным вкусом таких изданий, как «Золотое Руно» и «Весы». Материал интересен и многогранен»²².

2. «ЦЕХ ПОЭТОВ» ТИФЛИССКОГО «АРТИСТЕРИУМА»

В конце марта 1918 г. непосредственными усилиями С. Городецкого при журнале «Ars» создается новая художественная организация «Артистериум», целью которой было «настойчивой работой» сблизить деятелей искусства разных сфер, слушателей и зрителей, а также содействовать росту начинающих искусствоведов²³. В «Артистериуме» открываются отделы – лекторский, «Цех поэтов», выставок, музыки, детского творчества, к которым затем прибавляется отдел «Старый Тифлис». В работе «Артистериума» участвовали художники Л. Гудиапвили, А. Бажбеук

об армяно-русских связях /Сост. и авт. вступ. очерка А. Арзуманян. Кн. 1. Ереван, 1960, с. 99. Кстати, подробный критический разбор поэмы «Шофер Владо» дал Ю. Деген в статье «<О> новых стихах». Говоря о небрежности стиха, фельетонном характере поэмы, он заключает: «Все это тем более обидно, что почти на глазах у нас обещающего так много поэта осиливает, обесцвечивает, убивает дешевый газетный фельетонизм. Неужели же правда, что нам надо лишиться поэта С. Городецкого? Может быть, он поймет, наконец, что он делает и куда он идет, откажется от всех компромиссов, от всех ложных своих шагов и станет снова поэтом, таким, каким он может и должен быть?!» (Тифлисский листок, 24. XI. 1918).

²¹ См.: Кавказское слово, 10. VIII. 1918.

²² Кавказская рампа (Тифлис), 1918, № 1, с. 17.

²³ См.: Кавказское слово, 28. III. 1918; Республика, 28. III. 1918.

- Меликян, В. Ходжабекян, поэты Т. Табидзе, В. Гаприндашвили и др.²⁴

Из многочисленных мероприятий «Артистериума» первое вновь посвящается детям. 1 апреля в редакции «Ars» открывается вторая выставка детей, на которой было представлено более 300 картин. С. Городецкий читает доклад на тему «Радость и горе в рисунках детей»²⁵. Известный петербургский художник О. Шарлемань, который приехал в Тифлис по приглашению редакции «Ars» и активно участвовал в издании журнала, с воодушевлением рассказывает об успехе выставки, высоко оценивает деятельность Городецкого, подчеркивая его инициативу в издании художественного журнала «Ars», в работе всех отделов «Артистериума». По мнению О. Шарлемана, «Предпринятые здесь (в Тифлисе. – А. З.) Сергеем Городецким начинания, его художественный журнал «Ars», основанное им общество «Артистериум» с цехами поэтов, художников, музыкантов и с секциями выставок, издательств и лекций, все это должно быть отмечено под знаком истинной культуры»²⁶.

12 апреля состоялось открытие лекториума, на заседаниях которого были прочитаны доклады Г. Робакидзе «Об Андрее Белом», «О природе вдохновения», «О славянофильстве по Вячеславу Иванову и Николаю Бердяеву», Г. Робакидзе, П. Яшвили, Т. Табидзе, А. Арсенашвили о «Голубых рогах», доклад С. Городецкого «О символизме». В этот же день открылась и выставочная секция «Артистериума». Демонстрировались картины художника С. Мара. С 15 по 17 апреля была проведена выставка картин и рисунков московских футуристов, на которой были представлены работы преимущественно из коллекции А. Крученых. С 7 по 21 июля состоялась выставка В. Гудиашвили и А. Бажбеук - Меликяна. Секция «Старый Тифлис» выработала

²⁴ См.: Г. Тавзипшвили. Указ. раб., с. 8.

²⁵ См.: Оризон, 14. IV. 1918; 16. IV. 1918; Кавказское слово, 8. IV. 1918.

²⁶ Кавказское слово, 8. IV. 1918.

анкетные листы для обследования зданий, улиц, площадей города²⁷.

Действительно, неугасающая энергия С. Городецкого, его самоотверженная работа во всех отделах «Артистериума», вся его многогранная деятельность пробуждали огромный интерес. Достойным упоминания его лекция «Отражение революции в новейшей русской литературе», прочитанная 1 декабря 1918 г. в Закавказском университете²⁸. «Ознакомив аудиторию с наличными силами русской литературы к моменту революции, – говорится в газетной заметке, – лектор дал анализ поэмы «Двенадцать» Ал. Блока и «Слова о погибели земли русской» А. Ремизова, как двух ярких психологических документов наших дней»²⁹. Анализ литературных течений русской литературы эпохи революции, характеристики поэмы «Двенадцать» Блока как поэтического пророчества будущего России, были настолько интересны, что по требованию общественности он прочел лекцию несколько раз.

Стараниями и личным участием Городецкого были организованы блестящие вечера, посвященные Н. Римскому-Корсакову, тургеневским дням, музыкально-поэтическому вечеру Н. Черепнина и др.

Проведенная работа сливала воедино местные творческие силы и деятелей культуры, приезжающих из центров России, направляла их по общедемократическому руслу, способствуя пропаганде передовых культурных традиций русского и закавказских народов, их сближению, формированию молодых писателей, художников в духе гуманистических принципов.

²⁷ Кавказское слово, 12. IV. 1918; 15. IV. 1918; 11. VII. 1918; Республика, 11. IV. 1918; 15. IV. 1918; Д. Гордеев. Артистериум. – Ars, 1918, № 2 – 3, с. 130.

²⁸ См.: Кавказское слово, 3. XII. 1918.

²⁹ Там же.

* * *

Бесспорно, С. Городецкий принимал каждодневное активное участие во всех делах и начинаниях отделов «Артистериума», однако более тесными узами был связан с возглавляемым им «Цехом поэтов»³⁰.

³⁰ Некоторые аспекты деятельности тифлисского «Цеха поэтов» освещены нами в статьях «Основанный С. Городецким в Тифлисе «Цех поэтов» и его сборник «Акмэ» (Вестник общественных наук АН АрмССР, 1982, № 12, с. 44 – 56, на арм. яз.); «Деятельность тифлисского «Цеха поэтов» (ИФЖ, 2011, № 2, с. 113–130), в монографиях «Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920)» [Ереван, 1984, с. 113–118, 128–140 (на арм. яз.)]; «Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье» [Ереван, 2010, с. 31 – 66 (на арм. яз.)]; «Тифлисский «Цех поэтов» Сергея Городецкого и сборник «Акмэ» (Ереван, 2011). В 2000 г. в Москве вышла в свет весьма интересная книга российского исследователя Татьяны Никольской «Фантастический город». Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921)», в которой помещена статья «С. Городецкий и его «Цех поэтов» (с. 134 –147). Однако в статье о литературном объединении «Цех поэтов» речь идет поверхностно и то всего лишь на двух страницах (с. 137 – 139). Кстати, во «Вступлении» Т. Никольская пишет: «Мы прекрасно сознаем, что в нашей работе имеются большие пробелы и неточности. ... Из-за стихийных бедствий, постигших некоторые тбилисские книгохранилища, мы не смогли перепроверить и уточнить ссылки на ряд газет и журналов...» (с. 18, 21). Рецензируя вторую книгу Т. Никольской «Авангард и окрестности» (СПб., 2002) А. Крусанов об этом же пишет: «Не подвергая сомнению бесспорный авторитет Никольской в избранных ею областях исследования, отметим все же ряд мелких неточностей исторического характера, которые не были устранены при подготовке книги ...» [А. Крусанов. Т. Л. Никольская. Авангард и окрестности. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2002; версия для печати (журнал «Новая русская Книга», 2002, № 1). – <http://magazines.russ.ru/nrk/2002/1/krus4.html>].

Прототипом действовавшего в Тифлисе этого литературного объединения являлся петербургский «Цех поэтов», основанный С. Городецким и Н. Гумилевым в 1912 г. (организационное собрание состоялось на квартире С. Городецкого 20 октября 1911 г.)³¹. Умонастроения петербургского «Цеха поэтов» подготовили почву для акмеизма – поэтического течения, сформировавшегося в 1913 г. и противопоставлявшегося символизму. И вот, созданной в Тифлисе литературной группировке С. Городецкий дает такое же название, хотя и, по признанию самого поэта, «Направление тифлисского цеха было романтической, чем петербургского, но поскольку идеология в обоих была не осознана, оба по существу оставались формалистическими» (с. 190).

В объявлении, опубликованном в печати, говорилось, что желающие сотрудничать с «Цехом поэтов» должны представить десять стихотворений. В состав жюри входили С. Городецкий, Г. Робакидзе, В. Пруссак и Ю. Деген³². И уже на «открытие» «Цеха поэтов» – 12 апреля 1918 г. – в редакцию «Ars»-а пришло более 20 молодых поэтов. После вступительного слова Городецкого было прочитано свыше 60 стихов, в обсуждении которых приняли участие известные литературоведы того времени³³.

К 20 июля 1918 г. объединение успело организовать 14 вечеров³⁴. В основном эти встречи проходили в музыкальной студии виолончелиста Н. Бендицкого, а также на квартирах С. Городецкого и Ал. Кулебякина по средам. Члены цеха читали свои произведения, слушали доклады по тем или иным литературным проблемам (в качестве докладчиков выступали С. Городецкий,

³¹ Литературное наследство, т. 92, Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга вторая, с. 9.

³² Кавказское слово, 28. III. 1918.

³³ Кавказское слово, 13. IV. 1918. Т. Никольская ошибается, написав, что открытие второй секции «Артистериума» – «Цеха поэтов» состоялось 11 апреля (см.: *Т. Никольская*. «Фантастический город». ..., с. 137).

³⁴ Кавказское слово, 20. VII. 1918.

Г. Робакидзе, К. Зеленский, Як. Львов и др.), воодушевленно обсуждали их.

Собраниям и деятельности «Цеха поэтов» посвящены интересные воспоминания поэтессы Рипсима Погосян, с августа 1918 г. являвшейся членом этого общества. «Первое мое знакомство с Сергеем Митрофановичем состоялось в 1918 году, когда я, начинающая поэтесса, только что со школьной скамьи, несмело переступила порог тифлисского «Цеха поэтов», – писала она. – ... Высокий, статный, стремительный в движениях, с копной светло-каштановых волос, с неизменной трубкой во рту, он, как гостеприимный хозяин, тепло улыбался каждому новичку, который хотел испытать свои силы в поэзии. С отеческой заботой он пестовал каждого, в ком находил проблеск таланта»³⁵. Р. Погосян принимала участие во всех собраниях, мероприятиях и с восторгом вспоминала: «Традиционными днями для «Цеха поэтов» была среда. Эти «среды» были той школой, где мы приобщались к тайнам поэтического мастерства. Затаив дыхание, мы слушали нашего учителя (С. Городецкого. – А. З.), большого знатока стихосложения. Он обращался с поэтической речью как укротитель, как хозяин русского языка, которым он владел в совершенстве. Сергей Митрофанович как художник придавал огромное значение форме выражения. Он мог часами говорить о структуре стихотворной строки, о размерах и рифмах, об ассонансах и аллитерациях, обо всем том, что придает певучесть поэтической речи. Он говорил о триолетах и о сонетах так образно и так поэтично, что и теперь я могу слово в слово повторить эти уроки. ... Без преувеличения можно сказать, что наши поэтические «среды» были настоящей школой стиха. ...

Поэтические «среды» в тифлисском «Цехе поэтов» были очень многолюдны. Кроме членов «Цеха поэтов», которых было около тридцати человек, сюда часто приходили и грузинские поэты, главным образом члены символистического литературного объединения «Голубые роги»...

³⁵ Р. Погосян. Старейший мастер «Цеха поэтов», с. 64.

Торжественность наших «сред» иногда нарушала группа поэтов – футуристов. Как-то с ними пришел Алексей Крученых. ...

Бывали на наших «средах» и музыканты, и художники, и артисты. Особенно зачастили они к нам, когда мы из «Артистериума» перешли в помещение музыкальной студии Бендицкого на улице Грибоедова. В трех небольших комнатах, где разместилась студия, все стены были расписаны в футуристическом духе художником Кириллом Зданевичем»³⁶.

Другой член «Цеха поэтов» Г. Эрстов пишет о Городецком, что он «вообще любил позу, был напыщен, поверхностно болтлив и, признаться, мало симпатичен», затем добавляет: «Но надо отдать ему должное, он сумел организовать настоящую школу поэтов. На еженедельных собраниях цеха все поэты читали свои произведения. Каждое из которых разбиралось по косточкам и с точки зрения формальной и по содержанию. Жестокая по беспристрастности и дружеская критика несомненно приносила большую пользу, помогая поэтам «расти»³⁷.

... Затрагиваемые на собраниях вопросы, благодаря возникающим вокруг них спорам, разговорам, выходили за рамки «Цеха поэтов», становясь достоянием многонациональной городской интеллигенции и молодежи, вызывая живой, огромный интерес к лекциям, вечерам и деятельности литературного объединения в целом. В свете сказанного заслуживает упоминания первый литературно-художественный вечер «Ars»-а, организованный 13 июня в зале консерватории. В начале вечера с докладами выступили С. Городецкий, Г. Робакидзе, Як. Львов. В переполненном зале с большим вниманием был прослушан доклад Городецкого «Искусство и жизнь». Во второй части вечера состоялось торжественное заседание литературного цеха, во время которого после вступительного слова Городецкого с чтением своих стихов выступили А. Антоновская, С. Корона, В. Зота,

³⁶ Там же, с. 64 – 66.

³⁷ Т. Никольская. «Фантастический город». ..., с. 138.

Н. Семейко и др. Бурю восторгов вызвало стихотворение С. Городецкого «Россия»³⁸.

По сообщениям печати, подобные вечера организовывались и впоследствии. На литературном вечере 11 декабря декламатор В. Тизенгаузен должен был выступить с чтением поэмы Ал. Блока «Двенадцать»³⁹. По воспоминаниям Р. Погосян, одно из очередных занятий «Цеха поэтов» С. Городецкий посвятил анализу и обсуждению поэм Ал. Блока «Двенадцать» и «Скифы»⁴⁰. Этому предшествовала публикация Городецкого на страницах «Кавказского слова», посвященная поэме «Двенадцать». Эта статья примечательна проницательным анализом, он, в частности, писал: «Нам доставлен корректурный оттиск новой книги Александра Блока «Двенадцать», в которую вошла эта новая поэма, или точнее, цикл стихотворений, и кроме того большое стихотворение «Скифы»...

Если бы даже эта поэма и не была посвящена изображению современной России, все равно она возбуждала бы большой интерес как произведение одного из сильнейших наших лириков, долго притом молчавшего и давно уже ставшего любимцем читателей надежд.

Но интерес удваивается оттого, что, по доходящим сюда сведениям, Александр Блок примкнул к большевикам, и таким образом, в его поэме соединяется интуиция свободного поэта с пристрастиями партийного человека.

Многим казалось странным, как мог романтик, певец Прекрасной Дамы, трубадур стать большевиком. Но, при ближайшем рассмотрении, дело становится совершенно ясным. С одной стороны, в большевизме очень много своеобразной романтики. С другой стороны, известно, что Блок во время первой революции ходил с красным флагом впереди демонстрантов, что им написаны стихи о рыцаре Зимнего дворца ... наконец, в Блоке всегда

³⁸ Кавказское слово, 12. VI. 1918; 15. VI. 1918.

³⁹ Кавказское слово, 11. XII. 1918.

⁴⁰ Р. Погосян. Эхо. Ереван, 1973, с. 35 (на арм. яз.).

было любопытство к народной, в частности, фабричной среде; в результате, его близость к большевикам вполне объяснима именно из его коренных качеств и свойств»⁴¹. В конце статьи, в примечании С. Городецкий добавляет: «Полностью «Двенадцать» появится в № 4 «Ars»-а. Постановкой этой вещи предположено открыть в осеннем сезоне серию «Вечеров поэзии».

Это был первый положительный отклик на известную поэму Блока в Закавказье, свидетельствовавший о серьезном воздействии и правильном восприятии поэмы в кругах тифлисской многонациональной интеллигенции. Благодаря предоставленному С. Городецким единственному корректорскому экземпляру тифлисское издательство «Кавказский посредник» растиражировало поэмы «Скифы» и «Двенадцать». Кстати, вскоре в тифлисской армянской газете «Мшак» появилась ценная статья А. Сурхатяна, в которой он своими тонкими и глубокими высказываниями защищал «великого поэта русской земли» от нападок левых и правых. Авторитетный критик дает оригинальное истолкование известному символу «Двенадцати». Вступая в полемику с враждебными большевизму мнениями о том, что поэт, «противопоставляя символ большевизму», осуждает это движение, Сурхатян пишет: «Христос – тот универсальный символ, в котором слито представление идеи и жертва идеи ...

Почему с окровавленным знаменем Христос предводительствует этими двенадцатью, спрашивают удивленные критики. Ведь кровь не связывается с личностью Христа?

Но разве может жертва идеи не быть окровавленной? Такого не было и быть не может. Если древний Христос во имя идеи нес свой обгаренный кровью крест, то Христос завтрашнего дня, во имя спасения несчастной нации, понесет обгаренное кровью знамя свободы». Интересен вывод критика: «Поэт глубоко постиг сущность происходящих общественных сдвигов и в образе Христа создал тот символ светлого будущего, для достижения ко-

⁴¹ Кавказское слово, 10. VIII. 1918.

торого человечество принесло беспримерные жертвы и будет приносить их»⁴².

Здесь уместно констатировать, что, с весны 1917 г. обосновавшись в Тифлисе, возглавив отдел «Искусство и литература» «Кавказского слова», почти каждую неделю Городецкий публиковал статьи на самые различные темы. Он периодически обращался к новинкам русской литературы и искусства, к памятным датам и событиям, создавал литературные портреты, выступал с оценкой грузинской и армянской литературы и искусства в целом, при этом характерным является то, что свои мысли и наблюдения он излагал в весьма доступной и привлекательной для массового читателя манере. Вспомним его рецензии на книги «Падение царской власти» В. Короленко, «Алый мак» Ф. Сологуба, «Стенька Разин» В. Каменского, «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели в русском переводе Бальмонта, статьи «Футуризм в поэзии», «Французские влияния в новой русской поэзии. Бодлер, Верлен, Верхарн», «Голубые роги (грузинские символы)», созданные им литературные портреты Г. Ибсена, Т. Шевченко, Д. Писарева, И. Репина, И. Тургенева, П. Чайковского, М. Горького, написанные с глубоким и всесторонним знанием их жизни и деятельности, тонким вкусом и ясным пониманием высокого призвания художника. Не выпадали из поля зрения Городецкого и издаваемые в Тифлисе произведения русскоязычной литературы, как, например, «Дверь Мехера. Отзвуки Вана» Ал. Кулебякина, «Мир скорби» И. Федорычева и т. д. Анализируя эти произведения, он вскрывает и их художественные недостатки.

В деятельности русского поэта особое место занимают также религиозно-философские вопросы. Различные стороны этой проблематики затрагивали его статьи «Одна из бездн», «Судьба интеллигенции», «Роль христианства в крушении России», «Под сенью истины» и т. д. «Критические работы Городецкого этой поры представляют большой интерес, — справедливо отмечает

⁴² Мшак, 5. III. 1919; 6. III. 1919.

С. Машинский. – В великих русских художниках, сумевших запечатлеть моральную крепость и душевную красоту человека, он справедливо видит чутких выразителей народной совести. В единстве эстетических и этических верований этих художников усматривает Городецкий источник силы их искусства. Подобный вывод весьма примечателен для бывшего акмеиста, для понимания той эволюции, которую претерпела его собственная эстетическая позиция»⁴³.

Таким образом, благодаря активной деятельности С. Городецкого, его литературно-критическим статьям и лекциям тифлисская общественность, в том числе армянская, была приобщена к русской литературе, новым литературным течениям и произведениям русских писателей.

... Естественно, на многолюдных собраниях «Цеха поэтов», о чем явствуют сообщения печати и воспоминания Р. Погосян, рассматривался более широкий круг вопросов. Помимо постоянных и новых членов, на собраниях цеха часто присутствовали и гости – профессор консерватории Ф. Гартман, музыковед Н. Черепнин, члены группы грузинских поэтов «Голубые роги» Т. Табидзе, П. Яшвили, В. Гаприндашвили, тифлиссские футуристы, возглавляемые А. Крученых.

На собраниях цеха неоднократно присутствовал и Ованес Туманян, своими советами поддерживавший молодых членов литературного объединения. Со своей стороны армянский поэт приглашал членов «Цеха поэтов» к себе в гости.

Как известно, в конце февраля 1919 г. в Тифлисе торжественно отмечалось 50-летие Туманяна, ставшее ярким культурным событием⁴⁴. В течение месяца многонациональная общественность города воздавала почести любимому поэту. В юбилейных

⁴³ С. Машинский. Сергей Городецкий. – В кн.: С. Городецкий. Стихотворения и поэмы, с. 34.

⁴⁴ Об этом подробно см.: С. Ованесян. Юбилей Ованеса Туманяна в 1919 г. – В кн.: Туманян. Исследования и публикации. 5. Ереван, 1998, с. 125 – 143 (на арм. яз.).

торжествах принимали участие и члены «Цеха поэтов». Так, 20 февраля делегация членов цеха (С. Городецкий, Ал. Кулебякин, Ю. Данцигер, Н. Бел-Конь-Любомирская) вместе с представителями интеллигенции Тифлиса посетила Туманяна и после теплых поздравлений преподнесла ему приветственный адрес⁴⁵.

26 февраля состоялось 24-е заседание цеха, посвященное 50-летию Ов. Туманяна. После приветственной речи председателя объединения С. Городецкого и декламации посвященных юбилею стихов Ал. Кулебякина и Н. Бел-Конь-Любомирской было оглашено решение «Цеха поэтов», согласно которому Туманян был избран почетным членом этого литературного объединения. Затем «Композитор Фома Гартман, вспомнив обычай армянских праздников – играть новые песни – сымпровизировал красивый этюд в честь юбилея. Александр Черепнин исполнил свои новые вещи ... Все поэты прочли стихи. Ов. Туманян пригласил к себе цех поэтов *in corpore* на следующее заседание»⁴⁶.

Кстати, поэтесса Р. Погосян в своих воспоминаниях упоминает именно это заседание от 26 февраля: «... в одну из этих «сред» к нам в гости пришел Ованес Туманян. ... Мы стоя аплодируем гостю, а Сергей Митрофанович (Городецкий. – А. З.) обращается к нему с теплыми словами приветствия. Потом поэты читают свои стихи на русском языке. Туманян внимательно слушает, вот у него появился знакомый прищур глаз. Он встает со своего места, быстро подходит к столу, и из уст поэта полилась эпическая песня об «Азаран блбуле» («Жар-птице». – А. З.). Поэт читает отрывки из этого чарующего произведения. Он кончает, он заметно взволнован, а глаза горят огнем вдохновения. По просьбе присутствующих он берет альбом «Цеха поэтов» и пишет на одной из страниц альбома несколько строк из «Азаран блбула». Мне запомнился широкий росчерк его подписи.

⁴⁵ Закавказское слово (Тифлис), 22. II. 1919.

⁴⁶ Закавказское слово, 28. II. 1919.

После этой «среды» Туманян стал частым гостем «Цеха поэтов». К его мудрым советам прислушивалась молодежь»⁴⁷.

12 марта члены «Цеха поэтов» нанесли Туманяну ответный визит. Об этой встрече Р. Погосян пишет: «И вот, воспользовавшись его (Ов. Туманяна. – А. З.) любезным приглашением, писатели нашего «Цеха поэтов» пришли к нему в гости ... Кроме нас, Туманян, великий поборник дружбы народов, пригласил и грузинских писателей. Здесь Иосиф Гришашвили, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе и другие. Слышится армянская, грузинская и русская речь. ... Потом некоторые из нас прочли стихи, посвященные великому лорийцу. ... Поэт попросил нас вписать эти стихи в его альбом»⁴⁸.

... С. Городецкий, как принято говорить, был душой «Цеха поэтов». Благодаря его усилиям деятельность литературного объединения была эффективной и успешной. Цех имел свой устав, и лица, нарушавшие его – Ю. Деген, В. Кара-Мурза, В. Катанян (впоследствии исследователь творчества В. Маяковского), Н. Васильева были исключены из цеха⁴⁹. В это литературное общество была вовлечена и армянская молодежь: Р. Погосян (девичья фамилия – Асильянц), С. Меликова, В. Кара-Мурза, В.

⁴⁷ Р. Погосян. Незабываемые встречи. – Литературная Армения, 1959, № 1, с. 168.

⁴⁸ Там же, с. 169. См. также: Н. Туманян. Воспоминания и беседы. Ереван, 1969, с. 201–202 (на арм. яз.). Вышеупомянутый альбом хранится в музее Ов. Туманяна – в семейном архиве. Кстати, в МЛИ, в ф. Ов. Туманяна (№ 1287, 1295, 1298, 1299, 1305) хранятся стихи А. Антоновской, В. Зоты, Н. Бел-Конь-Любомирской, Ал. Кулебякина, Майи, посвященные Туманяну.

⁴⁹ Кавказское слово, 15. VI. 1918. Кстати, кроме цеха С. Городецкого в Тифлисе в это же время действовал еще один «Цех поэтов» при литературном обществе «Кольчуга» (Кавказское слово, 20. VII. 1918), и этот цех возглавлял исключенный из первого «Цеха поэтов» Ю. Деген (Кавказское слово, 22. X. 1918). После отъезда Городецкого из Тифлиса осенью 1919 г. оба цеха объединились [см.: Слово (Тифлис), 30. XI. 1919; 4. XII. 1919].

Катанян и др. Весьма интересна причастность В. Кара-Мурзы и В. Катаняна к «Цеху поэтов». В конце 1917 г. они издали сборник стихов «Синим вечером», удостоившийся, так сказать, одобрительной критики С. Городецкого. В своей статье «Футиризм в поэзии», обращаясь к футуристическим увлечениям этих авторов, он отмечает, что их возраст был таков, когда еще не имея своего и не сокрушив приобретения других, они свои «молодые мозги эксплуатируют» повторениями. И все же Городецкий признает, что авторы не лишены дарования. Это можно проиллюстрировать одной - двумя строками, несколькими образами⁵⁰. Польщенные этой оценкой, молодые поэты вступили в «Цех поэтов», но впоследствии, не сумев противостоять футуристическим соблазнам, они «нарушили устав» и были исключены из цеха.

Кстати, о том, как Городецкий «завоевывал» Тифлис, свидетельствует фельетон В. Катаняна «История превращения Тифлиса в Париж», напечатанный под псевдонимом «Б. Ключковский». Приведем отрывок из этого сочинения: «... Воронеж. Равнодушный поезд куда-то везет знаменитого Городецкого».

Хорошо.

На следующий день «Ростов н/Д. Проехал Городецкий. Не знаю куда».

Еще через день. «Баку. Здесь Городецкий. Едет дальше. Тифлис – Ван».

Обыватель взволновался. – «Неужели в Тифлис?! Городецкий. Сергей... Господи!» И побежал на вокзал.

Приехал.

– Скажите, это тот самый Городецкий?

– Да.

– Высокий?

– Да.

– Немного такой?...

– Да, немного.

Обыватель пошел домой.

⁵⁰ Кавказское слово, 20. I. 1918.

А Городецкий полетел в редакцию.

– У вас Тифлис?

– Да.

– Литературный отдел есть?

– Какой литературный отдел? В городской управе?

– В газете.

– Нет.

– Хотите?

– Хотим.

Начали.

Городецкий обратился к публике: «Пушкина знаете?».

– Знаем.

– Некрасова?

– Немножко.

– А Ивана Федорычева?

– Не знаем.

– Хотите напишу?

– Напишите.

Написал.

Полгазеты исписал. Прочли и сказали друг другу: «Да, знаете, Федорычев, Иван».

Городецкий писал. Его читали. О новых поэтах писал. О новых поэтах читали.

Об английских офицерах писал. Об английских офицерах читали. Вообще читали.

Так Городецкий появился и зажил в Тифлисе»⁵¹.

... Годовщине «Цеха поэтов» Городецкий посвятил статью, в которой рассматривал ее как продолжение петербургского «Цеха». «Созванный в «провинции» в пору тяжелых тревог, наперекор злобе дня, он («Цех поэтов». – А. З.) скромно и настойчиво повел свою работу, увенчавшуюся через год выходом сборника «Акмэ», – писал он. – ... Приблизительно на втором году

⁵¹ Т. Никольская. «Фантастический город». ..., с. 135 – 136.

работы определился ряд положений, который спаял наше сообщество уже как школу. Эти положения касались как технической ... стороны, так и мирозерцания нашего кружка, которое определялось как решительное жизнеутверждение.

... Были в тифлисском Цехе свои огорчения, свои расколы. Обострившееся отношение к футуризму, торопливость в самоопределении иных поэтов разделили нас с товарищами, начинавшими работу вместе. Но об этом не хочется думать в день праздника»⁵².

3. СБОРНИК «АКМЭ»

Благодаря каждодневной деятельности литературного цеха, по инициативе и при активном участии С. Городецкого, был создан поэтический сборник под названием «Акмэ. Первый сборник тифлисского цеха поэтов», вышедший в свет в середине апреля 1919 г.⁵³

В сборник включены стихотворения двадцати двух поэтов: это – Анна Антоновская, Рипсима Асильянц, Григорий Баммель, Н. Бел-Конь-Любомирская, Александр Гербсман, Сергей Городецкий, Нина Грацианская, Юрий Данцигер, Магдалина де-Капрелевич, Василий Зота, Ольга Камаева, Николай Капранов, Александр Кулебякин, Майя, Софья Меликова, Константин Образцов, Татьяна Пояркова, Владимир Пруссак, Александр Радике, Сергей Рафалович, Владимир Сапожников, Николай Семейко. Четверо из них, по словам Р. Погосян, были армянами⁵⁴.

В своих воспоминаниях выдающийся русский писатель и публицист И. Эренбург писал: «Мне подарили (в сентябре – октябре 1920 г. он находился в Тифлисе и ежедневно встречался с представителями местной интеллигенции. – А. З.) «Сборник тифлис-

⁵² Там же, с. 139; Кавказское слово, 26. IV. 1919.

⁵³ Кавказское слово, 18. IV. 1919.

⁵⁴ Р. Погосян. Эхо, с. 52.

ского цеха поэтов». Эта книжка случайно у меня сохранилась. Среди авторов много поэтесс с поэтичными фамилиями»⁵⁵.

Представим некоторые наиболее примечательные произведения вышеназванных авторов.

Сборник открывает стихотворение Анны Антоновской «Сумрак», написанное под явным влиянием символистского искусства:

*Царапнув воздух, я вползу в окно,
Живых мохнатой лапою пугая,
Мечтательность за мной войдет нагая
В сердца людей влить терпкое вино.*

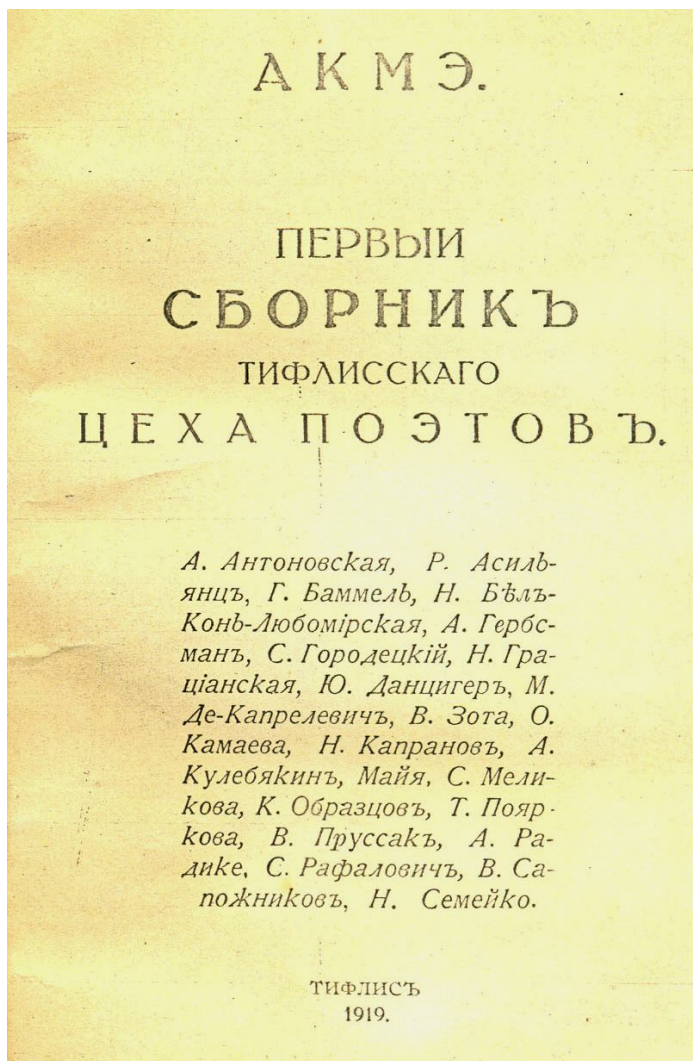
*Скользну к роялю, обниму панно,
В цветах дразню тихонько попутая ...
Уймусь в углу, тоску подстерегая, –
Меж тьмой и светом зыбкое звено ...*⁵⁶

Зыбкая мечтательность, игра тьмы и света, рифмы, подпевавшие друг другу, печальная музыкальность – вот те особенности, которые в основном характерны почти для всех авторов. Нетрудно заметить, что искушенная рука Городецкого коснулась почти всех стихов. Литературным опытом обладала лишь незначительная часть участников сборника, большинство из них делало первые шаги в литературе, и по шутливому выражению Городецкого, проходило «“детсад” поэзии»⁵⁷.

⁵⁵ И. Эренбург. Люди, годы, жизнь, кн. 1 и 2. М., 1961, с. 513. О деятельности И. Эренбурга в Тифлисе см. также: А. Закарян. Тифлиссские дни Ильи Эренбурга. Ереван, 2012 (на арм. и рус. языках).

⁵⁶ Акмэ. Первый сборник тифлиссского цеха поэтов. Тифлис, 1919, с. 3. Далее страницы цитат будут указаны в тексте с буквой А.

⁵⁷ Р. Погосян. Эхо, с. 37.

Титульный лист сборника «Акмэ»

Основные мотивы этих стихотворений, разных по содержанию и оттенкам – любовь и природа. Грустная любовь – мечты о встрече, тревожное ожидание и размолвки, печаль, порою поэтически воплощенная в чувствах и образах, таковы, например, стихи выпускницы тифлисской женской гимназии Татьяны Поярковой:

*Упорством золота пронзив
Последней тучки волоконце,
Вдруг забарахталось в грязи
Развеселившееся солнце.*

*В моей комнате в сумерки бродит
Голубая, как вечер, печаль
И рукой осторожной проводит
По лицу моему, по плечам.*

*Ее бархатный шаг так не весел,
Обойдет, обовьет синевой
И потом не отходит от кресел,
Где мы утром сидели с тобой (А, с. 46 – 47).*

Вот еще строки из ее другого, не менее пленительного стиха:

*Декабрьский день уходит рано,
Слегка закат позолотив,
Сползает в улицы туманом
Небес сиреневый отлив.*

*И в эту муть, как поневоле,
Иду я в сумерки бродить,
О, если б знал ты, сколько боли,
Как тяжело тебя любить! (А, с. 47).*

Эти чудесные строки привлекают тонко обрисованной светотенью, прозрачной цветовой музыкальностью перекликающихся друг с другом рифм.

Любовная лирика большинства авторов сборника подтверждает мысль, высказанную И. Эренбургом: «Поэты «тифлисского цеха» писали сонеты о Свароге, Эросе, Суламите, Санаваллате, Монфоре и о других, столь же близких персонажах»⁵⁸. От этих песен неотделимы пелена таинственности, настроения уединения и одиночества. В них любовь иногда воплощается с помощью метафорических или символических сочетаний предметов, явлений природы. Это прослеживается в стихах Нимфы Бел-Конь-Любомирской – жены Городецкого:

*Двухцветный шиповник,
Неверный любовник,
Мне нравишься ты.
Наверно, пришел ты,
Оранжево - желтый
Из сада мечты.*

*Огнем обнимаешь,
Когда принимаешь
Лобзание в уста,
И светишься, алый,
Как блеск запоздалый,
На ветках куста ... (А, с. 12).*

Многообразны стихи, посвященные русской природе и привлекающие лирическим восприятием явлений природы, оригинальными замыслами. В этих стихах мы встречаемся с тонкими размышлениями об истории, быте и психологии русского народа, в них часто варьируются символы святыни русской земли – Матери-Волги, образ белой березы. В одном из стихотворений цик-

⁵⁸ И. Эренбург. Указ. раб., с. 513.

ла «Волга» – «Русская красавица» – Василия Зоты Волга представляется русской красавицей, то обессиленной, то тоскующей какое-то время без жениха:

*Жизнь девичья – не жизнь без жениха,
А молодцу без милой жизнь – мученье.
Ах, бурное прекрасное теченье! (А, с. 28), –*

но судьба не скупится и посылает ей мужчину, похожего на Стеньку Разина.

В стихотворении «Утро» из того же цикла в четком ритме поэтизируется сенокос на заре как пробуждение природы:

*К сенокосам
станом босым,
до зари,
шли по росам
косари (А, с. 30) и т. д.*

Образы Матери-Волги и Стеньки Разина искусно вплетены также в стихотворение «Волга» Николая Капранова, где русская революция изображена как возвращение Стеньки Разина и его победа:

*Гей, Волга матушка, невеста скорбных песен;
Разгульная моя, широкая река.
Как зелены твои холмистые бока
И величав твой бег, когда минует весен.*

*... О судьбах Родины как в древности гадая –
И твердо веришь ты, скрывая бурный ток,
Что Стеньку Разина вернет Судьбы челнок ... (А, с. 35).*

Образы Матери - Волги, Пугачева, Ермака, чаще Стеньки Разина в этих стихах являются выражением революционной ориентации и настроений, в значительной мере призванных к жизни под влиянием романа В. Каменского «Стенька Разин». Надо сказать, что В. Каменский был известной личностью в Закавказье. Русский поэт-футурист в начале сентября 1916 г. в третий раз приезжает в Тифлис (до этого он посещал город в 1910 и 1914 гг.). Здесь он развернул активную деятельность, выступая с многочисленными лекциями («Творческие радости жизни», «Вот что такое футуризм», «Женщина сегодня и женщина завтра», «Поэзия цирка» и др.), которые по-разному освещались в периодической печати. В. Каменский одновременно с лекциями выступает в цирке братьев Есиковских: на белом коне, в одежде Стеньки Разина он читает отрывки из романа «Стенька Разин». В Тифлисе он широко общается с армянскими литературными кругами, не раз участвует в «пятницах» литературно-художественного салона Т. Назаряна, где читает лекции, свои стихи из сборника «Девушки босиком», участвует в обсуждении поэмы Л. Шанта «Император». В. Каменский выступает с лекциями также в Баку (13 – 14 сентября) и Кутаиси (13 октября). В начале декабря 1916 г. русский поэт приступает к работе в отделе пожертвований Кавказского комитета Союза городов. В середине февраля 1917 г. он выезжает в Москву, участвует в революционных событиях.

В мае 1919 г. В. Каменский вновь приезжает в Тифлис, где выступает с новыми лекциями, читает свои стихи, пишет статьи, сотрудничает с местными издательствами. На этот раз в выступлениях поэта появляются новые идеи, которые армянская печать оценивает как явления «пролетарской литературы». В январе 1920 г. он выезжает в Баку, где в театре «Пэл-Мэл» ставится его пьеса «Стенька Разин», участвует в этих спектаклях в роли Разина.

В Тифлисе Каменский был известен и любим благодаря этому своему произведению и, быть может, в гораздо большей степени

выступлениями в цирке в одежде Стеньки Разина, верхом. Кстати, именно в эти дни со статьей, посвященной «Стеньке Разину» выступает С. Городецкий. Считая «рассейского парня», «лихача Стеньку» символом русского народа, автор оценивает искусство поэта, романтическую, заразительную силу созданного им образа, которая характеризуется как черта, присущая русской стихии⁵⁹.

И вот, образ Разина был широко воспет также в сборнике «Цеха поэтов» – «Акмэ».

В книжке нашли место и стихи, посвященные Тифлису, описанию его достопримечательностей, быта, природы, людей. Одно из них принадлежит перу Рипсима Асильянц, выросшей в интеллигентной тифлисской армянской семье. И хотя это стихотворение является одной из ее первых поэтических попыток, оно отличается своей завершенностью, – здесь, несомненно, сказалась помощь Городецкого. Читая стихи, проникаешься восточным духом старого Тифлиса, чувствуешь его колорит:

*Змеей свернулся город старый
И в пасть времен направил взгляд, –
Века под звонкий рокот тары
Не изменили свой наряд.*

*Как раньше, лентой вьется вдовьей
Куры чернеющий атлас
И под чадрой татарки брови
Хранят все ту же тайну глаз.*

⁵⁹ Кавказское слово, 7. VI. 1919. О деятельности В. Каменского в Закавказье подробнее см.: А. Закарян. Василий Каменский в Закавказье и армянская литературная жизнь. – Вестник общественных наук АН АрмССР, 1983, № 7, с. 14 – 24 (на арм. яз.); *он же*. Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914 – 1920), с. 28 – 47.

*... Чуть слышно в небе кипарисы
Колышат полог синевы,
И в стенах чайных притаился
Напев стихов Саят - Новы (А, с. 6).*

Перед взором читателя предстает свернувшийся змеей город со сверкающим атласом Куры. Неразрывно связанный с атмосферой старого Тифлиса Саят-Нова, неоднократно воспетый и воспеваемый в армянской и грузинской поэзии, в каждодневном быту, также является героем стихотворения Р. Асильянц. Древний город с его восточной пестротой и поэтичностью был святыней для армянства, для каждого армянина. Характерно, что самые разные поэтичные воспоминания о Тифлисе находим на страницах книги воспоминаний Р. Асильянц-Погосян «Эхо», написанной ею в последние годы жизни.

Следующее стихотворение – «Тифлис» – принадлежит перу Сергея Рафаловича, который в каждой строфе пробует воспроизвести национальный дух грузинского народа – вспоминая Куру, Шота Руставели, памятные страницы истории Грузии. Кстати, в 1918 – 1920 гг. русский писатель, драматург принимал активное участие в общественно-литературной жизни Закавказья (Баку, Тифлис). Автор статей об Армении, о трагедии армянского народа, Рафалович был очевидцем сентябрьских событий в Баку 1918 г., когда азербайджанцами и турками в городе было истреблено около 30 тыс. армян, и в статье «Правда о бакинских событиях» обстоятельно описывал все происходящее. В статье «Свобода мертвым (Pro Armenia)» он выступил с разоблачением политики европейских государств в отношении армянского народа. И. Эренбург в своей знаменитой книге «Люди, годы, жизнь» вспоминает и о нем: «Некоторых из них (русской интеллигенции. – А. З.) я встретил (в Тифлисе. – А. З.). Артист Н. Н. Ходотов собирался домой, в Петроград. Поэты Агнивцев и Рафа-

лович ждали французских виз»⁶⁰. Ожидание визы выразилось и в том стихотворении Рафаловича, где рядом с красотами города отражены идеи, с древних времен чуждые грузинскому народу, многонациональному Тифлису.

В книжке значительное место занимают антивоенные стихотворения, проникнутые мучительными воспоминаниями, страдальческими настроениями, проклятиями и жалобами. Некоторые из авторов сборника воевали на Кавказском фронте, лицом к лицу сталкивались со смертью и страданиями, вот почему в своих поэтических произведениях они проклинаят все ужасы кровавой бойни. В сонете «Война» Юрий Данцигер пишет:

*... Мать гекатомб являет новый лик,
Смотав нам мысль в клубок кровавых ниток,
Под хохот бомб и вой лиддитных пыток...*

*Гнилых культур лекарственный ярлык, –
Все тот же ты, проклятый пережиток!
Как гнусен твой коснеющий язык! (А, с. 21).*

К этому же циклу относится и его сонет, посвященный Ф. Шопену, в котором, воспевая гимн музыке, автор добавляет:

*... Но о земном скорбит, далек восторгам хора,
И реет вновь к юдоли слез Шопена дух,
Лиясь сладчайшею печалью *fa minor*'a (А, с. 22).*

В том же ключе написаны стихи Городецкого «Notturmo 1-mo» и «Notturmo 2-do», которые отличаются разнообразными рифмами, музыкальностью, противопоставлением царивших в мире пороков и человеческого гения. Восставая против всесок-

⁶⁰ И. Эренбург. Указ. раб., с. 514. О деятельности С. Рафаловича в Закавказье подробнее см.: А. Закарян. Трагедия армянского народа в оценке русских литераторов. Ереван, 2003, с. 188 – 196.

рушающего военного безумства, против человека-зверя, убийств и погромов, поднимает голову восставший человеческий гений, чтобы вновь воспеть жизнь, неодолимую силу человеческого жизнелюбия:

*... И тщетно в бездне райских областей
Палитры ищет Врубель и кистей.
Обходит смерть, раскоса и хрома,
От страха побелевшие дома.
И пальцами дрожащими лучист,
К роялю подбегает пианист.
И Скрябина таинственный прелюд
Терзает тихой комнаты уют (А, с. 15).*

Не осталось и следа от былых ура-патриотических, воинственных настроений. Поэт проклиная разрушительную войну, в то же время возвышая творческий, созидательный дух человека, прославляя неопценимое значение его существования.

Своеобразным выражением той же идеи является и стихотворение «Бессмертие», характеризующееся оригинальным замыслом. С первых же строк стихотворения –

*Налегла и дышать не дает
Эта злобная зимняя ночь –*

стущая картины бессонницы, ужаса и смерти, в последних строках Городецкий этой мрачной атмосфере противопоставляет цену человека с позиций его творца:

*... Золотой чешую звеня
И пия издыхающим ртом,
Гаснет в мокрой печи головня.
Холод барином входит в мой дом.*

*Не стянуть отсыревших сапог
И пальтишком костей не согреть.
В потемневшей фольге плачет бог,
Что не может со мной умереть* (А, с. 17).

Вместе с ушедшим из мира человеческим существом с плачем хочет умереть, уйти из мира и сам создатель, в то время как ежедневно в аду войны люди уничтожают друг друга. И в качестве логического вывода напрашивается вопрос – по какому праву?

В этом смысле примечательны также стихотворения Ал. Кулебякина, которые занимают особое место в сборнике. Здесь уместно несколько подробнее остановиться на Кулебякине, поскольку он воевал в Западной Армении, затем жил в Тифлисе и тесными узами был связан с армянской действительностью.

На Кавказском фронте Первой мировой войны, в военных действиях, развернутых русской армией, с первых же дней активно участвовал военачальник родом из терских казаков Ал. Кулебякин, под командованием которого сражались плечом к плечу против заклятого врага – турок – русские солдаты и армянские добровольцы. Кулебякин стал очевидцем трагических событий в Западной Армении, которая на его глазах была превращена в руины, а армянское население было подвергнуто Геноциду. Он восхищался героизмом армян, их неукротимой волей к борьбе, преклонялся перед историей, культурой, природой Армении, все это образно отобразив в своих поэтических, публицистических и исторических произведениях. После войны оставшись в Закавказье – в Тифлисе, Кулебякин принял непосредственное участие в решении ряда волнующих армянскую общественность вопросов и проблем.

В начале августа 1917 г. в Тифлисе вышла в свет книга Ал. Кулебякина «Дверь Мехера. Отзвуки Вана»⁶¹. «Дверь Мехера»

⁶¹ Оризон, 4. VIII. 1917. Ошибается Т. Никольская, когда пишет, что книга Ал. Кулебякина вышла в свет в 1918 г. (Т. Никольская. «Фантастический город». ..., с. 145).

была обработкой легенды о Давиде Сасунском и Маленьком Мехере из эпоса «Сасунские безумцы». С. Городецкий откликнулся на нее содержательной рецензией в газете «Кавказское слово». Поэма Ал. Кулебякина «несомненно, представит большой интерес, особенно теперь, когда Россия начинает узнавать и любить Армению»⁶², – пишет С. Городецкий. Говоря о важности обработок народного творчества, рецензент делает в то же время ряд замечаний. Суть их сводится к тому, что при обработке легенд или сказаний следует с первых же строк ввести читателя «в древность и рассказать легенду изнутри ее, а не снаружи».

Эта художественная позиция Городецкого, несомненно, была затронута в беседах с Тумяняном, с которым Кулебякин поддерживал тесные дружеские отношения. Следует отметить, что в произведениях самого армянского поэта, написанных по мотивам народного творчества, мы видим «рассказ изнутри». В «Парване», «Ахтамаре», «Проклятой невестке» и в других произведениях народное сказание, легенда, эпос осмысливаются сквозь призму из глубин вековых дум о человеческом бытии⁶³.

⁶² Кавказское слово, 11. VIII. 1917.

⁶³ Здесь считаем уместным заметить: С. Городецкий в посвященной Ов. Тумяняну 4-й части «Лирического портрета» – «Ованес Тумянян – народный поэт Армении», критически обращаясь к оценке Брюсовым творчества Тумяняна, в частности, пишет: «Валерий Брюсов пишет об Ованесе Тумяняне: «Все творчество Тумяняна носит на себе черты импровизаторского таланта». И далее: «Некоторая небрежность стиха щедро искупается у Тумяняна чутким пониманием ритма и редким даром звукописи. В целом поэзия Тумяняна есть сама Армения, древняя и новая, воскрешенная и запечатленная в стихах большим мастером».

Как же это так? С одной стороны, «большой мастер», а с другой стороны – «некоторая небрежность стиха»?

В этих высказываниях не делает ли Валерий Брюсов той же ошибки, которую делали современники Некрасова, принимая традиции народной песни и сказки, блистательно, вслед за Пушкиным, освоённые и разработанные Некрасовым, за недостаточную отработанность его стиха?

Отмечая однообразие стилистического и языкового строя поэмы Кулебякина, как и произведений из цикла «Отзвуки Вана», Городецкий в то же время подмечает легкость и звучность его строк, которые «всегда честны и грамотны». Считая рассказ «снаружи» недостатком, присущим и стихам, посвященным природе, он добавляет, что это прискорбно по той причине, что «в чем-чем, а в искренности чувства А. П. Кулебякину отказать нельзя никак.

Он умилен и природой, и стариной Вана. Часто он бывает трогателен в своем умилении, например, когда говорит о разбитых иконах Варагского монастыря:

*И с иконы обветшалою,
Тайны прошлого храня,
Ты с улыбкою усталою
Грустно смотришь на меня».*

Эти слова, безусловно, относятся к почтенному человеку, чья книга, цикл стихов «Отзвуки Вана (1915–16 гг.)», примечания к

Великолепный стилизатор античности, а изредка и фабричной русской частушки, не сказал, что главное в поэзии Ованеса Туманяна ее кровная близость не со стилизаторами, а с поэтами, рассказывающими о жизни народа». Далее С. Городецкий отмечает: «Отводя значительное место в своем сборнике ранним поэмам Ованеса Туманяна, он в предисловии (имеется в виду историко-литературный очерк В. Брюсова, предворяющий «Поэзию Армении». – А. З.) не отметил главной черты этих поэм – отсутствия идеализации патриархальной народной жизни, и не указал, что глубоко в художественных образах этих поэм лежит острое отрицание патриархальной отсталости армянского народа. И тот факт, что Ованес Туманян не видел тогда и не мог видеть грядущих путей развития армянского народа, не умаляет силы этого отрицания. Идеализация отсталости всегда является признаком стилизаторства и всегда является органически чуждым таким подлинно народным поэтам, каким был Ованес Туманян» (с. 86–87). И впрямь, тонкое и справедливое замечание ...

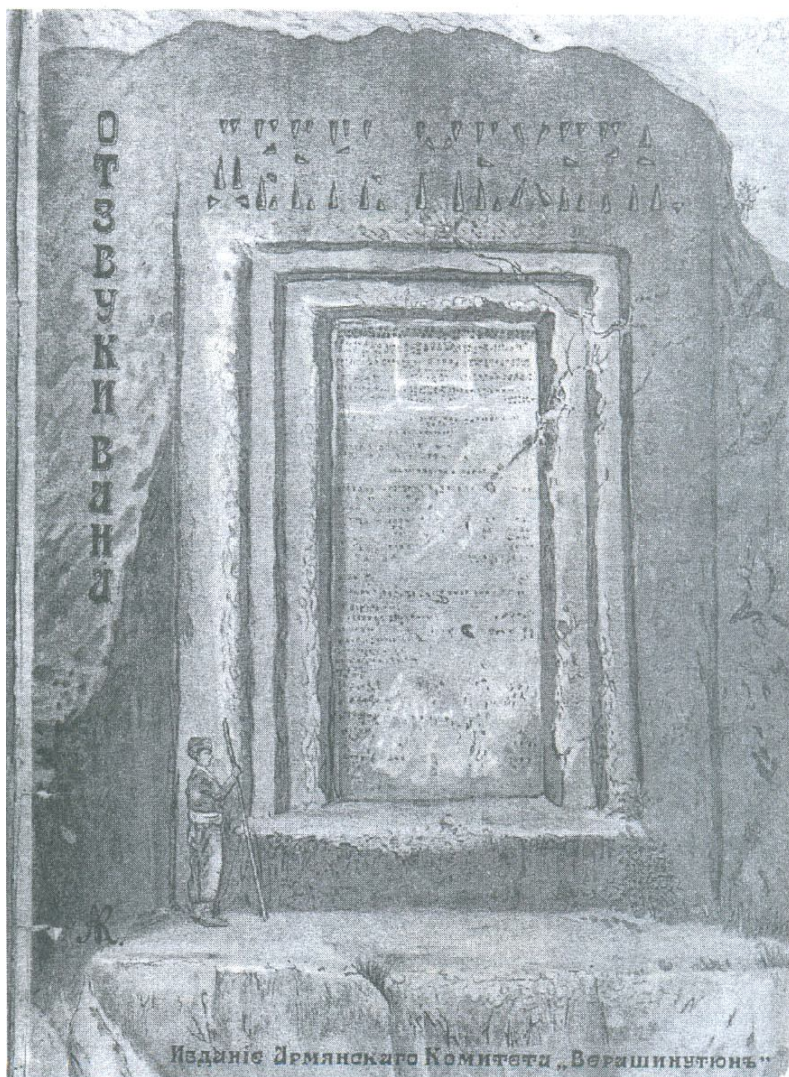
ним (трудно представить, как за столь короткий срок Кулебякину удалось так много узнать об Армении, дать столь богатый и содержательный комментарий!) представляют несомненный интерес при воссоздании событий, происходивших на Кавказском фронте и, особенно, на ванском направлении. «Ванские стихотворения написаны мною под непосредственным впечатлением виденных мест и слышанных рассказов. Я был в Ване с ноября 1915 по март 1916 года. Невыразимо тяжелое настроение навевает этот догга разоренный, насыщенный смертью край, но природа его скрапивает даже ужас запустения и гибели ... Везде отпечаток величия и древности. И развалины, развалины без конца»⁶⁴, – писал Ал. Кулебякин в предисловии к «Отзвукам Вана (1915–16 гг.)» 25 марта 1916 г. в Ване.

Указанный цикл стихов отличается искренностью, цельностью – стихи тематически связаны и дополняют друг друга. «Одно имя «Ван» уже много говорит тем, кто любит и знает историю, особенно же тем, кто в нем пережил и выстрадал войну, не говоря уже о детях того народа, который теперь ценою долгих страданий и жертв дожил наконец до счастья освобождения от векового гнета турок. Бог даст, сгладятся следы пережитого тяжелого времени и настанут более счастливые дни освобожденного Россией края, но тем поучительнее тогда будет оглянуться на пережитое и ярко представить себе те картины разрушения и смерти, которые породила нынешняя мировая война в этой древней стране, овеянной дыханием неразгаданной красоты»⁶⁵, – пишет Ал. Кулебякин.

В своих произведениях поэт-генерал с глубоким состраданием описал трагедию армянского народа, зверства турецких варваров [«Старый Ван», «Гибель Вана (июль 1915 г.)», «Аванц», «Слепая» и др.]. Стихи прозвучали одой скорби по невинным жертвам Геноцида ... Так, «Оборона Вана (апрель 1915 г.)»

⁶⁴ Ал. Кулебякин. Дверь Мехера. Отзвуки Вана. [Тифлис]: Изд. Армянского комитета «Верапинутюн», [1917], с. 43.

⁶⁵ Там же.

Обложка книги Ал. Кулебякина
«Дверь Мехера. Отзвуки Вана»

проникнута чувством уважения к армянам, которые «милости не просят» и героически борются за «свое существование» в ожидании русских войск:

*Жизнь поникла в древнем Ване,
Гнев пылает, слезы льются.
Из последних сил армяне
В ожиданьи русских бьются.*

*Бьются с злой турецкой силой
За родное достоянье,
За поля отчизны милой,
За свое существованье ⁶⁶.*

В стихотворении «Торжествующий Ван» Кулебякин передает радость ванцев, ликующих по поводу взятия Эрзерума русской армией. Радость обездоленного, разоренного народа велика – Россия спасла армян:

*Из стен Эрзерума восходит свобода
Россией спасенных армян,
И день окончания рабства народа
Празднует Ван.*

*Пред этой картиной геройской отваги
Молчит человеческий ум.
И только колышутся русские флаги:
Взят Эрзерум!! ⁶⁷*

Ал. Кулебякин особо подчеркивает русскую ориентацию армян. Говоря о том, какое воодушевление у ванских армян вызвало взятие Эрзерума русскими войсками, Кулебякин в примеча-

⁶⁶ Там же, с. 54.

⁶⁷ Там же, с. 96.

ниях к ванским стихотворениям писал: «Нужно было быть на месте среди ванских армян, чтобы видеть их радость по поводу падения Эрзерума. Этим кончилось их многовековое рабство. Восторг народа не имел границ: люди буквально плакали от счастья. Ликовала толпа обездоленного, разоренного народа, потерявшего все свое состояние, множество самых близких родных. Взятие Эрзерума сразу вселило в них уверенность в окончательном торжестве над исконным врагом»⁶⁸.

Ал. Кулебякин был очарован Арменией и воспел ее дивную красоту, редчайшие памятники зодчества, достопримечательности Вана («На Ванском озере», «Ванская скала», «Вечер над Ваном», «Ардамет», «На лодке по Вану», «Варагский монастырь»).

Изучив армянский народный эпос, легенды и сказания, Ал. Кулебякин представил их в своей обработке в произведениях «Дверь Мехера» и «Ахтамар». Уже замечено, что хотя они не отличаются оригинальностью творческого замысла и художественным мастерством, однако «имеют познавательное значение, знакомя русского читателя с памятниками армянского народного творчества»⁶⁹. «Нужно быть на месте действия этих легенд, нужно самому видеть эти древние памятники, эти полустертые следы отжитой культуры, эту величественную и загадочную природу, нужно в самом очаге местной жизни наблюдать характерные черты ее быта, сохранившего много древних форм, чтобы глубже понять и почувствовать красоту поэзии, порожденной этой многострадальной страной»⁷⁰, – писал Ал. Кулебякин в Ване 8 января 1916 г.

... Кстати, Артавазд Туманян в письме к отцу – Ованесу Туманяну – от 26 марта 1916 г. из Вана в Тифлис пишет: «Дорогой отец, наверное, уже слышал о генерале Кулебякине. Вчера он

⁶⁸ Там же, с. 108.

⁶⁹ О. Ганалаян. Армения в творчестве русских поэтов. Ереван, 1988, с. 21. Об этих поэмах и стихах см. также: М. Д. Амирханян. Русская поэзия и Ван. 2825. Ереван, 2002, с. 6 – 20.

⁷⁰ Ал. Кулебякин. Указ. соч., с. 3.

был у нас на ужине, и мы познакомились. Ему за 50, он веселый, открытый и уважаемый человек.

Он прочел довольно-таки много стихов, и по моей особой просьбе прочел «Ахтамар». В «Ахтамаре» также есть куски, написанные мастерски и живо.

У него было несколько толстых тетрадей, и большинство его стихов проникнуты армянским духом.

До поздней ночи мы с интересом слушали стихи поэта-генерала.

После ужина, перед уходом он дал мне почитать другую тетрадь – «Дверь Мехера». И впрямь, есть много удавшихся кусков, напоминающих твоего «Давида». Но он говорит, что не читал «Давида», вчера за ужином предложил выпить за тебя ... в моем лице.

Попросил, чтобы я завтра, т. е. сегодня, вернул бы «Дверь Мехера».

Прямо сейчас иду к нему»⁷¹.

О Кулебякине находим интересные сведения в воспоминаниях Р. Погосян: «Во время очередного собрания («Цеха поэтов». – А. 3.) с чтением своего стихотворения об Армении выступал поэт-генерал Александр Кулебякин – очень уважаемый человек, который, несмотря на возраст, был одним из активных членов «Цеха»⁷².

Ал. Кулебякин был в числе членов «Цеха» (Н. Капранов, О. Камаева, Т. Пояркова, Ю. Данцигер, В. Зота, Г. Баммель, А. Чачиков), подписавших «Письмо в редакцию» в защиту С. Городецкого от клеветнических нападок главаря «Академии стиха» Г. А. Харазова. «В номере 32 «Тифлисского Листка» от 9 сего февраля было напечатано письмо в редакцию за подписью Г. А. Харазова, направленное против уважаемого С. М. Городецкого, – говорится в письме. – Мы считаем совершенно излишним вступать в какую-либо полемику с г. Харазовым, имея в виду

⁷¹ Переписка семьи Туманяна, с. 80.

⁷² Р. Погосян. Эхо, с. 49.

моральный и интеллектуальный удельный вес его письма, изобличающий в авторе только уловленное самолюбие мелкого мещанина.

Но в этом письме г. Харазов призывает «всех» сплотиться против С. М. Городецкого, якобы препятствующего развитию молодых литературных сил.

Поэтому исключительная цель нашего письма – еще раз дать понять г. Харазову, что молодая литературная сила Тифлиса и без него достаточно сплочена и организована энергией и талантом С. М. Городецкого, за что мы приносим ему свою глубокую благодарность, а беспокойство г. приват - доцента Харазова, так неудачно поддержанное примечанием почтенной редакции «Тифлисского Листка», является совершенно лишним»⁷³.

⁷³ Закавказское слово, 15. II. 1919. Кстати, о поэте, критике, профессоре математики, экономисте, преподавателе Закавказского университета, а позднее бакинского политехникума Г. А. Харазове есть интересные подробности в воспоминаниях Н. Макашвили, жены Т. Табидзе. Здесь речь идет об инциденте между Г. Харазовым и Г. Робакидзе на «грандиозном» вечере, устроенном в честь актрисы С. Мельниковой поэтом и драматургом И. Зданевичем в кафе «Интернациональ», на котором присутствовала вся художественная богема Тифлиса. «Как нам рассказал В. А. Катаян, – писала Н. Макашвили, – обстоятельства, предшествовавшие дуэли, были следующие: Г. Харазов обвинил Г. Робакидзе в том, что у него неудачная рифма «карта - Астарта». В. Катаян не был уверен, что именно об этой рифме шла речь, возможно, имелась в виду рифма «азарта – Астарта» из ст - ния Г. Робакидзе *Негры в белых париках*, опубликованного в газ. «Новый день» (1919. № 10. 30 июня). Робакидзе ответил, что у него такой рифмы нет и быть не может. Тогда Г. Харазов сказал: «Вы врете и лжете». Эти слова услышал П. Яшвили, сидевший за соседним столиком. Он подбежал к Г. Харазову и сказал, что Григол никогда не врет. После чего Г. Робакидзе дал Г. Харазову пощечину и последний вызвал его на дуэль. В. Гудиашвили рассказал нам, как проходила дуэль. Дуэль состоялась на горе в том месте, где сейчас стоит монумент «Мать-Грузия». Г. Робакидзе запаздывал. Кто-то поехал к

... В «Акмэ» вошли три стихотворения Ал. Кулебякина – «Аракс», «Я видел сон...», «Сквозистый лес...», направленные против войны и насилия. В стихах раскрывается тонкий поэтический мир Кулебякина, его переживания за «маленький уголок» земли – Армению и ее гордый народ.

Стихотворение «Аракс», несколько перегруженное описаниями местности и природы, в первых трех строфах напоминает обычную пейзажную зарисовку:

*Играющий Аракс в разливе красных вод
Течет глубоким коридором.
Вверху уступы скал – граниты всех пород,
И мох ползет по ним узором (А, с. 36).*

Протекающая в глубоком каньоне река, окрашенная в красный цвет от бесчисленных человеческих жертв, описана на фоне чарующей природы – растущих на скалах пышных кустарников, птичьих гнезд и т. д. Торжественный пейзаж в последних двух четверостишиях раскрывает «скрытые» вековые стоны и страдания человечества, обобщая тем самым историю армянского народа, кровавый кошмар, пережитый им:

*Немолчный гул воды, неясный полусвет
И ветра замкнутого вздохи.
На всем угрюмый тон, оттенок бездны лет,
Печать таинственной эпохи.*

нему домой. Г. Робакидзе сидел на диване в облаке порохового дыма, тренировался в стрельбе. Он был уверен, что его убьют. Когда он, наконец, приехал к месту дуэли, Г. Харазов отказался стрелять. И. Зданевич выстрелил в воздух, и все разбежались» (Т. Никольская. «Фантастический город». ..., с. 118 – 119).

*Из сумрака времен события встают,
Немые тени оживают,
И кажется порой, что камни вопиют,
А волны кровь переливают* (А, с. 36).

В армянской литературе река Аракс не раз выступала в качестве символа армянского народа. Вспомним повесть Раффи «Самвел» и стихотворение Р. Патканяна «Слезы Аракса». И вот, этот символ использован и Ал. Кулебякиным, хорошо знавшим историю и судьбу армянского народа.

В самом деле, на Кавказском фронте поэт-генерал глубоко переживал войну, был потрясен увиденным. Красноречивое свидетельство тому – его стихотворение «Я видел сон ...». В первых строках поэт предсказывает, что человечество исчерпает человечность, дарованную богом:

*Я видел сон: ушли в туман года.
Весь род людской истаял понемногу,
Изжив себя и опостылев Богу,
И зверь вошел в пустые города* (А, с. 37).

Читая это стихотворение, невольно вспоминаешь картины «Мертвого Города» из поэмы «Дантова легенда» Е. Чаренца, который также был очевидцем бедствий на Кавказском фронте:

*Был город пуст. Во мраке ни крупницы,
Ни капли света, все одела тьма...
Уставив вверх ослепшие глазницы,
Молчали разоренные дома...
И мы вошли в какой-то темный дом...
Вошли... Пред нами, кровью истекая,
С открытым ртом, как будто хохоча,
Лежала женщина полунагая,
Но раны на груди и у плеча,*

*Рот, замерший в последнем содроганье, –
Все говорило здесь о поруганье...*⁷⁴

Чаренцем в «Мертвом Городе» описан Ван, разрушенный, с дымящимися от пожаров домами и садами, оскверненными, заколотыми людьми. В этом городе он побывал солдатом-добровольцем, а Кулебякин – как один из командиров русской армии. Несомненно, такими же впечатлениями, переживаниями проникнуто и стихотворение «Я видел сон...» поэта-генерала. Видя во сне пустые города, населенные зверьми, автор восстает против человеческой жестокости, взлелеянного человечеством «Всемирного Разума» и победу он видит без воинствующего человека-зверя, вечно молодом и красивом мире:

*И, рдея жизнью вечно молодою,
Земля без нас мирам иных планет
Сияла той же светлою звездою* (А, с. 37).

Эту идею дополняет следующий стих Кулебякина – «Сквозистый лес ...», посвященный вечно молодому и прекрасному миру – природе и человеку – живущему естественной жизнью. Зеленые склоны, затененные лесами, родники и ручейки, спешащие с гор в ущелья, материнская колыбельная песня, отзвуки пастушеской свирели – этому тихому и мирному маленькому уголку «всемирной жизни» он посвящает душевные, трогательные строки. Это как бы дань навеянной идеями Руссо мечте поэта о девственной природе и непорочном человеке как части этой природы.

Этот и предыдущие стихи раскрывают перед нами поэтический мир Кулебякина, его переживания за свергнутое в горнило войны человечество, за «маленький уголок» земли – живописную Армению и ее многострадальный народ.

⁷⁴ Е. Чаренц. Указ. соч., с. 273.

И впрямь, как человеческое явление, весьма оригинален и интересен феномен Ал. Кулебякина рядом с Городецким. Один – поэт-генерал, другой – поэт-опекун, на Кавказском фронте – в Западной Армении – видя трагедию армянского народа, и делом, и пером бескорыстно посвящают себя защите и спасению этого народа, своеобразно символизируя освободительную миссию русского народа, его гуманизм. Говоря о дружбе Туманяна с Городецким, следует непременно вспомнить и о его дружбе с генералом Кулебякиным – славным сыном России⁷⁵.

... Невзирая на отдельные мотивы одиночества, проявления мрачных, религиозных настроений в сборнике «Акмэ» в основном преобладают стихи, в которых доминируют любовь и преданность, доброта, красота, человеческая солидарность и т. д.⁷⁶

⁷⁵ О деятельности Ал. Кулебякина в Западной Армении, затем в Закавказье в 1915 – 1923 гг. подробнее см.: А. Закарян. Александр Кулебякин и Армения. Ереван, 2003.

⁷⁶ Издание сборника «Акмэ» было заметным событием в литературной жизни Тифлиса. Восторженную рецензию на него напечатал один из его участников – Г. Баммель. Он, в частности, писал: «Нет ни формы, ни содержания: есть форма содержания (почвенность исповеди). Такое ощущение художественности является общим для участников сборника „Акмэ,“» [Новый день (Тифлис), 29. IV. 1919].

«Акмэ» привлек внимание и Г. Робакидзе. «„Акмэ,“ – это вершина, – писал он. – Отсюда требование в поэзии „вершинности,“ и следовательно „завершенности,“» (Новый день, 5. V. 1919). Отмечая бережное отношение поэтов, представленных в сборнике, к слову, он одновременно указывал на невнимание их к фактуре: «Нет строгих очертаний для пластического воплощения. Может быть, в этом повинно их исключительное пристрастие к сонетной форме. Что требуется от поэтического слова? Прежде всего, чтобы оно было ритмическим: чем богаче ритм, тем одареннее поэт. Но этим требование не ограничивается: необходимо, чтобы в ритмическом слове предмет изображения (может быть, эмпирически самый незначительный) стал метафизически значительным: чем метафизичнее эстетическое мировосприятие, тем гениальнее поэт. Поэты означенного цеха первое требование вы-

* * *

Как было сказано, «Акмэ» носил подзаголовок «первый сборник», но второго сборника тифлисский «Цех поэтов» так и не издал – осенью 1919 г. Городецкому пришлось переехать в Баку, и деятельность литературного объединения заметно ослабла.

полняют не совсем. А второе – совсем нет. Впрочем, надо оговориться: мы имеем тут результаты „цеховой,, работы, которая кладет свой специфический отпечаток как на ритм, так и на прозрение» (там же).

ГЛАВА III

СТИХИ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ ОБ АРМЕНИИ И АРМЯНСКОМ ИСКУССТВЕ

1. «АНГЕЛ АРМЕНИИ»

Как было сказано, в Западной Армении С. Городецкий под непосредственным впечатлением от трагической действительности, от увиденного и пережитого в мас – июне 1916 г. написал ряд стихотворений под заглавием «Песни рая» и под эпиграфом «На небе рай, на земле Ван». Большинство из них было опубликовано в еженедельнике «Армянский вестник». Об этих стихотворениях – «Сад», «Где они?», «Руки девы», «Ван», «Ребенок», «Душевнобольная», «Панихида», «Прощанье»¹ – в свое время известный общественно-политический и культурный деятель А. Луначарский писал: «Там, в желтой, испеченной солнцем Армении, израненной человеческим зверством, возникает серия стихотворений «Ван». Некоторые из них болезненно сжимают сердце читателя, в особенности «Ребенок», «Душевнобольная»².

Безусловно, эти стихи сыграли свою роль, настроив российскую передовую общественность в пользу армянского народа. И вот, в

¹ Армянский вестник, 1916, № 21, с. 10 – 11; № 25, с. 9 – 10. В статье М. Амирханяна «Армения в русской литературе накануне Октябрьской революции» (с. 95, примеч. 2) один из номеров еженедельника, где опубликованы вышеперечисленные стихи Городецкого, ошибочно указан как № 14. На с. 209 (примеч. 1) книги С. Городецкого «Об Армении и армянской культуре», в издании «Последний крик» (с. 479, примеч. 1) написано, что стихотворения «Арчак» и «Путница» опубликованы в вышеупомянутых номерах «Армянского вестника». Заметим, что и это – неверная информация.

² Литературное наследство, т. 74. Из творческого наследия советских писателей. М., 1965, с. 46.

начале марта 1918 г. в Тифлисе они издаются отдельной книжкой, вобравшей в себя и новые сочинения С. Городецкого (12 стихов), под названием – «Ангел Армении»³.

Книжка открывается посвященным Ов. Туманяну вышеупомнутым стихотворением «Армении», которое является своеобразным признанием – клятвой поэта, едущего на Кавказский фронт. Возвышенным и торжественным слогом он пишет:

*Как перед женщиной, неведомой и новой,
В счастливом трепете стою перед тобой.
И первое сорваться с уст боится слово,
И первую смущаются глаза мольбой.*

*...Узнать тебя! Понять тебя! Обнять любовью,
И воскресенья весть услышать над тобой.
Армения, звенящая огнем и кровью!
Армения, не побежденная судьбой! (с. 3).*

Самой благостной вестью для русского поэта является «весть воскресенья» Армении, страны, дивная природа которой, «счастливая сельская жизнь» противопоставлены картинам современ-

³ Ошибается Т. Никольская, когда пишет, что «Ангел Армении» вышел в свет в 1917 г. (см.: Т. Никольская. «Фантастический город». ..., с. 143). Не права и Сафразбескян, написав, что в Западной Армении «Под тяжелым впечатлением увиденного он пишет цикл стихотворений «Ангел Армении», который вышел отдельной книгой в Тифлисе в 1918 году... (курсив наш. – А. З.)», см.: Последний крик, с. 7.

О цикле стихотворений «Песни рая» и «Ангел Армении» см.: Ю. Багдасарян. Замечания. IV. Армяне и русская литература. – Оризон, 27. XI. 1916; В. Пруссак. С. Городецкий. «Ангел Армении» (реп.). – Ars, 1918, № 2–3, с. 71; О. Ганалаян. Указ. раб., с. 69–72; Ю. Даронян. Сергей Городецкий и Армения. Ереван, 1985, с. 12–32.

ной армянской действительности. На этих контрастах Армении и построен цикл стихов.

Несмотря на живописность, стихи Городецкого воспевают страну, превратившуюся из «небесного рая» в «кровавую долину», нескончаемую боль Западной Армении. Эти картины перемежаются описанием живописных пейзажей Арчака, Сипана, Вана, а также памятников – неподвижных и молчаливых хранителей истории страны, на фоне которых перед нашим взором предстают сплошные развалины, искалеченные трупы, скорбные человеческие тени.

В стихотворении «Арчак», сочетая пейзажные зарисовки с картиной человеческих страданий, Городецкий создает порою заразные поэтические образы:

*Дышит ветер ледяной
Голодом и жутью... (с. 4).*

Или:

*Далеко стоит Сипан,
Укрываясь в тучи.
В буре битв сгорел вулкан
И потух, могучий (с. 4).*

В стихотворении «Ван» дана потрясающая картина возвращения беженцев в родные края в 1916 г. Стихотворение написано на основе достоверных фактов и проникнуто сочувствием поэта, разделяющего их страдания и словно сопровождающего возвращающихся домой изгнанников:

*Луна лавины света рушит.
В садах от лепестков дремотных
Исходит ладан, душу душит.
Среди цветов – толпа бесплотных.*

Обложка «Ангела Армении»

*Они проходят вереницей,
И каждый в дом былой заходит,
Как узник, связанный с темницей,
Меж стен обуглившихся бродит.*

*Их, лучезарных, много-много,
Что звезд ночных под небесами.
Иной присядет у порога,
Иной прильнет к нему устами (с. 5).*

Повсюду страх и ужас, повсюду неописуемые трагедии. Об одной из них рассказывается в новеллистическом стихотворении «Ребенок». Поэт пишет о девочке, которая играет своими ручками. На лице ребенка – печать глубокой скорби, неестественной и непонятной боли. Оказывается, девочка была изнасилована и должна стать матерью ...

Полны горести и отчаяния стихотворения «Путница», «Сад», «Руки девы», «Душевнобольная» и другие, к содержанию которых восходят описания в романе «Сады Семирамиды».

Но как бы ни была трагична судьба Армении, Городецкий полон веры в спасение армянского народа. Об этом он «громогласно» говорит в стихотворении «Прощанье». Поэт уверен:

*... Что жизнь торжествует победно,
Что смерти зиянье напрасно,
Что люди не гибнут бесследно (с. 9).*

Эта идея получила свое наиболее яркое воплощение в стихотворении «Ангел Армении», написанном в тяжелые для армян дни, в 1918 г. В нем представлена обобщенная картина обескровленного, находящегося на грани физического уничтожения народа. В каждом из четверостиший – трагическая судьба страны и его народа. Согласно поэтическому замыслу, перед взором летящего в небе ангела предстает страшное зрелище разоренной

страны, картины одна ужаснее другой. У подножия Арарата и Сипана –

*... как туча, темн и тяжел,
Сбираясь по долинам голубым,
С испепеленных, разоренных сел
Струился молчаливый, душный дым.*

*Под ним на дне ущелий, в бездне гор,
В ненарушимой тишине полян,
Как сотканный из жемчугов ковер,
Сияли кости белые армян.*

*И где-то по тропиночке брели
Измученной, истерзанной толпой
Последние наследники земли
В тоске изнеможения слепой (с. 12).*

Вслед за изображенными поэтом-художником картинами разорения следует яростный окрик ангела, подобно «водопаду слов», слетающих с уст:

*– Восстань, страна, из праха и руин!
Своих сынов рассеянных сомкни
В несокрушимый круг восторженных дружин!
Я возвещаю новой жизни дни.*

*Истлест марево враждебных чар,
И цепи ржавые спадут, как сон,
Заветный Ван и синий Ахтамар
К тебе вернутся из былых времен.*

*Восстань, страна! Воскресни, Айастан!
Вот раду я поднял над тобой.
Ты всех земных была несчастней стран,
Теперь счастливой осенись судьбой! (с. 13).*

Примечательно, что в то же самое время в «Ваагне» молодой Е. Чаренц со скорбью обращался к древнему армянскому богу войны, умоляя о такой же помощи. Городецкий обращался к ангелу-хранителю Армении, говоря от его имени. И хотя стихотворения Городецкого и Чаренца различны по своему звучанию и содержанию, тем не менее они написаны с одной и той же целью: вдохнуть в истерзанный и отчаявшийся, изгнанный и преследуемый армянский народ новые силы, силы борьбы, веру в собственную судьбу.

Этой же верой в воскресение родины проникнуто почти одновременно с «Ангелом Армении» написанное стихотворение Городецкого «Россия»:

*О вечном мире всей вселенной,
О воле, братстве и любви
Запела ты самозабвенно
Народом, гибнущим в крови.*

Среди народов, «гибнущих в крови», были и армяне, которых русский поэт полюбил всей душой, желая им воскресения, как и своей России – «матери свобод»⁴.

... В рецензии на сборник «Ангел Армении» поэт В. Пруссак писал: «Петь об Армении – значит петь скорбные песни, иных не поет «Ван, разоренный рай». «Мученица наша армянская земля» заставляет и С. Городецкого (казалось бы, ему ли, певцу «Дикой воли», приковывать строки к «тоске изнеможения слепой») повторять о боли и звать к возмездию. Это – новые страницы в творчестве поэта, страницы заинтересовывающие... Вдвойне интересная книга – и новыми чертами творчества поэта, и новыми для нас изображениями близкой нам страны... Книжка иллюстрирована прекрасными рисунками Б. И. Рябова по барельефам

⁴ См.: Ю. Дароян. Указ. раб., с. 14 – 15.

Ахтамарского монастыря»⁵.

2. ОЧЕРКИ, СТАТЬИ

На фоне написанных С. Городецким в Западной Армении под непосредственными впечатлениями стихов выделяются имеющие несомненную ценность очерки 1916 – 1917 гг., которые, как уже было сказано, опубликованы в газетах «Русское слово» и «Кавказское слово». Выше эти очерки вскользь упоминались в основном в связи с деятельностью русского поэта в Западной Армении, однако нельзя не остановиться на их художественных и познавательных достоинствах.

В очерках поэт описывает пройденные им дороги, увиденное в пути. Сменяют друг друга живые, выразительные картины, выбранные чутьем поэта-художника. В описаниях чувствуется возвышенный дух и прелесть природы потерянной армянами родины, ее рек и озер, гор и долин, альпийских лугов, зеленых склонов, аромат садов ... Городецкий, влюбленный в природу Армении, своими пейзажами опеломляет читателя. Вот, например, впервые увиденный поэтом Арарат из очерка «Спящие вулканы»: «Утром я открыл глаза от острого алого света: это Арарат засверкал еще невидимым солнцем. Куда-то на землю, по обе стороны ее, убегала тьма, растворяясь в зеленой лазури. Вся основа вулкана была грузно-лиловая, а пояс рыже-теплый, а грудь и вершина такие ясно-алые, что ни коралл, ни сибирский рубин, ни перышко фламинго не пойдут в сравнение» (с. 27).

Однако самыми заманчивыми являются картины Вана и его окрестностей, представленные с разных точек и в разное время дня, во множестве вариантов. Так, в приводимом отрывке можно заметить выявленное поэтом общее сопоставительное начало природы и человека: «Это мир серебряных вулканов, мечтающих озер, горных цветов, хороводных звезд, древних дорог, нежно-оких буйволов и горделиво-покорных верблюдов, это мир див-

⁵ В. Пруссак. Указ. рец., с. 71.

ных человеческих душ, ... мир немого векового молчания страдающего народа, мир вопрошающих детских глаз и сверкающих жаждой борьбы юношеских глаз, мир диких девушек, ждущих материнства, и крестьянок – мадонн, улыбающихся первому ребенку» (с. 26).

В другом очерке («Город призраков») С. Городецкий описывает «поэму скалу» – настоящую композиционную картину, находящуюся вблизи ворот Вана. В очерках описываются также Варагский храм, озеро Ван – «одно из красивейших в мире горных озер», Ахтамар, Арчакское озеро – «пролог озера Ван» – сверкающее между горами «ярко-синим треугольным лоскутом», Сипан, Нимруд ...

В очерке «Древности Вана» Городецкий пишет: «Человечество только что успело вдуматься в античные памятники. Но Помпея по сравнению с Ваном – детская игрушка. Огромный Колизей, внутри которого в средневековые жил целый городок, – и он уступит в грандиозности ванским сооружениям, если их представить по обломкам такими, какими они были. Даже Форум, величайшая из толкучек мира, скученностью и теснотой своей слишком напоминающий о человеческих делах, поблекнет перед стихийной простотой ванских скал – городов» (с. 37).

С. Городецкий приводит древнее предание, связанное с этими местами, представляет клинописные эпитафии, сохранившиеся на скалах со времен Аргишти. Примечательно, с каким вдохновением и нескрываемым интересом описывал поэт чудеса армянской земли: «... легенда говорит, что оно (озеро-море Ван. – А. З.) так любило Семирамиду, что подошло к самой скале, и пело, и билось, и стонало от страсти у ног царицы-волшебницы – но иссиня-изумрудная гладь его была так же красива, жемчужный Сипан так же спокойно поднимался над этой гладью, и так же за вуалями тумана мерцали освещенные солнцем лощины Востанских гор, и так же грузно, вдали-вдали, темнел Нимруд» (с. 37).

Считая «райский край» Ван «страной художественного быта»,

С. Городецкий по каждому поводу упоминал о быте армянского народа. Так, он отмечал высокий уровень культуры ванцев – от постройки домов до их внутреннего убранства, домашнюю утварь, подчеркивая при этом, что деревянные, серебряные и медные изделия имели широкое распространение среди них и были предпочтительнее других. Особое внимание уделяет Городецкий изобразительному мастерству ремесленников.

И в этой среде мы видим армян – измученных, истерзанных, подавленных горем и страданиями, но трудолюбивых, готовых восстановить свой древний, когда-то цветущий, но ныне «мертвый» город. Автор описывает самоотверженный труд, повседневные заботы, радости и печали армянских патриотов – Мосяна, Саакова, Пахчана, Вагаршака, Анаит и других, ставших прототипами героев его романа «Сады Семирамиды».

Понятно, что в очерках о Западной Армении С. Городецкий описывает также военные события, боевые подвиги, как, скажем, «исключительный» подвиг Яковиди, который «спас Сарыкамыш, прорвавшись к нему сквозь ряды турок на одном паровозе, нагруженном снарядами» («Золотые вечера», с. 42).

Русский поэт в своих произведениях обращается к добровольческим армянским отрядам, как, например, к отряду армян из Америки, давая оценку его деятельности: «... в самом начале... войны в Америке среди тамошних армян собралось около трехсот энтузиастов, которые, вооружившись и снарядившись на свои средства, прибыли в Россию и отправились на турецкий фронт. Они были передовым разведочным отрядом и оказали немало услуг нашим войскам. Закаленные, изящные, на крепких лошадях, они, минуя дорогу, летели по тропинкам через Абагинскую долину» («Спящие вулканы», с. 28).

Вспомним также, что очерки поэта зачастую кончались надеждой и верой в будущее Армении. Вот, например, «Разоренный рай» завершается такими призывами-заявлениями: «Замученная, маленькая Армения ждет дуновения жизни от великой России».

Прошлое тяжело. Настоящего нет. Есть только будущее, и чувство будущего – надежда» (с. 25). Или как в «Ночном отходе»: «... ведь должны же кончиться после этой войны исторические испытания несчастного народа, должны же ручьи слез и крови смениться хрустальными ручьями горной гремучей воды, должны же в кругу вулканов зацвести сады и тысячью синих струй должны подняться в лазурь дым мирных очагов!

На золотых скрижалях мира, которые уже видны в огне войны, в ряду других народов - мучеников, ярко сверкает имя Армении Воскресающей...» (с. 51).

Несомненно, эти очерки Городецкого в тяжелой обстановке войны играли немаловажную роль – в смысле истинно литературного воздействия: они ознакомили русское общество с армянским народом, с его культурой, судьбой, привили интерес и любовь, симпатии и сочувствие к нему. Без преувеличения можно сказать, что очерки поэта в большинстве своем не потеряли своей художественно-познавательной ценности и в наши дни. Кроме того, что они представляют интерес для широкой читающей общественности, они могут дать богатый материал этнографам и фольклористам, историкам и географам, археологам, историкам искусства – тщательными описаниями внешнего и внутреннего вида архитектурных памятников, их отдельных деталей, меткими и проникательными искусствоведческими характеристиками особенностей этих памятников. Кстати, вслед за Н. Марром и И. Орбели, изучавших древности Вана, наблюдения С. Городецкого основательно дополняют исследования указанных ученых. С этой точки зрения весьма примечательно, скажем, описание внутреннего снаряжения Варагского храма в очерке «Храмы Ормузда, Христа и Аллаха».

В очерках С. Городецкого запечатлены достоверные картины жизни и природы Западной Армении, которые неоценимы и дороги армянскому народу⁶.

⁶ Подробно об очерках см. также: *Ю. Даронян. Указ. раб., с. 32–57.*

Кстати, по свидетельству С. Городецкого, в 1924 г. он работал над трилогией «Восточный эпос»⁷. В 1927 г. закончил вторую часть трилогии – роман «Алый смерч». Описанные в книге события, происходившие в Персии, совпадают с периодом Февральской революции и разложением царской армии. Следует отметить, что первые три главы этого романа, как нам удалось выяснить, напечатаны еще в 1919 г. в первых двух номерах издающегося в Тифлисе журнала «Орион»⁸. С середины 20-х гг. и до конца своей жизни С. Городецкий работал над первой частью трилогии – романом «Сады Семирамиды». Третья часть трилогии – «Черный город» – должна была охватить «эпоху Октября, в Баку» и отражать «борьбу за нефть, между странами капитализма и Советами»⁹. Однако над этой частью, насколько известно, писатель не работал¹⁰.

* * *

Одновременно в тифлисской печати С. Городецкий выступал с многочисленными ценными художественно-критическими статьями об изобразительном искусстве. Эта сторона его деятельности особенно примечательна – ведь Городецкий как художественный критик сформировался именно в Тифлисе.

Особенно велики его заслуги в оценке и пропаганде армянского изобразительного искусства.

Пребывание Городецкого в Тифлисе совпадает с одной из памятных страниц истории армянской живописи и культуры. Изобразительное искусство, получившее в 10-х годах бурное развитие среди армян, действительно требовало организации творческих союзов, выставок и т. п. В 1916 г. основывается Союз армянских

⁷ МЛИ, архив С. Городецкого, № 39.

⁸ 2-й номер журнала хранится в МЛИ (ф. Ов. Туманяна, № 1779).

⁹ МЛИ, архив С. Городецкого, № 39.

¹⁰ Подробно о романах «Сады Семирамиды» и «Алый смерч» см.: Ю. Дароян. Указ. раб., с. 60–72.

художников, в 1917 г. открывается первая выставка армянских художников, явившаяся крупнейшим событием в истории армянской культуры. Выставка была принята общественностью города с большим воодушевлением.

Неоднократно в печати, а также в своих публичных выступлениях С. Городецкий развивал мысль об организации подобных выставок. Он же и стал одним из самых объективных рецензентов в оценке творчества выставлявшихся художников не только на отмеченной выше выставке 1917 г., но и на организованной в 1919 г. новой экспозиции армянских художников. В армянской действительности еще не было профессиональных художественных критиков, и, конечно, заслуги Городецкого в этом плане неоценимы – его тонкая и проницательная трактовка художественных явлений, несомненно, стимулировала развитие изобразительного искусства, прививала художественный вкус самым широким массам.

В содержательной статье¹¹, посвященной выставке 1917 г., приоритет дается скульптуре. Исходным положением статьи является та мысль, что «горная природа, мощные хребты и утесы – прежде всего создание скульптора». Городецкий развивает эту мысль, рассматривая в основном произведения Г. Гюрджяна, однако распространяет ее и на живопись: «... художник Кавказа предназначен к искусству чистой формы». С этой отправной точки рассматривая «настоящее, монументальное» искусство Гюрджяна, автор статьи отмечает слияние национальных особенностей его творчества с иными свойствами, идущими от французской психологической скульптуры того времени. Благодаря этим двум «жилкам», сжатыми и четкими характеристиками «прочитываются» бюсты Горького, Шаляпина, Ширванзаде, полководца Андраника, где, по его мнению, решается одна из труднейших творческих задач. В мраморе и в бронзе каждый раз своеобразно воплощается внутреннее неуловимое движение духа: «напряженное творческое усилие Горького», «грубоватая са-

¹¹ Кавказское слово, 11. II. 1917.

мовлюбленность Шаляпина», привычно-вдохновенный жест Ширванзаде, «тревожный взор вождя дружин Андраника».

С эстетической точки зрения интересен также разбор работы скульптора Григора Кепинова «Весна». «Весна! Уж что слаще и «красивее»?», – пишет он и добавляет: «... перед вами мощная фигура, почти искаженное лицо, все мускулы напряжены, это – природа-родительница, природа-работница, природа-сила. Это не фиалочки с незабудочками, а большая идея, смело доведенная почти до разрешения».

Самобытностью и типичностью творческой характеристики особо выделяются Городецким живописцы Е. Татевосян и М. Сарьян. Анализируя полотна Татевосяна «Ждут пассажиров», «Жаркий край» и «Сказка», рецензент отмечает в этих картинах преломление «света в природе и цвета на палитре», подчеркивая склонность художника к предпочтению богатой световой гаммы. Своеобразие Сарьяна – в «прямо трогательных», чувственных красках, в способности музыкально-красочного синтеза – в портретах.

Более развернутая статья Городецкого посвящена второй выставке Союза художников¹². На этой выставке, открывшейся в начале апреля 1919 г. в зале Тифлисского университета, экспонировались работы около пятидесяти художников, большое место было уделено живописи и графике. На этот раз С. Городецкий имел возможность оценить творчество многих живописцев, проанализировав с отменным вкусом художника и с широкими искусствоведческими познаниями, наряду с творчеством М. Сарьяна и Е. Татевосяна, творчество В. Гайфеджяна и О. Тер-Татевосяна, Г. Шарбабчяна и С. Хачатуряна, В. Ахикяна, всемирно известного «блестящего офортиса» Эдгара Шаина и др.

Считая армянских живописцев «солнечниками», русский поэт проникательно и тонко различает самобытные стороны искуст-

¹² Кавказское слово, 12. IV. 1919.

ва каждого из них, оценивает их мастерство: композиционное – у одного, аналитическое – у другого, в плоскости – у третьего, в графическом рисунке – у четвертого, в цветовых оттенках – у пятого.

В тематически сложных графических работах и этюдах наделенного «большим дарованием» Гайфеджяна улавливается умение создавать картины, в обилии света – суетою нервных пятен – показывать формы, в сети бликов и теней сохранять очаровательный ритм. Считая это влиянием Врубеля, автор статьи объясняет, что как в графике, так и в этюдах «будто бы случайные мазки хранят невидимую форму, и разбитая белыми лучами связанность модели воскресает в зрении по воле художника. Разложив мир на пятна, он мастерски собирает его снова своей волей».

Таковыми же искусствоведческими проникновениями характеризуются и работы другого «солнечника» – О. Тер-Татевосяна, который уже не то что разделяет, а сгущает воздух и свет, как будто концентрирует лучи света, делает их весомыми. «Он видит, как физик, свет лучей на предмете и удивительно ловит плоскости падения лучей», – пишет Городецкий. Затем, обращаясь к одной из лучших работ художника – «Цыганка» – разъясняет: «...тяжелый свет выравнивал все, все сделал плоским и не мог только заглушить сурика платков на головах. Свет убивает объем. Он распластывает все. И вот это знает хорошо Тер-Татевосян».

В полотнах Сарьяна, «как прежде, солнце... ложится желтым шелком на мир... но ткань заколебалась, приподнялась, и вот жизнь, быт, уют. Теплые, милые вещи. Гармония будней... Персия оказалась дома, у себя, в повседневности».

«Солнечник» Шарбабчян «желто-алым солнцем залил толпу, процессию, пейзаж, дома и церковь и как бы влил фигуры в фон». Его этнографические полотна вместе с работой С. Хачатуряна «Жертвоприношение в армянском монастыре», «где целый клубок заданий», должны бы войти «в краевой музей».

Шестой «солнечник» – Степан Габаев – «дал две поразитель-

но ярких вещи – желтую «Персию»... и алый «Ордубад»... Горячие, почти телесно опутимые лучи заливают обе картины. И как в персидском водоеме, так и в ордубадских горах есть сказка, рассказанная, что очень любопытно – языком реалиста».

Высоко оцениваются картина Е. Татевосяна «Из быта армян» (где «сказочность рождается из трагичности»), пейзажи – «Босфор утром», «Бейрут», «Севанский монастырь» и «Арарат», «где хорошо проработаны плоскости освещения».

Однако не следует думать, что рассматриваемые статьи Городецкого содержат лишь похвалы. Четкие, резкие, свободные от болтливости его характеристики содержат также существенные оговорки и замечания. Оценивая талант Е. Татевосяна, он одновременно замечает, что «фигуры решительно не удаются маэстро», «щедрости одарения» С. Хачатуряна С. Городецкий предлагает «самоограничение», так как, прикладывая руку ко всему, художник не может сосредоточиться, сконцентрировать свои силы. Не менее существенны его предостережения в адрес Тер-Татевосяна. Свидетельствуя, что его работы «Базар», «Сумерки», «Улица в Самарканде» «можно долго пить, как солнце», Городецкий тут же замечает: «Но призрак упоения мастерством (то есть техникой. – А. З.) стоит над нами. Мастерство – болезнь. Своего рода склероз, остекленение и даже одеревенение. Живой талант должен его бояться и преодолевать неудержимым стремлением вперед и вперед».

И в других статьях С. Городецкий дает такие же основательные и проникающие оценки, делает критические замечания, обобщения и выводы. Эти статьи – «Все о том же: об искусстве», «Выставка картин Г. И. Габаева», «Искусство в трауре», «Выставка К. О. П. И.», «Кирилл Зданевич», «Сергей Мар», «Малый круг», «Трагедия художника (о Сергее Судейкине)», «Искусство и государство», «У Ильи Репина», «Из блокнота (два Калама)», «Выставка художников грузин», «Беседа о живописи» и др. – и сегодня не потеряли своей ценности, мимо них не может равнодушно пройти исследователь и теоретик искусства.

Рисунки Сергея Городецкого
1916 год

Ван

Арчак

Ван

Арчак

Этим, конечно, не исчерпываются опубликованные в эти годы статьи С. Городецкого, относящиеся к изобразительному искусству. С уверенностью можно сказать, что с подлинным искусствоведческим блеском написана серия статей, посвященных персидскому искусству. Они выделяются весьма интересными наблюдениями, ощущением восточного мировоззрения. Достойна особого внимания также статья, посвященная Леонардо да Винчи. В ней, противопоставляя модернистским течениям исходную позицию «движение – суть жизни», Городецкий излагает собственное эстетическое восприятие сути искусства.

Очевидно, что этими статьями С. Городецкий в значительной мере содействовал развитию изобразительного искусства как армянского, так и других народов¹³.

¹³ Об этом см.: *Н. Элизбарашвили*. С. М. Городецкий – художественный критик. – Литературная Грузия (Тбилиси), 1978, № 9, с. 125 – 133.

ГЛАВА IV

АРМЕНИЯ И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ С. ГОРОДЕЦКОГО

Ощутимым вкладом С. Городецкого в освещение и оценку армянской действительности второй половины 10-х годов XX века¹, выявление новых фактов, подробностей являются его публицистические статьи, по сей день не известные армянской и русской широкой общественности. Живя и работая в Закавказье, русский поэт, уже ставший свидетелем Геноцида армян в Западной Армении, внимательно следя за происходящими в Армении событиями, ее внутренним и внешним положением, поднял свой

¹ Проблемы, волновавшие в эти годы армянскую общественность, подробно освещены в статьях известного армянского писателя А. Ширванзаде. Опубликованные в печати того времени, в частности, в «Мшаке», его статьи представляют определенный литературно-исторический интерес, имеют актуальное звучание. Освещаемые в них многочисленные и разнообразные вопросы национальной жизни злободневны и в наши дни. Это отголоски будней тяжелой исторической поры в жизни армянского народа 1914 – 1919 гг., достоверные свидетельства, иногда даже носящие дискуссионный характер: живое зеркало, отражающее положение народа, нравы и обычаи общественных слоев, большие и малые пороки, злоупотребления депутатов Национального совета, взаимоотношения с соседними странами, партийные разногласия, самые различные культурно-интеллектуальные проблемы и т. д. Эти статьи – важные материалы для освещения по-новому истории армянского народа данного периода. Они содержат поучительные уроки и советы для современных историков, литературоведов, педагогов, публицистов, журналистов, партий и вообще деятелей культурно-гуманитарной сферы [подробно см.: А. Закарян. Из публицистического наследия Ширванзаде (1914 – 1919 гг.). Ереван, 2006 (на арм. яз.)].

голос во имя справедливой борьбы армянского народа, за его право на существование.

Обосновавшись в Тифлисе, С. Городецкий сразу же оказался в гуще общественно-политической жизни края. В этот период именно здесь – в центре Кавказского наместничества, по отношению к армянам проповедовалась откровенная враждебность. Под покровительством царских властей своим необузданным армяноненавистничеством особенно отличился так называемый «Русский клуб». Это заметил С. Городецкий, который с горечью и тревогой констатировал: «Еще сильнее зашипели черносотенцы из подворотни Русского клуба. ... Русский клуб играет крайне мрачную роль в [Тифлисе]. Оттуда ползут слухи о предстоящих погромах. Там куются крылатые слова вроде: «недорезанный народ» (про армян), и создаются государственные истины вроде той, что «нам нужна Армения без армян»².

Осуществление этой гнусной политики царской России Городецкий увидел собственными глазами в Западной Армении, когда русская армия неоднократно, без каких-либо оснований, внезапными фиктивными отступлениями покидала захваченные у врага территории, а затем, через некоторое время снова завоевывала их, и этим способствовала «очищению» региона от армянского населения. Теперь эта политика продолжалась уже выводом русских войск из Западной Армении.

... Еще с середины 1917 г. судьба Западной Армении стала освещаться преимущественно в официальных сообщениях – выступлениях политических деятелей, свидетелей «армянской трагедии», служащих генерал-комиссариата Западной Армении. Так, лидер партии большевиков В. И. Ленин 9 июня 1917 г. на съезде Советов выступил с речью о войне. Осуждению подвергся империалистический характер войны, провозглашена революционная борьба за власть. Выдвинут тезис об «очищении» Турецкой Армении от русских частей. В ответной речи военного и морского

² Армянский вестник, 1917, № 1, с. 15.

министра Временного правительства А. Керенского высказана противоположная точка зрения, учитывающая факт геноцида: «Нам Армении очистить нельзя, ибо от Армении тогда ничего не останется, она погибнет под ножами турок и курдов». Лидер меньшевиков Г. Плеханов выступил за решение судьбы Турецкой Армении на послевоенной международной конференции³.

Известно, что видный армянский поэт В. Терьян, работавший в Народном комиссариате по армянским делам при Комиссариате по делам национальностей Советской России, общался с В. Лениным и И. Сталиным по вопросу о самоопределении Западной Армении. Он представил вождям революции положение армянского народа в целом, высказал свои опасения, что видно из его переписки в ноябре-декабре 1917 г. Также известно, что декреты и постановления, касающиеся Армении («Докладная записка о Турецкой Армении» и проект декрета об Армении), составлялись и принимались при непосредственном участии Терьяна. По его словам, эти документы были внимательно рассмотрены большевиками. В одном из писем (Н. Тер-Григоряну) этого периода, в частности, Терьян отмечал, что «Ленин очень хорошо понимает» «нынешнее» положение армян в связи с развалом Кавказского фронта и выводом русских войск, «А для безопасности армян он не против, если они захотят, чтобы остались нужные для этого военные части»⁴.

Совнарком России 31 декабря 1917 г. принял декрет «О Турецкой Армении». Декретом советское правительство объявляло, что «Защищает право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на самоопределение вплоть до полной незави-

³ Речь, 11. VI. 1917; 7. VII. 1917; 12. VII. 1917. См. также: В. Ту-
нян. Армянский Геноцид и русская пресса: 1915 – 1917 гг. – Вопросы
истории и историографии Геноцида армян. Ереван, 2002, № 6,
с. 58.

⁴ В. Терьян. Собр. соч. в 3-х т, т. 3. Ереван, 1963, с. 482, 480 (на
арм. яз.).

симости»⁵. Однако, к сожалению, это имело лишь пропагандистское значение, поскольку давая автономию Западной Армении, декрет не обеспечивал ее военную защиту, так как большевики призвали русскую армию покинуть фронт! «Не считаясь с мнением Совнаркома и боясь антивоенных настроений среди солдат, – пишет академик Г. Галоян, – ... командование Кавказского фронта вывело русские войска из пределов «Турецкой Армении», предварительно не обеспечив личной и имущественной безопасности местных жителей, как предусматривалось декретом»⁶. Перешедшие в наступление турецкие войска захватывают Батуми, Эрзерум, Сарыкамыш, Карс, Ардаган, Александрополь, подходя с одной стороны к Еревану, с другой – к Караклиссу, внушая тревогу даже жителям Тифлиса.

Вся армянская общественность болезненно переживала отход русских войск с Кавказского фронта. Ованес Туманян всегда считал, что судьба Западной Армении, справедливое решение Армянского вопроса связаны только с Россией, а не с западными державами. Известно, что вопрос русской ориентации армянского народа занимал исключительное место в публицистической и общественной деятельности выдающегося армянского поэта. В многочисленных статьях и исследованиях он обращался к истории этого вопроса, создавая при этом своеобразную историко-философскую систему. Исходя из исторического опыта он приходит к мысли, что единственный путь самоопределения армянс-

⁵ Г. Галоян. Армения и великие державы 1917–1923 гг. Ереван, 1999, с. 21 (на арм. яз.).

⁶ Г. А. Галоян. Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья. М., 1977, с. 37. В книге «Армения и великие державы 1917–1923 гг.» академик пишет, что «под влиянием большевиков разваливающаяся русская армия» была дезорганизована. 5 (18) декабря 1917 г. в Ерзнка было заключено перемирие на Кавказском фронте, «Русское командование Кавказского фронта не смогло удержать солдат, желающих возвратиться на родину» (с. 18), и они беспорядочно покидали фронт.

кого народа – присоединение Армении к России, а решение Армянского вопроса видит только с помощью этой великой страны⁷.

... Известно, что преданность Ов. Туманяна и С. Городецкого была взаимной, свою дружбу они пронесли через всю жизнь. Это была дружба, освященная историческими испытаниями русского и армянского народов. Именно это составляет стержень и основу публицистической деятельности обоих поэтов в те годы, наполняет ее глубоким содержанием. В этом аспекте весьма примечательно «Открытое письмо Сергею Городецкому» Ов. Туманяна. Армянский поэт это письмо написал 3 января 1918 г., обеспокоенный положением брошенных на произвол судьбы армян в связи с отступлением русской армии с Кавказского фронта.

Обращаясь к Городецкому «как русскому поэту и толкователю души своего народа», Ов. Туманян, в частности, с горечью пишет: «За время великой войны все народы выявили перед лицом всего света свой лик почти во всей целости, и больше всего, может быть, народ русский, ибо кроме войны, он делал и революцию».

... И думается мне, что великие дерзновения большевизма не чужды русской душе. И русский народ имеет совершить великую миссию в жизни народов.

Так смотря на Россию и так ее понимая, я ограничиваю свое слово Кавказом и хочу задать вопрос, на который Вы, может быть, дадите ответ, как русский поэт и толкователь души своего народа.

На ваших глазах здесь, на Кавказе, происходит чрезвычайно странное явление.

В то время, когда все народы Кавказа друг за другом приветствуют новую свободную Россию и на своих национальных съездах выносят решение о том, что остаются в составе великой

⁷ См.: *С. Н. Саринян. Туманян и вопрос русской ориентации армянского народа.* – ИФЖ, 1978, № 3, с. 87–97 (на арм. яз.).

свободной республики, в это именно время на нашем фронте русская армия, победоносно врезавшаяся в глубь вражеской страны и ставшая там хозяином положения, начинает отходить не только с полей сражений, но и покидать самый Кавказ.

Верить ли, что русские могут так легко оставить поля своих побед и Кавказ?

... Россия за столетие с лишним положила миллиарды денег и миллионы жизней в бесчисленных героических войнах и создала обширнейшее государство, представляющее ныне великую российскую республику.

Как вы думаете, нет никакой связи между теми миллионами русских людей и нынешними. И свободные русские люди наших дней, стоящие еще на исторических братских могилах, разве ныне отказываются от своего наследства, от своего положения на Востоке и от исполнения своей великой национальной миссии»⁸.

В том же номере газеты было напечатано стихотворение Городецкого «Ангел Армении», посвященное Ов. Туманяну, а спустя несколько дней публикуется его ответное письмо армянскому поэту. Тонко, с политической дальновидностью написанное письмо, проникнуто верой в дружбу и братство между Арменией и Россией.

С. Городецкий «с беспощадной откровенностью» отвечает на «глубокие и трогательные вопросы» Туманяна: «Как будто с высот Масиса, где воздух чист и небо близко, раздался Ваш голос, дорогой Ованес Фаддеевич, обращенный ко мне в русскую равнину, которая так похожа сейчас на долину реки мертвых, Стикса.

И я с радостью берусь за перо, чтобы ответить Вам.

Ибо всю Россию, все ее проклятья, все ее мучения, так же, как и все надежды, ношу в себе и ежедневной думой пытаю будущее, которое предчувствую, как самое яркое, и прислушиваюсь к настоящему, ища из него выхода.

⁸ Кавказское слово, 3. I. 1918.

... Ваше письмо я принимаю как многозначительный акт дружбы и братства между Арменией и Россией, закрепленных кровью войны и революции. Только близкий друг мог ставить вопросы так верно и глубоко, что становится больно от них, и только близкому другу можно ответить так, как отвечаю я: с беспощадной откровенностью».

Затем, бросив исторический взгляд на российские события, роль в них интеллигенции, Городецкий пишет: «И в то время, как история одну за другой подготавливала «великие миссии» для России: освобождение Сербии, создание объединенной Польши, освобождение и воссоздание единой Армении, раскрепощение проливов, культурная работа в Персии – в это время все сильнее шел невидимый процесс анархизации и нигилизации масс сильнейшими ядами рабства и бесправия.

... И вот свершилось.

То, что мы наблюдаем ... Отход кавказской армии ... с тех границ, обладание которыми реализует мечту всего мыслящего человечества об освобождении Армении, неразмышляющий, стадный отход армии с этих границ не есть сознательное предательство всероссийского дела, не есть обдуманное разрушение дела армянского, а только темное, неосознанное подчинение стихийным силам, движущим сейчас всей Россией. ... Русское дело на Кавказе переживает только кратковременный кризис»⁹.

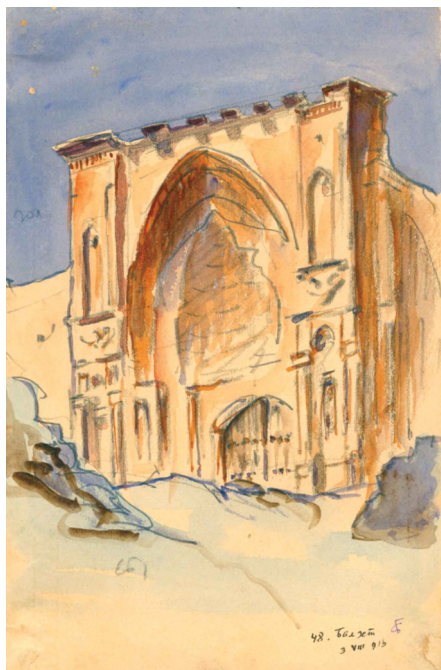
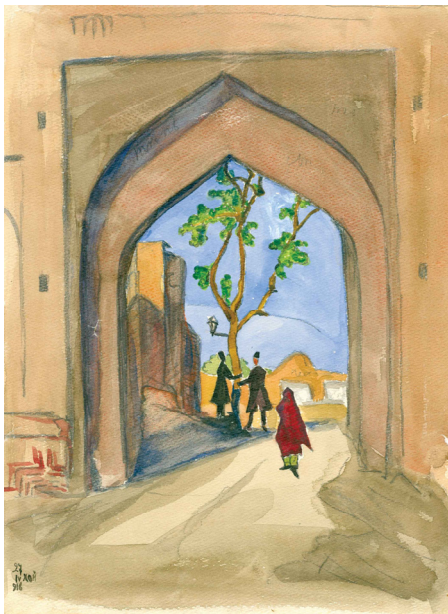
Заключение русского публициста таково: «Кавказ не может жить без России, как и Россия без Кавказа».

В эти трудные дни письма Ов. Туманяна и С. Городецкого успокаивали общественность и народ. Одновременно они вызывали широкий резонанс среди армянской, русской и грузинской интеллигенции края, полемику в прессе. Характерно, что в большинстве этих откликов – «Еще один ответ О. Ф. Туманяну» А. Селихановича¹⁰, «Россия стягивается (по поводу письма Ованеса

⁹ Кавказское слово, 10. I. 1918.

¹⁰ Кавказское слово, 18. I. 1918.

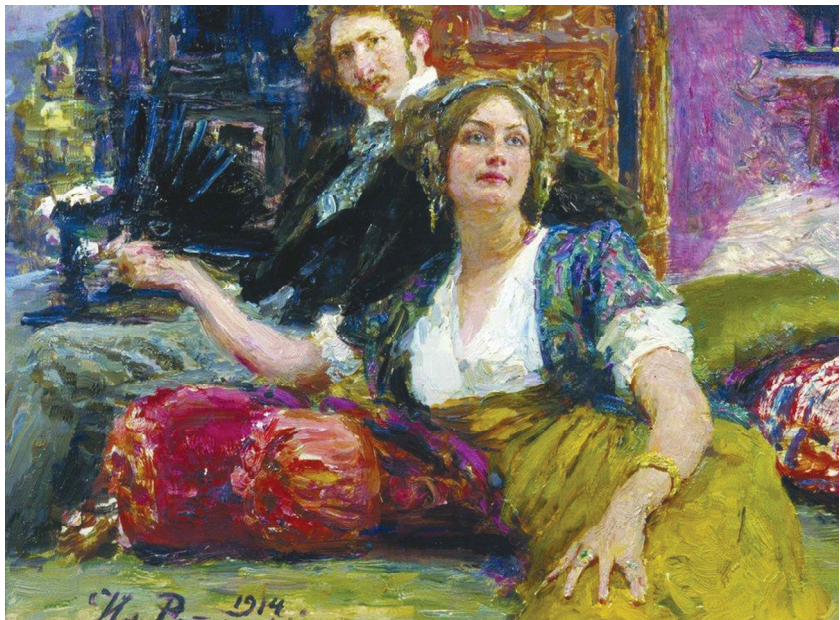
Хой

Баязет: Ворота крепости

Котур

Илья Репин: Городецкий с женой (1914 г.)

Туманяна)» Ю. Семенова¹¹, «Русская революция и западная демократия (отклик на письмо Ованеса Туманяна)» Т. Сорокина¹² и др. – находим твердое убеждение в том, что Россия никогда не оставит в беде кавказские народы.

Однако были и противоположные взгляды. Статья С. Городецкого «Ржавые перья»¹³ – обобщающий ответ своим оппонентам – не потеряла, на наш взгляд, актуальности и в наши дни. «Всякий поэт, признанный своей страной, имеет от нее определенный мандат: честно и пламенно изыскивать внутренний путь ее роста и развития, чутко прислушиваться к пульсу ее жизни, не только механически определяя в каждый данный момент реальное соотношение сил (каковое дело всецело принадлежит партиям), но чувствуя и предугадывая неуловимые, иногда непостижимые движения ее организма. В политической жизни все проникнуто настоящим. Поэт же вносит корректив в политику, напоминая о прошлом и о будущем. Поэт – хранилище и колыбель истории народа, совершенно забываемой в злобах политического дня, – в частности, пишет он. – Этот высокий мандат особенное значение имел в условиях старого режима, когда, зачастую, писатели, в ущерб художественному своему творчеству, принимали на себя и политическое представительство страны. Я тоже воспитался в этих традициях ... я не могу отказаться от своего, пускай мистического ... но тем более драгоценного для меня мандата русского поэта.

Действительно условия изменились, политика может быть политикой, поэзия поэзией. ... Я лично не могу ... отказаться от права мыслить, чувствовать и страдать по поводу жизни родины во всем ее объеме, без всяких исключений. Я лично думаю, что к трезвости, ясности, расчету политиков – в общей сумме жизни – всегда будет требоваться корректив безумия «лирического тумана», как говорит мой оппонент, дерзости поэтов. Логика хрома

¹¹ Кавказское слово, 24. I. 1918.

¹² Кавказское слово, 7. II. 1918.

¹³ Кавказское слово, 20. I. 1918.

без интуиции ... Ованес Туманян ... мог обратиться, поэт к поэту, ко мне, а я – ему ответить. Как известно, всякая звезда рождается из тумана, и, может быть, кое-какие звезды политической мысли и разовьются из первоначального «лирического тумана», в котором два поэта поверяли друг другу свои заветные думы и тревоги».

В статье Городецкий дает отпор ряду армянских деятелей, которые увидели в русском поэте «великодержавного гегемониста», высказались о нем довольно развязно. Он так отвечает своим «оппонентам»: «Я не герой тыла. Не будучи призван, я добровольно приехал на армянский фронт, увлеченный порывом русской интеллигенции на помощь к Армении. С вашим народом я был в тягчайшие минуты его жизни: Вашей крови детей, бросаемых во время отступления, я поднимал с дорог, где уже все прошли ...».

* * *

В тревожные 1918 – 1919 гг. не было буквально ни одного вопроса, затрагивающего жизненные интересы армянского народа, который бы не был поднят в статьях Городецкого, ни одного примечательного события, которое не нашло бы отражения в его публицистике. Свидетельством тому являются также пронизанные высоким публицистическим пафосом тематически целостные статьи. Эти статьи впервые введены в научный оборот нами¹⁴. В них с глубоким уважением, сочувствием и любовью говорилось об Армении, ее древней и богатой культуре, о трагической судьбе, выпавшей на долю армянского народа, глазами очевидца описано бедственное положение населения Восточной Армении после вторжения турецких войск, учинивших такие же зверские погромы, как и в Западной Армении. Сразу же отме-

¹⁴ См.: А. А. Закарян. Армения и армяне в статьях С. Городецкого. – Вестник общественных наук АН Армении, 1990, № 8, с. 80 – 93; *он же*. Русские литераторы и армянская действительность (10-е гг. XX в.), с. 150 – 185; *он же*. Армения и Армянский вопрос в публицистике Сергея Городецкого. – ИФЖ, 2003, № 1, с. 89 – 106.

тим, что цитаты и выдержки из этих статей приводятся несколько пространно, так как они весьма яркие, содержательны, всесторонне охватывают весь спектр вопросов армянской действительности, имеют и ныне актуальное звучание, представляя, несомненно, интерес не только для исследователей, но и для широкого круга читателей.

* * *

В статье «Pro Armenia»¹⁵ читаем: «Не только заглавие, но и всю эту речь можно было бы написать по-латыни.

Не потому, что этим классическим языком вполне подобает писать про старинный народ.

И не потому, что медный голос латыни как нельзя лучше подходил бы к трагическим событиям, обрушившимся на Армению, напоминая собою набат общечеловеческой совести.

Совести прежних веков.

О, нет не современной!

Современная общечеловеческая, международная совесть если звенит, то далеко не медью, а другим металлом.

Латынью потому можно писать про современную Армению, что никто этих речей не слышит, люди закрыли уши, опустили веки на глаза, чтобы не видеть ужасающей, оглушительной, невыносимой азбуки событий...».

Городецкий пишет, что на глазах всего мира уничтожают народ, и об этом нельзя молчать. Но все происходящее словно напоминает театр, в котором на трагедию Армении смотрят с галерки Россия, из партера – Грузия, из ложи – Германия. А на глазах у всех не «представление убийства, а самоубийство». Публицист взывал к «общечеловеческой» совести. Особенно его угнетала судьба детей. «Армения национальным своим инстинктом во всех своих бедствиях особенно любовно, особенно бережно относится к детям, – пишет Городецкий. – Надо было видеть эти детские обозы, эти детские приюты, наспех организуемые на фронте всякий раз, как разрушался какой-нибудь город, надо ви-

¹⁵ Кавказское слово, 25. VII. 1918.

деть этих воспитательниц, нянек и особенно учительскую молодежь, чтобы понять, как чудесно переплавляется чувство бедствий в чувство любви к сиротам.

Это и понятно.

Лишаемый территории, сгоняемый с древних мест поселения народ-беженец, естественно, будущее свое видит в детях.

Поистине в Армении так много сирот, что их уже нет там: матерью стало государство. Иметь мать – это редкое личное счастье, воспитание детей – дело общегосударственное.

Жестокая ирония судьбы: гуманнейшие идеалы новой педагоги осуществляются рукою смерти».

Городецкий приводит яркие свидетельства страданий армянских детей - беженцев, в частности, такое: «Врач приюта пишет о том, почему заболели дети.

Они заболели от перехода с *травяного* питания на нормальное.

Для разумеющих достаточно.

В Бакурианах дети паслись.

И еще была весть, что Андраник¹⁶ нашел где-то несколько армян, которые паслись на полях.

И еще весть: в Эчмиадзине матери бросали детей в пруд, чтобы спасти их от мучений голодной смерти.

И таким деталям нет конца.

Одна другой страшнее, одна другой тяжелее.

Происходит чудовищный процесс.

Рубеж за рубежом отнимается у армян».

Касаясь политических проблем, стоящих перед армянским народом, писатель-гуманист вынужден признать: «Казалось, что за границей Турции откроется возможность мирной жизни для армян.

¹⁶ Андраник Озanian (1865–1927), деятель армянского национально-освободительного движения, национальный герой армянского народа, генерал - майор русской армии.

Но нет. Граница стала мечтой. Ее нет. Она только в дипломатических бумагах и на старых картах России. Область за областью подпадает врагу.

Наконец, Батумский договор¹⁷ отводил «под Армению» какой-то клочок земли, бесплодной и пустынной, со скудными недрами, обнаженной поверхностью, – так сказать, символ государства.

Народ хочет здесь сконцентрироваться, чтобы напряжением всех центростремительных сил спасти свое существование, но пределы и этого гнезда оказываются зыбкими, и здесь нет спокойствия, необходимого для государственного строительства, и здесь нет возможности мирной жизни».

С великим сожалением русский публицист констатирует, что какая-то «невидимая рука направляет дело систематического истребления» нации, «час за часом население Армении распадается» на мертвых и беженцев, редееет небольшая группа живых и работающих. «В трагическом молчании народ Армении переносит эту тягчайшую минуту своей истории.

Плачущих, проклинающих, вопящих не видно. Стиснув зубы работают живые. Молча умирают обреченные.

И дисциплина такая, какая в батальонах смерти, чувствуется в нации.

... И свою роль действующего лица трагедии Армения несет с достоинством», – замечает автор статьи. Но С. Городецкий вновь выражает веру в жизнестойкость армянского народа: «Вообще

¹⁷ Договор о мире и дружбе между османским имперским правительством и Республикой Армении заключен 4 июня 1918 г. в Батуме. Договор был подписан в условиях агрессии Турции против Закавказья и представлял собой принудительный акт, обусловленный полным военным превосходством Турции и слабостью Республики Армении. По этому договору Армения ставилась в зависимость от Турции. О договоре подробно см.: Армянский вопрос. Энциклопедия. Ереван, 1991, с. 74–76.

народы не погибают.

И никогда не погибают народы, умеющие в минуты тягчайших бед и унижений сохранять свое национальное достоинство.

Не погибнет и Армения.

Измученная, обессиленная, она все же в эти трудные дни осуществляет свою историческую мечту о самостоятельности».

* * *

В публицистическом наследии С. Городецкого особо выделяется статья «Новая рана»¹⁸. Городецкий ясно осознавал высокую ответственность русского народа, его интеллигенции за историческую судьбу не только своего, но и других народов России и подвергал политическому анализу то, с каким энтузиазмом воспринял русский народ принцип самоопределения наций. Этот принцип, как заметил Городецкий, «глубоко удовлетворял русское самосознание и снимал с русской совести грех угнетения малых и слабых». С этой позиции подошел поэт и публицист к декрету об упразднении армянских организаций, действующих в РСФСР. Этим постановлением в качестве контрреволюционных, антисоветских были ликвидированы армянские культурно-политические демократические организации с таким обоснованием: «Построение такое: «закавказское» правительство контрреволюционно; тифлисский армянский национальный совет с ним находится в связи; все армянские организации в России — филиальные отделения тифлисского совета и, следовательно, контрреволюционны, и потому их надо «упразднить».

Поднимая свой голос протеста против этого постановления, Городецкий обличает и осуждает антиармянские происки, защищает национальные интересы армянского народа. «В ту минуту, когда армянский народ напрягает все свои силы к тому, чтоб, под угрозой физического истребления, при полной необеспеченности границ государства и жизни граждан, создать основы своего государственного бытия, агонизирующая большевистская Рос-

¹⁸ Кавказское слово, 29. VIII. 1918.

сия наносит ему новый удар в спину: декретом Ленина упраздняются все армянские национальные советы, комитеты обороны, военно-революционные комитеты и пр.», — пишет публицист и замечает, что большевизм «проявил тот же страх перед свободой народностей, какой был характерен и для царского правительства. Не умея гарантировать жизнь и развитие так называемым «малым народностям», большевизм силой, как и прежнее правительство, хотел держать их в связи с собой и с самого начала ко-со смотрел на всякое «самоопределение», объявляя его «контр-революционным».

Раздавались голоса, что в этом стремлении большевиков сохранить карту России сказывается их государственный ум. Но именно его — то здесь и не было. Большевизм в этом вопросе примитивно подражал самодержавию и, конечно, был бесконечно далек от проповедуемых им заветов интернационализма». Городецкий очень метко заметил, что большевизм «не мог и не хотел понять, что путь к федерации лежит только через полное самоопределение, что разгон центробежных сил неминуемо приведет к центростремительному бегу». Ни один из учителей Интернационала, утверждает русский публицист, не мыслил братство народов, как «сцепление нивелированных и обезличенных государственных единиц — а, наоборот, как свободный союз вполне в своих пределах развившихся государственных организмов».

Весьма смело и жестко Городецкий критикует новые власти: «Фразу Энгельса о том, что государство есть насилие, Ленин сделал главным рычагом своей политики.

И нажал на него в вопросе о национальностях.

Одним из результатов этой политики и являются декреты об армянских организациях.

Надо восстановить в сознании всю текущую на наших глазах трагедию армянского народа, чтоб оценить весь цинизм этих декретов.

Народ, лишаемый территории, народ, прогнанный с исконных своих земель и гонимый с последних, отведенных ему ключ-

ков; народ, похожий на зверя, которого выкуривают из последнего угла его норы. Народ, с начала войны систематически истребляемый, усеявший своими костями огромные пространства и ныне ежедневно приносящий тысячные гекатомбы смерти. Народ, рассеянный по свету, не погибающий исключительно благодаря стальному своему упорству».

Осуждая этот акт новых властей России, С. Городецкий пишет: «Нельзя сказать, что политическое положение Армении значительно ухудшилось от этого декрета. Но нельзя в то же время приуменьшить и морального значения этого акта.

Истекающему кровью армянскому народу нанесена новая рана, и оттого, что эта рана нанесена Россией, хотя бы и большевистской, она особенно болезненна. Этот удар с севера труднее перенести, чем более тяжелые удары с юга».

* * *

В результате нашествия турок в июне 1918 г. армянское население Джавахка (90 тысяч человек) бежало в горные районы Цалка и Бакуриани, оставалось там до начала декабря. Почти половина их погибла от холода, голода и болезней. В родные места вернулись только 40 тысяч человек, еще 10 тысячам удалось добраться до отдаленных районов Грузии и до Северного Кавказа. Столь большие потери, кроме объективных обстоятельств, имели своей причиной бесчеловечную политику правительства Грузии, которое чинило всевозможные препятствия армянским беженским организациям, не позволяя им оказывать необходимую помощь вынужденным переселенцам. Как показали дальнейшие события, конечной целью правительства Грузии было очистить Джавахк от армянского населения, что и было осуществлено если не в полной мере, то в весьма большой степени¹⁹.

¹⁹ А. А. Мелконян. Джавахк в XIX веке и в первой четверти XX века. Ереван, 2003, с. 265 – 294; 439 – 443 (на арм. яз.); Ш. А. Торосян. Из истории армяно-грузинских отношений (беженство ахалкалакских

На эту трагедию не мог не откликнуться русский поэт - гуманист и общественный деятель С. Городецкий. Об этом он пишет в статье «Живое кладбище»²⁰. «Наступают дни всеобщего мира, вырабатываются новые формы культурной жизни, все народы возрождаются – и вот в это время, в дни торжества жизни, на бакурьянских высотах, не где-нибудь в пустынях Месопотамии, а в шести часах езды от центра совершенно открыто, совершенно так, как делается дело доброе и общепольное, с холодной точностью часового механизма творится чудовищное непоправимое дело смерти», – констатирует С. Городецкий. «Все привыкли к смерти, но, быть может, пора начать отвыкать от этой привычки видеть и не замечать вокруг себя смерть?» – задается вопросом автор статьи и считает, что представился «удобный случай» отвыкать от смерти там, где она явно бессмысленна. Публицист раскрывает перед читателем суть свершившегося: «Под нашествием турок жители Ахалкалакского уезда двинулись к Грузии, и на бакурьянских высотах, на территории, достаточной только для того, чтобы быть кладбищем такому количеству людей, под открытым небом, были задержаны в своем движении и заперты как бы в концентрационном лагере.

Работоспособный, зажиточный крестьянин превратился в беженца. Культурное население – в голодную и большую толпу».

Городецкий приводит впечатляющую статистику вымирания ахалкалакцев и поднимает вопрос об их немедленном возвращении в родные места после ухода турок, чем и прекратится «дело смерти, столь образцово поставленное в Бакурьянах».

Свое пламенное выступление в пользу страдающих армян Городецкий, обращаясь к грузинским властям, завершает так: «Долг каждого гражданина помочь в таких случаях. Долг прессы выдвинуть такой вопрос из-под сукна. Ведь никаким блеском государственного механизма не оправдать гибели хотя бы одного...

армян 1918 года). – Вестник Ереванского университета, 2002, № 1, с. 141–147 (на арм. яз.).

²⁰ Кавказское слово, 8. XI. 1918.

голодного беженца. А они гибнут *десятками тысяч*.

Отворите же сердца свои, поймите эти цифры!

Если каждый это поймет и подумает, быть может, скорей поймут это и те, от одной подписи которых зависят тысячи жизней.

Уж если и при демократии нельзя обойтись без того, чтобы *тысячи жизней* зависели от *одной* подписи, то пусть эта подпись решает вопрос в пользу жизни, а не в пользу смерти!»

Но, увы, на этот призыв к трезвости не было подобающего отклика ...

* * *

Публицист С. Городецкий обладал большим даром историко-критической сатиры и был особенно безжалостным, когда дискутировал с фальсификаторами. С такой стилистической направленностью он изложил статью под заглавием «Немножко зубрологии»²¹. Статья представляет собой отповедь некоторым не слишком «чистоплотным» деятелям русского общества, которые ополчались против армян²². Не скрывая сарказма и своего негодования, публицист пишет: «Зубрология – наука.

Наука о зубрах.

Я имею полную возможность ее обогатить новейшими исследованиями.

Дело в том, что хотя в этой науке существуют целые главы, посвященные таким экземплярам, как Бобринский, Крупенский, Меньшиков, т. е. зубрам российским, тем не менее остаются мало известными зубры закавказские ...

Мы можем указать точнее, в каких именно урочищах: напр.,

²¹ Кавказское слово, 30 (17). XI. 1918.

²² Имеется в виду, в частности, статья В. Опочинина «Грезы о прошлом», опубликованная в газете «Грузия» от 28 ноября 1918 г. На эту статью в закавказской прессе откликнулись многие. Так, в газете «Кавказское слово» выступили: Т. А. Бекзадян. В. Опочинин, прозревающий будущее [30 (17). XI. 1918]; А. Чимшикян. Открытое письмо В. П. Опочинину (там же); *Idem*. Вова приспособился [1 (18). XII. 1918].

в Тифлисе ... Изучаемая разновидность, как опять-таки в каждом порядочном зоологическом саду, имеет номенклатуру: В. Опочинин.

Прежде чем перейти к разглядыванию именно этого экземпляра, напомним два признака всякого зубра, указываемые в зоологии.

Признак первый:

«Общая *грязно-светло-бурая* окраска».

Обращаем внимание читателя на эту деталь: не просто грязно-белая, а именно *грязно-светло-бурая*. На первый взгляд окраска может показаться *светло-бурой* или даже может быть *светлой*, а на самом деле она *грязно-бурая*, или просто *грязная*.

Признак второй:

«С годами становятся особенно злобны и дики и *нередко нападают на человека*»...

Оба эти признака в высшей степени присущи ныне наблюдаемому экземпляру, В. Опочинину.

Посмотришь – светлая личность.

Ни дать, ни взять апостол, только борода коротка.

Поборник правды, каких мало – лишь с самой маленькой оговоркой: борется за правду постольку, поскольку она ему нравится.

Армян любит прямо до самозабвения. Куда там Отеллю! В щепки не годится. Всю свою жизнь отдает он этой беззаветной страсти к Армении. Это какая-то бессмертная любовь... Если б не Опочинин, погибли бы армяне. Он – их спаситель, он их заступник.

Друг, можно сказать, единственный».

Городецкий негодуя уточняет: «Сидит этот друг, ходатай и адвокат армянского народа, у себя в зоологическом и пишет статью про свой возлюбленный армянский народ.

Столько же в ней любви, сколько честности. Столько же в ней честности, сколько правды.

Столько же в ней правды, сколько ижицы – ни одной ижицы,

ни капли правды, честности и любви.

Сплошная пакость – читать тошно.

Вот она зубровская окраска. Недаром сказано про нее в зоологии: «грязно-светло-бурая».

«Наш зубр ... прямо говорит свое, затаенное, – подчеркивает автор статьи. – Ведь если уж говорить по правде, то армяне имеют меньше, чем кто-либо, и этнографических и исторических прав на самостоятельную территорию».

Аргументы Городецкого в защиту прав армянского народа вески и очевидны: «Замечательная мысль, чисто зубровская. Здесь мы стоим вплотную перед зубровской психологией. Чтобы ее оттенить, сопоставим зубровскую правду с исторической».

Многомиллионный народ покрывает памятниками своей культуры огромную территорию.

Многовековой борьбой он отстаивает свое существование под напором завоевателей.

Последней войне, ведомой за будущую свободную жизнь народов, он платит непомерную дань сотнями тысяч мучеников.

И вот в момент, когда наступает осуществление его надежд, ему говорят, что он не имеет права на территорию.

Мало того: зубровское перо своим чисто зубровским способом аргументирует. Способ чрезвычайно прост: берется факт – и отрицается.

Армяне всю свою территорию залили своей кровью, защищая каждую пядь, каждый камень.

Зубр, доказывая, что армяне не имеют права на территорию, говорит: «а территорию надо заслужить исторически, надо ее в свое время отстоять кровью».

В силлогизме подменяется предпосылка, и нужный вывод готов.

Как все это жалко, как бессильно. И сама мысль о том, что народ должен «заслужить» территорию, и доказательства ее. Психология зубра отстала от психологии современного Вильсону человечества на много-много веков. Психология зубра сплошь

пропитана привычкой к насилию и подхалимству. Одно это слово «заслужить» чего стоит? Старой пылью пахнет от этих мертвых слов».

Городецкий клеймит «зубра» Опочинина, когда пишет, что «описанный прием с простым подменом предпосылки – самое невинное, что есть у зубра. Его арсенал гораздо гаже. Кроме инструментов мелкого фокусничества туда входят более современные аппараты, более подлые. «Живя и работая в России, – вещает про себя наш экземпляр, – я на каждом шагу сталкивался с исключительным недоверием русского общества к армянам, причем тамошние люди еще сравнительно равнодушны, но, кто только побывал на Кавказе, тот уже привозит обратно вполне сложившуюся антипатию».

Ведь это же ложь.

Хотя Опочинин, как ходатай и адвокат, и не лжет. Таково зубровское искусство. Клеветать, не клеветца. Лгать и не лгать».

Городецкий прекрасно знает, что передовая российская интеллигенция всегда с симпатией относилась к армянскому народу: «Если под ним разуместь русскую интеллигенцию, которая в лице своих лучших людей проявила такую братскую симпатию к армянам, если вспомнить огромную работу Валерия Брюсова, Максима Горького и других над армянской литературой, то все сказанное Опочининым, конечно, самая бесстыдная ложь.

Но если под «русским обществом» разуместь те клетки русского зверинца, где «жили и работали» русские зубры, то, конечно, там можно встретить не только «исключительное недоверие» и «вполне сложившуюся антипатию», но и гораздо худшие вещи – и натравливание, и провокацию, и самое простое людоедство».

Так Городецкий разоблачает и клеймит позором антиармянских деятелей, их идеологию и политику, логично, опираясь на факты, подвергает уничтожающей критике фальсификаторов, действующих против армянского народа.

* * *

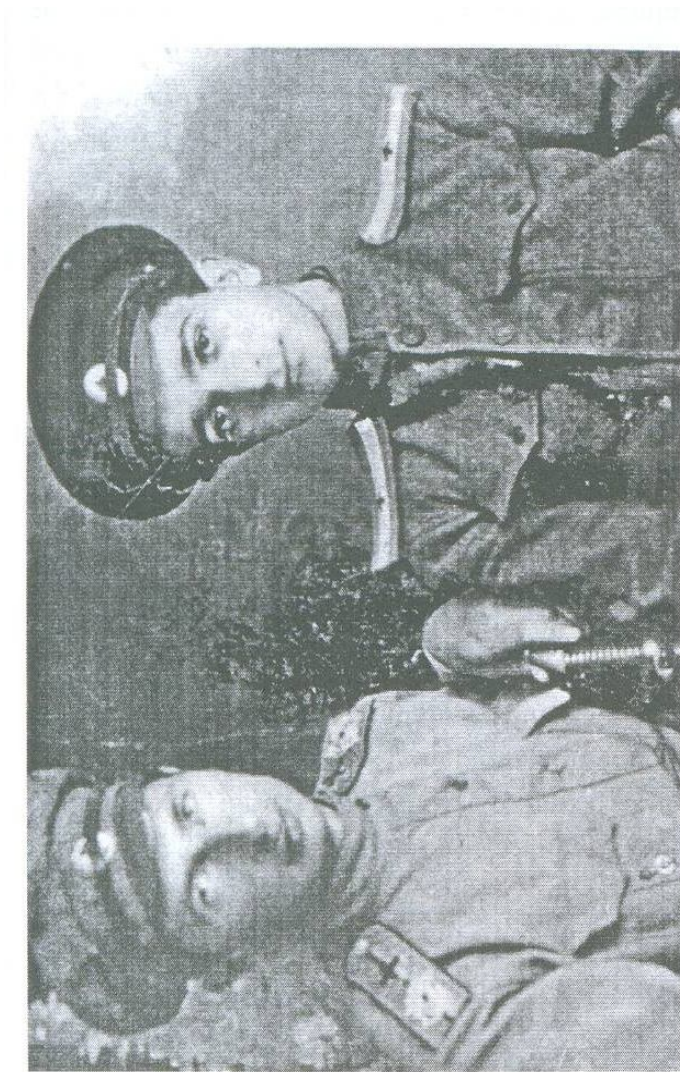
«Венок друзьям» – прочувствованная и трогательная статья²³ Городецкого о гибели доблестных героев «Ванской эпопеи» – К. Амбарцумяне, докторе Вартаняне, сыне Ов. Туманяна – Артавазде. Русский поэт пишет: «Не в равном бою пали они, а в коварной осаде: их благородная доверчивость и неустрашимость встретила с предательством и злобой врага. Горька тяжелая скорбь о их гибели. Таких сынов терять в такую минуту армянскому народу особенно трудно.

И не хочется верить, что их нет, что только тени их остались с их народом, что только в песнях о них спеть можно ...».

Характеристики Городецкого метки, взвешанны. Так, о «ванском губернаторе» К. Амбарцумяне он пишет: «... именно такие люди, каким был он, нужны возрожденной Армении. Выйдя из народа, пройдя суровую школу политической борьбы, К. Амбарцумян принадлежал к той деловой, народной интеллигенции, на которую обращены сейчас надежды всех народов, не только армянского. Армянам же в деле воссоздания их страны, в момент осуществления многовековых стремлений, в этот великий день победы, такие деятели особенно нужны. Амбарцумян был типичнейшим из них ... Он знал свой народ и в каждом видел брата. Что-то библейски-патриархальное было в его отношении к человеку. Народ он мыслил как семью. Сердце у него было близко от дела. И в этих его чертах отражаются старинные нравственные качества армянского народа». Кстати, портрет К. Амбарцумяна более общими чертами Городецкий представил в написанной еще в 1917 г. статье «Ванские портреты»²⁴.

²³ Кавказское слово, 8 (25). XII. 1918.

²⁴ Кавказское слово, 6. VIII. 1917. «Под его (К. Амбарцумяна. – А. З.) руководством я начинал в Ване свою согорскую работу, – пишет С. Городецкий. – В сентябрьский мой приезд его там не было – я его заменял, – но тень его тяжелой, приземистой фигуры была в Ване, в нашем доме» (там же).

Сергей Городецкий и Артавазд Туманян (Ван, 1916 г.)

О докторе Вартаняне русский поэт - публицист отзывается с не меньшей симпатией: «Армянин американской складки, он нес с собой своему народу дары другой культуры, чем Амбарцумян, энергию, методичность работы, европейское понимание долга. Живой, подвижный, неутомимый, он в трудные для ванцев дни много сделал им добра. Он плохо говорил по-русски, и я мало знаю про него, но все любили его и ценили. Его гибель – большая утрата для Армении».

Особенно трогательно слово Городецкого об Артавазде: «...юноша - герой, работавший для родины и отдавший жизнь за нее в канун славы, мой незабвенный друг, красивый глазами и душой, Артик Туманян».

Всем памятно героическое письмо его отца Ованеса Туманяна, обращенное в начале войны к Андранику, в котором отдавал он всех своих сыновей этому вождю, благословляя их на гибель за родину. (Вспомним, в Эчмиадзине приемом беженцев занимались и его дочери. – А. З.).

И вот, самый юный, самый нежный из его сыновей исполнил волю своего отца: он пошел и погиб за родину.

Вся жизнь была впереди. Талантливая натура влекла его то к живописи, то к театру, то к стихам.

Он все оставил и пошел на работу и смерть».

С. Городецкий не может забыть личного общения с этим прекрасным сыном армянского народа, навсегда запавшим в его душу обликом молодого патриота: «Огромные глаза его блестели, черные кудри падали на белый лоб, он был романтичен в этих садах смерти. Но в романтике его было что-то жизнерадостное, обращенное к будущему. Утром он лихорадочно бросался на кропотливую работу поддержания и восстановления жизни, работал запоем. Как много творческих сил погибло в нем, как жаль это сердце, полное горячей туманяновской крови! Артавазда ожидал расцвет. Все юношески неуравновешенное, что было в нем, должно было непременно отлиться в красивое творчест-

во»²⁵.

Резюмируя свое задушевное слово о «ванском губернаторе» К. Амбарцумяне, докторе Варганияне и «юноше - герое» Артавазде, С. Городецкий пишет: «... самых лучших, самых верных, самых нужных выбрала она (смерть. – А. З.) своей последней жертвой, и только светлые тени их проведут над Арменией в дни возрождения ее».

* * *

«Бедствия Армении» – одна из заметных статей²⁶ Городецкого, четко представившая картину состояния страны, ее проблемы. В ней рассказывается о «невероятных условиях», в которых оказалась республика. Публицист, в частности, пишет: «... чаща бедствий еще не испытала до дна, и вести, идущие из Армении, опять заставляют леденеть душу.

Приехавшие с работы оттуда рисуют полную картину смерти, вымирания.

Дело турок и германцев продолжают голод и болезни.

Все классы общества одинаково платят дань смерти.

Умирают министры.

Погибает интеллигенция.

Редуют ряды армии.

²⁵ 3 декабря 1918 г., узнав из печати о трагической судьбе Артавазда и его друзей, С. Городецкий с болью писал Ов. Туманяну: «Сейчас Вардгес (Агаронян. – А. З.) перевел из «Оризона» печальные строки о гибели в бою наших общих друзей и в их числе нашего нежного темнокрылого голубя – Артика. Слезы мне застилают глаза, я его любил как единокровного брата, но мое горе мне кажется маленькими сумерками по сравнению с огромной ночью вашей скорби.

Я не сумею утешить Вас, отца героя, но я так близко-близко стою около Вас и смотрю вместе с Вами в опустевший мир и жду минуты, чтобы поднять вместе с Вами глаза к вечным звездам, где теперь душа Артика» (с. 182).

²⁶ Кавказское слово, 4. II.1919.

И без счета гибнет народ. ... На глазах у всех падают дети и не встают больше. С мест идут чудовищные вести.

Все запасы истрачены.

Беженцы живут в невероятных условиях ... И поразительно, с какой безропотной покорностью принимает население голодную смерть.

Никаких демонстраций, никаких протестов. Умирают «молча».

Городецкий считает, что внутренними силами Армении не подняться и призывает к «интернациональной» помощи, к «межгосударственной солидарности» для преодоления голода и эпидемий, – «иначе все радужное будущее Армении будет поколеблено и лишено фундамента.

Ведь в эти тяжелые дни несчастная страна теряет главное свое достоинство: свое население, свой народ.

Пусть потускнеют на время политические мечты и грандиозные планы.

Сейчас время будничной, тяжелой работы. Сейчас нужно спасти живых людей от неминуемой гибели.

И это дело должно быть всеобщим».

* * *

В 1918 – 1919 гг. в Карабахе развернулись судьбоносные события. Турки и азербайджанцы, чтобы овладеть краем, осуществляли насилие над мирным армянским населением: вырезали тысячи ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, сжигали и грабили деревни. Армянская общественность резко протестовала против этих кровавых событий. Городецкий владел объективной информацией о событиях в крае, о положении армянского народа в целом. И не случайно, что в те тревожные дни выступает в печати со статьей «Карабах»²⁷.

Содержание ее лишний раз свидетельствует о том, с какой глубиной русский деятель изучил историю и культуру армянско-

²⁷ Кавказское слово, 23. III. 1919.

го народа, что дало ему возможность раскрыть роль края для Армении, защитить национальные интересы армян и прийти к однозначному выводу – Карабах исконно армянская земля. С. Городецкий, в частности, писал: «Когда судьба преследует нацию, она (центры культурной и политической жизни. – А. З.) бывает оплотом национальной жизни, островом надежд, залогом возрождения.

Именно последнюю роль играла и играет для армянского народа горная область Карабах.

Сама природа придала ей огромное значение.

Там, в неприступных высях Карабаха, являющихся продолжением Карсских и Севанских нагорий, в течение двух тысяч с лишним лет армянский народ выдерживал натиск кочующих племен, сохраняя свою культуру, обороняя свое национальное лицо.

Будучи единым этнографически, хозяйственно и по языку, Карабах сделался цитаделью Армении, восточным ее флангом. Таким он был в прошлом, таков он сейчас, таким он будет и всегда».

Русский поэт дает точно уловленный портрет карабахца: «Широкий размах, беззаветная храбрость, склонность к риску, уверенность в себе, своеобразное упрямство, прямолинейная настойчивость, патриархальность в семейном быту – вот симпатичные черты карабахца, являющиеся как бы концентрацией старинных армянских доблестей, потускневших от жестокостей истории и в чистом виде сохранившихся в Карабахе. Высокий, крепкий народ, ушедший в горы для спасения жизни, окреп в горном воздухе и предохранил себя от заражений, постигающих жителей долин.

Национальная память Армении должна запомнить немало громких имен карабахцев. Нет области, в которой они не проявили бы своей предприимчивости и таланта. Политика, литература, общественная деятельность, торговля – все служило ареной их работы». Затем перечисляет некоторых выдающихся карабахцев, «имена которых всем известны». Из общественных деятелей

– Арам Паша (Манукян), Сако Саакян, из военных – генерал Лазарев, литературные деятели – Лео, издатель «Армянского вестника» в Москве – Амиров и мн. др. «Давший столько видных деятелей мужчин, Карабах создал, или вернее, сохранил в чистом виде, и тип древней армянской женщины, в психологии и быту которой уцелело многое из эпохи патриархата», – добавляет русский публицист.

Резюмируя свою мысль, Городецкий заключает: «Таково значение Карабаха для Армении. Несомненно, если б она его утратила, идея самоопределения наций потерпела бы сильное ущемление. И наоборот, обладая Карабахом, Армения получит богатый приток энергичной культурной силы, которая хлынув на разоренные пространства Армении, оплодотворит их культурой и тем самым завершит славную многовековую историю Карабаха.

Каждый народ ищет теперь свое. Все будущее возрожденных наций зависит от того, найдут ли они в самих себе достаточное количество, так сказать, дрожжей своей национальной культуры. При таких условиях все центры, где по тем или иным причинам сконцентрировалась культурная жизнь, приобретают исключительное значение. Таково же значение и Карабаха для Армении».

Статья является ценнейшим документом, ибо кроме констатации исторической правды, выявляет отношение передовых людей России в лице Городецкого к вопросу, имеющему жизненно важное значение для армянского народа. Глубокие и содержательные выводы о проблемах Карабаха своей объективностью и трезвым взглядом «человека со стороны» не потеряли актуальности и значимости до сих пор.

* * *

Среди множества публицистических работ Городецкого статья «Последний крик»²⁸ – одна из самых трогательных и волнующих душу, поэтому приводим ее более подробно: «В моей ду-

²⁸ Слово, 28. VIII. 1919.

ше жив один крик.

Навсегда, неразделимо.

В пытках ада, в блаженствах рая, в сиянии земли – всегда я могу его вспомнить – и все поблекнет: огонь, лазурь, цветы ...

Мы покидали Ван.

В третий раз.

Переполненные детьми фургоны готовы были тронуться в опасный и далекий путь на север ...

Из ворот больницы выносили последних, кого можно было поместить на переполненных фургонах.

В воротах стояла кучка осужденных остаться. Они тискались друг на друга, пробивались вперед, цеплялись за колеса. Выражение отчаяния и тоски было в их изнуренных лицах. Что их ждало? Медленная смерть, если враги их не заметят. Смерть мучительная, если у врагов будет время и охота насладиться их мучением.

В стороне стояла старуха.

В своих лохмотьях она была царственна. Яркость красок национального костюма была сильнее ветхости. Заплатанная и ободранная одежда хранила все свое экзотическое величие.

Босые загорелые коричневые ноги, сухие, голые до плеч темные руки с исхудавшими когтистыми пальцами. Седые волосы из-под истрепанного головного убора, и лицо, лицо – незабываемый лик долготерпения, страдания и надежды такой сильной, что сильнее его был только ее голос, который я вскоре услышал...

Морщинистый лоб, орлиный нос, изможденный рот, с тем странным выражением, которое бывает в последней стадии мучений и которое похоже на улыбку.

И глаза. Запавшие глубоко в орбиты, полуприкрытые тяжелыми сожженными солнцем веками, с редкими, длинноотросшими седыми ресницами, – и все же яркие, безумные, не сдающие-ся глаза.

Вот ее облик.

Она не цеплялась, не выбивалась вперед, как другие.

Она стояла поодаль, в каменном порыве. Она протягивала свои темные руки с заостренными локтями, куда-то вверх, и резко обозначенные кости ее шеи тоже тянулись куда-то в последнем напряжении.

Она не кричала, не двигалась, и оттого я ее заметил.

И не мог отвести от нее взгляда.

Что-то древнее, библейское, безысходное и роковое было в ее позе.

И все же, наперекор всему, неизъяснимая надежда двигала ее душу...

Фургоны тронулись, один, другой и третий, много.

Мертвый свет холодной луны освещал дорогу через пустой город, в ущелье зияющих развалин.

Все смолкло – говорил Рок.

И вдруг в этой лунной тишине раздался крик.

Это завывла старуха.

Протяжно, с медленностью, которую рождает безнадежность, с тоской, которая приходит перед смертью, с каким-то звуком, напоминающим имя мать, то приближаясь к визгу отчаянья, то замирая в kloкочущих басовых нотах ужаса и мольбы, она – не знаю, как это назвать – рыдала, плакала или выла, и этот сложный, огромный звук покрывал и лунную ночь, и разоренные жилища, и опасный путь.

Неотступно, как ангел горя, шел он за нами, покрывая своими острыми черными крыльями весь обоз, всех детей, всех живых.

И нельзя было отметить тот момент, когда он прекратился, а слух продолжал еще его слышать. Не было спасенья от него, он остался навсегда во мне, как во многих, кто его тогда слышал, последний крик отчаянья и тоски...».

Далее в статье описывается картина послевоенного обустройства Республики Армения, неисчислимые и часто неразрешимые проблемы, стоящие перед народом. Армения, «обласканная» речами великих держав, была обманута вновь: «Обращение

Армении к парламентам всех государств, – этот неизгладимый в совести всего мира документ – прозвучало так трагично, как давно не звучало человеческое слово. Ни одного упрека, ни одной жалобы, ни одной просьбы о помощи.

Неприкрываемая правда положения, которая не нуждается в пояснениях. Ясный до ужаса, широко открытый взор на близкое будущее. И полный гордого достоинства, трагизм. Вы слышали? Теперь вы знаете? Я умираю...

Доведен здесь до предела усиления звук голоса ванской старухи, очищен всенародностью, прокален разумом. И стал он громче радио, звучит на весь мир, ко всем народам. Кто услышит? Кто придет?

И раньше, чем придут отклики, мы знаем, что совесть наций содрогнется, – не та версальская, гибкая совесть, которая лучше умеет устраивать праздники побед, чем ежедневную будничную жизнь, а та неумолкающая, внутренняя совесть, которой только и живы народы».

Армянская мечта вновь погасла: «Теперь мы должны сознаться, что обмануты в наших надеждах».

«Нет для нас ни друга, ни союзника, ни помощи извне».

Это – анализ положения.

«Мы, объединившись, смело можем защищать себя, независимо от присутствия или отсутствия союзников».

«Воспрянем с новой энергией, возьмемся за оружие и вступим в кровавый бой последний раз».

Это – тактика дня.

«В этот момент мы можем надеяться и рассчитывать только на наши силы, – говорит А. Саакян (председатель Парламента Армении. – А. З.)».

Городецкий, однако, всей душой верит в возрождение армянского народа, что подтверждает также в этой статье, находя такие обнадеживающие сравнения: «Если б не было слышно этих последних призывных звуков, то трагический голос обреченной старухи покрыл бы все голоса Армении».

Но нет! Песнь последнего отчаяния таинственно переходит в песнь борьбы. На заре, когда проснулись дети в фургонах, звонкий хор их голосов заставил все-таки забыть голос старухи.

Так и теперь, призывный звук слышнее вопля отчаяния.

Это он раздается над свежими могилами новых жертв. Это он их отлетающие души провожает к небу.

И вслед за последним криком начинается молчаливая, немая, стиснув зубы, борьба.

Не потому последний этот крик, что за ним идет немота могил и развалин, а потому, что в нем кончается голос призывов к помощи, это бесполезное «помогите», этот долгий вопль.

И начинается иное, новое, тоже знакомое Армении, как и голос отчаянья.

В самые мрачные минуты, когда нация, казалось, гибнет в резне, все же в недрах ее шла жизнь, и собирались силы для отпора».

С. Городецкий на примере «народного героя» Андраника призывает к единению национальных сил, к борьбе за возрождение родины, во имя многовековой борьбы за христианскую культуру в Азии.

Примечательно и мудрое сравнение поэта, являющееся свидетельством твердой ориентации в отношении Советской России: «Если не быть сейчас русским, которым вскоре в еще более грандиозных размерах предстоит процесс возрождения, то сейчас естественно хотеть быть армянином, потому, что в истории давно не было и долго не будет такого контраста смерти и воскресения, гибели и счастья, отчаянья и восторга, который переживет каждый, который из трагического сегодняшнего армянского дня переступит в освободительный завтрашний». Такими мудрыми и оптимистическими словами поддерживает и воодушевляет армянский народ русский публицист.

* * *

Уже было сказано, что в 1919 г. в первых двух номерах издающегося в Тифлисе журнала «Орион» С. Городецкий напеча-

тал первые три главы романа «Алый смерч», а закончил его в 1927 г. Тема романа – события в Персии в феврале 1917 г., быт русской армии в момент ее разложения; затрагивается и Армянский вопрос. Осуждая политику великих держав, в частности, царской России с их идеей – «Армения без армян», Городецкий писал: « ... достаточно исправно проводилась в жизнь и наполовину уже осуществилась: провокация национальной резни между горцами-курдами и долинными землепашцами-армянами, внезапные фиктивные отступления, беженство и гибель многотысячных масс – уже основательно очистили Турецкую Армению от армян, покрыв трупами весь путь от русского Игдира, через Суванан и Бегри - Калу к Ванскому озеру ... Турецкая Армения была уже почти без армян...»²⁹.

* * *

С. Городецкий не только писал статьи, но и имел публичные выступления об Армении и Армянском вопросе. Так, по сообщениям печати, в середине июля 1919 г. русский поэт должен был выступить в Батуми с лекцией об Армянском вопросе. Армянский клуб планировал организовать этот доклад и в Трапезунде³⁰.

Долгое время нам не удавалось найти какие-либо отклики на это выступление С. Городецкого в Батуми, мы не знали, состоялось ли оно, какие вопросы были в нем подняты, что подчеркивалось и каков был вывод русского поэта относительно решения Армянского вопроса. И вот недавно нам удалось найти заметку собственного корреспондента (подписано – О. М.) издающейся в Тифлисе газеты «Нор апхатавор» («Новый труженик») под заголовком «Лекция Сергея Городецкого об Армянском вопросе» с пометкой «Батум, 15 июля». Тема лекции представляет исключительный интерес, поэтому остановимся на ней подробнее.

«В зале общественного собрания, – читаем в публикации, –

²⁹ С. Городецкий. *Алый смерч*. М. – Л., 1929, с. 8.

³⁰ Кавказское слово, 8. VII. 1919.

вчера, 14 июня (июля. – А. З.) русский поэт и искусствовед Сергей Городецкий прочитал лекцию об «Армянском вопросе» по следующей программе.

1. Способен ли армянский народ к самостоятельному существованию?

2. Необходимость объединения двух частей Армении – Русской и Турецкой – для создания единого государства.

3. Возможно ли мирное сосуществование армянского народа с мусульманским миром?

4. Сельское хозяйство, торговля и промышленность. Народное искусство и литературное искусство.

5. Культурная связь с Россией.

6. Польза и вред от покровительства европейских государств.

7. Работы правительства Республики Армения.

8. Заботы о физическом существовании и освобождении нации. Беженский вопрос.

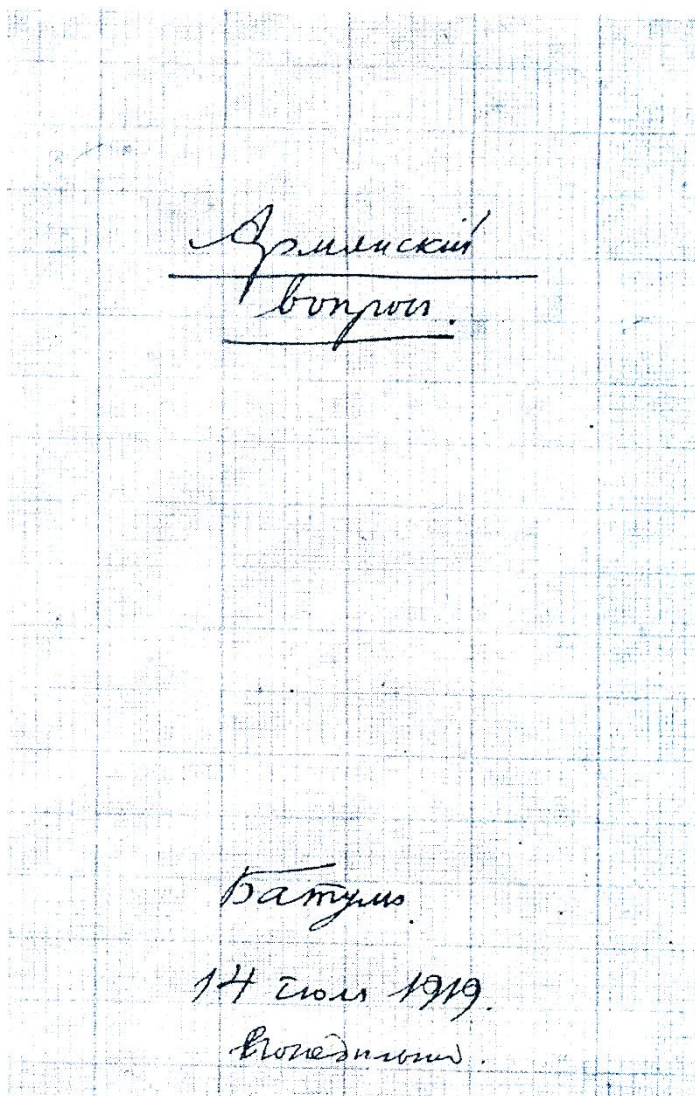
9. Школа. Лекция (должно быть – воспитание. – А. З.) детей. Национализация и ее крайности.

10. Выводы.

Г-н лектор прежде всего отметил, что Армянский вопрос – вопрос совести. А история всегда была несправедлива. Говоря о возрождении наций и культурной творческой работе российских и турецких армян, как в прошлом, так и в настоящем, сделал вывод, что, да, армяне, как культурная нация, могут самостоятельно существовать и, объединив две части, создать независимое государство»³¹.

Далее корреспондент газеты отмечает: «Переходя к другой поставленной им проблеме – возможно ли мирное сосуществование армянского народа (с мусульманским миром. – А. З.), приведя несколько фактов, выяснил, что если будут нейтрализованы провокации Константинополя и Берлина, как внешнее явление, возможна мирная жизнь между двумя трудовыми народами.

³¹ Нор апхатавор (Новый труженик, Тифлис), 22. VII. 1919 (на арм. яз.).

Титульный лист лекции «Армянский вопрос»

Армянский вопрос.

Способна ли армянская нация
к самостоятельному суще-
ствованию?

Неравенство наций: раса.
Несправедливость истории.
Борьба за существование. По-
решение проблемы.
Критерии для оправдания
жизнеспособности нации:

тщательство культуры: язык
тщательство истории и быта

Тщательство культуры Армении
богатейшее и прочное:

архивизма

или

Эпиграфика

средневековые памятники

народные песни.

Языки: Давидов

В современности: (Мушкетер.
Вардгесян.

По сельскому хозяйству, торговле и промышленности заметил: то, что ныне делает Ереван – по проекту орошения бесплодных земель Шарура (исконно армянская территория, ныне Шарурский район в Нахиджеванской Автономной Республике. – А. З.), за что армянское правительство достойно похвалы, – самый большой залог тех крупных культурных данных, что имеет правительство. Говоря об армянском народном фольклоре и прекрасной литературе и, прочитав образцы поэзии Д. Варужана и Ов. Туманяна, заметил, что подобные стихотворения – свидетельство гениальности и отнес Варужана к кругу Метерлинка. ...

Ереванское правительство проявляет большой энтузиазм и большую инициативу. Его нынешний премьер Ал. Хатисян – человек больших способностей и дипломат. Многотысячное беженство доставляет много забот. Школа и дело воспитания детей последовательно ведется в желательном направлении. Национализацию считает необходимой, она должна быть естественной, однако на этой почве *он заметил* несколько *недочетов*, явление, которое думает легко исправимо.

Обобщая сказанное, положительным мнением завершил свою лекцию.

Публики было много»³².

Скромная газетная информация подсказывает, что С. Городецкий отлично владел темой своей лекции, о чем в первую очередь свидетельствует программа лекции и что на этот раз он тоже затрагивал жизненно важные для армянского народа проблемы, связанные с Армянским вопросом, внешним и внутренним положением страны. И это вполне объяснимо, ибо жизнь русского деятеля начиная с весны 1916 г. теснейшим образом была связана с Арменией, с чаяниями и надеждами ее народа.

³² Там же.

* * *

С. Городецкий, таким образом, предстает перед нами как совесть русского народа. Совесть, с которой публицист никогда не вступал в сделку, и это в то время, когда в полную силу политизировалось все и в первую очередь морально-нравственные ценности.

ГЛАВА V

В ГОРНИЛЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

В Тифлисе С. Городецкий своими широкими познаниями и тонким вкусом начинает способствовать развитию литературной и культурной жизни края.

Впечатления от западноармянской и закавказской действительности не только нашли отражение в творчестве С. Городецкого, но и сказались на его мировоззрении, претерпевшем определенные изменения. Они отразились и на его литературоведческих взглядах, анализе ряда литературных течений и группировок. Подробнее остановимся на этом аспекте, рассматривая опубликованные статьи русского поэта.

В те годы в Тифлис стекались представители самых различных литературных и художественных течений. Здесь они находили свою аудиторию и благожелательный прием, гостеприимство местной публики и ценителей поэзии, искусства¹.

Выступления трех футуристов – Д. Бурлюка, В. Маяковского, В. Каменского – весной 1914 г., затем И. Северянина в 1917 г. в Тифлисе вызвали среди широких литературных кругов армянской и грузинской молодежи большой интерес к этому течению. В частности, после футуристических теоретизирований и шумных выступлений армянского поэта Кара-Дарвиша своими манифестами в 1916 – 1917 гг. заявку на принадлежность к футуризму делают члены грузинской группировки поэтов «Голубые роги». В этом же духе была написана и книжка «Только женщины».

¹ Об этом подробно см.: *А. Закарян. Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914 – 1920); Т. Никольская. «Фантастический город». ...*

на» Г. Абова, вышедшая в начале 1919 г., к нему вскоре примыкает Е. Чаренц, прошедший школу символизма. В дальнейшем стойким в своей приверженности к футуризму оказывается В. Катанян, в 20-е годы ставший активным участником ЛЕФ-а. В последующие годы, как уже было сказано, он находит признание как исследователь творчества В. Маяковского.

В закавказской действительности в развитии поэтических течений «смена», несомненно, принадлежала футуристам, и, примечательно, что основанию тифлисского «Цеха поэтов» С. Городецким предшествует его выступление в печати против футуризма. В эти годы в Тифлисе действовали разные группы футуристов. Городецкий в статье «Футуризм в поэзии»² камня на камне не оставляет от унаследованного футуристами «заума». Рассматривая теорию поэзии футуристов, Городецкий отмечает, что унаследованный символистами от Верлена принцип музыкальности, согласно которому «звуковое тело стихотворения имеет не меньшее значение, чем его смысл», – футуристы вульгаризируют до предела. Он находит, что если символисты в угоду музыкальности иногда заглушали смысловое значение стиха, то «футуризм прямо объявил, что смысл и разум в поэзии есть вещь второстепенная, а первое дело это звуковая игра»; что смешением звуков – рычаньем, оханьем, свистами, кашлем и икотами... – можно передать любой смысл, любую мысль. Городецкий считает, что в таком подходе есть толика правды: создавая определенные звуковые ряды, можно передать, возможно, и красивые музыкальные чувства. Но он добавляет, что этой теорией отрицается человеческий язык, созданный цивилизацией в течение тысячелетий, требуется возврат «к доисторическим временам, поближе к обезьяне». Всю поэзию, говорит Городецкий, «все ее необъятные горизонты» невозможно замкнуть в кольцо «заума».

Закрыв таким образом вопрос с теорией футуризма, он переходит к развенчанию футуризма как «поэтического умонастроения». В зените славы был И. Северянин, завоевавший большую

² Кавказское слово, 20. I. 1918.

популярность и в Тифлисе³. Молодежь находилась под впечатлением от его лирики, посвященной воспетой им «живой женщине», и автор статьи открыто критикует его, иногда позволяя себе и резкие выражения. Считая основой этих «умонастроений» примат «грезы» над жизнью, Городецкий квалифицирует такой подход как выражение антиреализма, истоки которого доходят до Фофанова. «Истинный поэт, – пишет он, – никогда не отвергнет ни одного куска жизни».

С этих позиций он критикует футуризм, который, по его мнению, «обожествил пошлость». Типичным выражением этого Городецкий считает творчество Северянина, усматривая в его таланте «налет мещанства, безвкусицы, мишуры, сусального золота, дешевой роскоши», что и увлекает мещанскую молодежь. Очень метко замечание Городецкого о том, что «стихи И. Северянина ответили непритязательной мечтательности нашего общества». Одновременно он утверждает, что об этом нельзя говорить «как о деле маленьком». Вместо слащавых мечтаний и вульгарностей должна быть общественная заинтересованность, должны укореняться настроения «сурового творчества и аскетической красоты» в кругах молодежи.

Это было требованием эпохи революционных преобразований, что последовательно отстаивал Городецкий, имея в виду также «поэтическую молодежь», которая «блуждает, как в лесу, инстинктивно цепляясь за последнюю моду»⁴.

Не проходит и месяца, как Городецкий выступает с другой статьей – «Французские влияния в новой русской поэзии. Бодлер, Верлен, Верхарн»⁵. Здесь уже затрагиваются вопросы, кото-

³ И. Северянин побывал в Тифлисе с лекциями и выступлениями осенью 1913 г. и в конце января 1917 г. [см: А. Закарян. Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914 – 1920), с. 10 – 20].

⁴ Об отношении С. Городецкого к футуризму см. также: Т. Никольская. «Фантастический город». ..., с. 139 – 142.

⁵ Кавказское слово, 16. II. 1918.

рые возникают в литературной критике в связи с символизмом: во-первых, насколько самостоятельна поэзия русского символизма и, второе, какую почву под ногами имеют символисты России.

По сути статья изложена именно с точки зрения выявления русских истоков этого течения. Автор считает бесспорным наличие связей русского символизма с французским, но вместе с тем его интересует, не было ли в России определенных традиций в этом направлении.

По утверждению Городецкого, на этот вопрос, правда, не сразу, но критика уже ответила, выявив связи с традициями Пушкина, Тютчева, Вл. Соловьева и русской философией, в частности, в творчестве Достоевского. На этом завершив разговор о самобытности русского символизма, он переходит к рассмотрению влияния французской литературы, касаясь творчества Бодлера, Верлена и Верхарна.

Говоря о Бодлере, о его сборнике «Цветы зла», который за короткий промежуток времени пять раз переводился в России и многие строки которого заполнили книги первых символистов (под большим влиянием Бодлера был Бальмонт), Городецкий все же находит, что Бодлер не оказал особого воздействия на русских символистов. Французский поэт повлиял лишь на некоторые черты мировоззренческого характера, которые до него уже рельефно выступили в творчестве Достоевского – любовь и сочувствие к падшему, обездоленному, содевавшему зло, отвергнутому и униженному, равенство добра и зла, дурного и хорошего перед богом. Из сказанного логически вытекает, что если бы русские сами себя лучше знали и, в частности, хорошо знали бы Достоевского, то «приняли бы Бодлера, как своего, но без такой степени восторга». Он находит, что отношение к этому поэту в основном носило психологический характер, и «русские ученики» (упоминаются Вяч. Иванов, Брюсов, Бальмонт) черпали очень малое из его искусства. Окончательный вывод: «Бодлер плодотворного влияния на нее (на новую русскую поэзию. – А.

3.) не оказал».

Совершенно противоположную оценку получают связи с Верленом. Городецкий воздает настоящую хвалу Верлену, музыкальности его поэзии. «Нельзя установить, – пишет он, – откуда эта «пленительная сладость», как Пушкин определял «музыку» Жуковского, что звучит – слова ли, поющие, как арфа, или образы, пролетающие, как видения счастливого сна, рифмы, нежные, как хрусталь, или картины, созвучные порывам сердца.

Этот чудесный синтез образа и звука в ажурной оправе ритма был отличительной чертой поэзии Верлена, и это – то, что сделало его для России родным». Стало родным, потому что музыкальность была одной из самых отличительных черт русской лирики, начиная с народных песен и через Державина, Пушкина, Никитина, переходя к Сологубу и Блоку. Городецкий вновь и вновь утверждает, что только о Верлене можно сказать, «что он оказал большое и доброе влияние на современную русскую поэзию, подкрепив своим европейским авторитетом древние пути русской лирики».

Следующий крупный поэт, повлиявший на новую русскую поэзию – Эмиль Верхарн. «Гениальностью, – пишет С. Городецкий, – он не уступает первым двум, но России он остался не более близким, чем Бодлер». В отличие от Брюсова, Городецкий, как бы споря с ним, считает, что Верхарн также не был родственен с русской поэзией как по форме своих произведений – свободным стихом, «тяжелыми» метафорами, грузными образами, так и по содержанию. По мнению С. Городецкого, «... поэмы его рисуют те социальные конфликты, которые по крайней мере, в те годы, когда слагалась символическая школа, – не имели еще ярко обозначенного развития в России». Вместе с тем, автор статьи отмечает: «Тем не менее Верхарн оставил след в русском символизме, главным образом, в поэзии Брюсова, его ретивого переводчика и пропагандиста. Но и этот след должен быть определен не как плодотворное влияние, а как сознательное подражание. ... Несколько более органично, чем Брюсов, пере-

жили Верхарна Блок и Волошин, особенно первый. Опыты (первые) в поэме у Блока отмечены серьезным влиянием Верхарна, но на существо поэзии этого замечательного лирика наших дней все же Верхарн повлиял мало».

После этого разбора, полного тонких и проницательных наблюдений, Городецкий делает справедливый вывод о самобытности новой русской поэзии, которая получает мощные импульсы развития в первую очередь от родной земли и собственных традиций.

Интересно, что в послесловии статьи С. Городецкий счел нужным упомянуть также и о парнасизме, связывая его с основанным в Петербурге им и Гумилевым «Цехом поэтов». Он пишет, что парнасизм в России свил «себе гнездо в цехе поэтов, где наряду с устремлением к недрам русского языка (Зенкевич, Нарбут), появилось течение, выдвигавшее, как образец, поэта Теофиля Готье (Гумилев, Мандельштам)». Признавая, что это течение нашло некоторое распространение в России после перевода Гумилевым сборника лирических песен Готье «Эмали и камеи», Городецкий добавляет, что последователи этого течения «противопоставляли верленовской музыке требование внешней скованности стиха, лиризм они заменяли продуманностью, искренность – искусственностью, от образа они требовали не музыкальной эмоции, а пластической неподвижности». Иначе говоря, то, что видим в скульптуре, при этом эти требования автор статьи, со своеобразной мотивировкой, считает полезным противодействием той излишней музыкальности, эмоциональной слащавости, которыми эпигоны Верлена и Блока, как, например, молодые члены тифлисского кружка «Альфа лиры», пытаются прикрыть поэтические недостатки. Отводя лишь так называемую «педагогическую» роль этому течению, к которому примыкал в свое время он сам, Городецкий вместе с тем подчеркивает, что ему не надо придавать особого значения, так как «никогда русская муза не отдаст за холод формы горячность чувства», т. е. не станет последовательницей парнасизма.

Эти строки фактически означали, что создаваемый в Тифлисе «Цех поэтов» не последует принципам петербургского «Цеха». И по ходу обсуждаемых статей видно, что Городецкий в это время стоял на позициях Блока, по его определению, «музыкального» направления русской поэзии, конечно, без чрезмерной «музыкальности».

Последним великим поэтом русской земли для Городецкого оставался Александр Блок, и, как бы чуть отступая от прошлых увлечений, он в обсуждаемой статье и в статье, посвященной «Двенадцати», высоко оценивает творчество Блока, отчетливо примыкает к его творчеству. Вместо того или иного течения высшим критерием для него становится величие и талант писателя, поэта.

В этом смысле представляют интерес также два его наблюдения. По мнению Городецкого, из определений школы символистов — декадентское, модернистское, символическое — более точным является последнее, которое определяется как «основной метод этой школы». К сожалению, он не объясняет, что следует понимать под символическим методом: определенные Блоком слова-символы или что-то другое. Отстаиваемая Городецким точка зрения в какой-то мере совпадает с подходом Ованеса Туманяна к этому вопросу, который, как известно, усматривал связь между символизмом и широко используемыми в сказках символами.

Несомненно, Городецкий подолгу беседовал с Туманяном о символизме. Отметим, что армянский поэт также очень высоко ценил музыкальность, и его поэзия, в частности, поэма «Ануп» является подтверждением его высокого мастерства в этой области. И именно за музыкальность он высоко ценил поэзию В. Терьяна, говоря: «Хотя образы слабы и малочисленны, но язык — чистый и звучный как серебряный колокольчик»⁶. Из-

⁶ *Ав. Исаакян. Собр. соч. в 6-и т., т. 5. Ереван, 1977, с. 118 (на арм. яз.).*

вестно также, что при обработке «Азаран блбул» Туманян высказал мнение, что предметом сказки является искусство, особенно музыка и поэзия⁷.

Городецкий придает значение музыкальности, привносимой символистами, и в другом, исторически обусловленном, аспекте. Он находит, что поэты объединились вокруг принципа Верлена – «прежде всего музыкальность» – с целью в поэзии «свернуть шею» риторике, красноречию, краснобайству...

Имея исторически объективный подход к поэзии прошлого, надо сказать, что Городецкий еще не ощущал необходимости новой поэзии революционного времени, во весь голос говорящей со всеми, риторической, рассчитанной на широкую аудиторию. Рядом с «заумом», в атмосфере футуризма поднималась ораторская, полноголосая поэзия Маяковского, в пролетарской поэзии выпустили ростки риторический слог и стиль, и это тоже было исторически обусловлено, продиктовано требованием вышедших на борьбу рабочих масс. В 1919 г. в лице Василия Каменского, Городецкий, кажется, оценивает звучное риторическое слово, которого раньше не замечал, когда сталкивался с такими явлениями.

Подобным поводом стали опубликованные в 1916 и 1917 гг. альманахи «Голубых рогов» грузинских поэтов, где были помещены два манифеста – Паоло Яшвили и Тициана Табидзе. Городецкий считал необходимым посвятить манифестам отдельную статью – «Голубые роги (грузинские символисты)»⁸. Хотя грузинские поэты и не скрывали своей приверженности футуристам, хотя Г. Робакидзе чрезвычайно метко охарактеризовал манифесты как «футуристические по темпераменту и символические по содержанию», Городецкий, тем не менее, всячески пытается «высвободить» их от футуризма: «Шестнадцатый год

⁷ Ов. Туманян. Полн. собр. соч. в 10-и т., т. 9. Ереван, 1997, с. 238 (на арм. яз.).

⁸ Кавказское слово, 7. IX. 1918.

еще был полон футуристического шума», и поэтому молодые грузинские поэты «несколько подпали стилю футуристов», подчеркивая «свой разрыв с прошлым». В подтверждение своей мысли Городецкий приводит примеры. Так, Паоло Яшвили прежних поэтов называл «кастратами» и объявил, что они бросают в море забвений венцы прошлого. Тициан Табидзе утверждал, что до «Голубых рогов» грузинские поэты «настоящую поэзию подменили публицистикой». Но это, согласно Табидзе, касалось поэтов определенного времени, ибо «Голубые роги» считали себя наследниками поэта XVIII века Бесики, Важы Пшавелы и, «конечно, Шота Руставели».

Начиная с этого пункта, теорию и, главное, творчество этой группы Городецкий соответственными обоснованиями считает символистскими. На одну половину, они наследники грузинской поэзии, на другую – связаны с символизмом. «Голубые роги – символисты, – пишет он. – Символизм рожден во Франции и перерожден в России.

Голубые роги глубоко и искренне пережили символизм в обеих его стадиях. Они влили в него новую кровь и поставили перед ним задачу, бессознательно намеченную Бальмонтом. «Грузинская поэзия, – говорит Тициан Табидзе, – должна синтезировать восток и запад и найти себя». Мы бы сказали: и в этом синтезе найти себя. И мы бы далее сказали, что грузинская поэзия уже находит себя – в лице Голубых рогов».

Прав был Городецкий и в том, что «Голубые роги» глубоко и органично, «плотью и кровью» прониклись искусством Бодлера, Верлена, Верхарна и особенно Рембо. Рембо был, в частности, кумиром для Яшвили, что утверждают грузинские литературоведы⁹.

Что и говорить, этот вывод был справедлив как в отношении новой грузинской, так и армянской поэзии. Символизм, с широким охватом с французской и русской разновидностями глубоко пережили В. Терьян и ранний Чаренц, но и Чаренц, и П.

⁹ Г. Робакидзе. Грузинский модернизм. – Ars, 1918, № 1, с. 47.

Яшвили, и Т. Табидзе в поэзии уже завоевывали новые рубежи.

Интересна мысль Городецкого и о том, что символизм воспринят грузинскими поэтами «в самых последних, рафинированных его проявлениях, в той его смутной еще и уже драгоценной стадии, которая в России названа мифотворчеством». Но после посещения Закавказья в 1914 г. тремя русскими футуристами – Маяковского, Бурлюка и Каменского, в результате новых исторических обстоятельств и веяний, молодые грузинские поэты уже «пережили» тенденции новой поэтической школы футуристов. Вобрав в себя многое из поэтики символизма, их искусство уже приобретает новые черты – тяготение к многолюдным аудиториям, залам, площадям, улицам, желание общения с демократическими слоями города, с рабочими, ремесленным людом, живым, непосредственным словом пленять их сердца. И характерно, что Городецкий все – таки считает необходимым подчеркнуть эту особенность: «Вообще надо сказать, что Голубые роги мастера ритмики и звука. Все они великолепно читают, все они верны «новому стиху», который, по слову Паоло, «гордится жизнью каждого слова».

То же самое наблюдаем в армянской действительности. Вскоре после первых попыток Кара-Дарвиша и Абова, к футуризму примыкает и Чаренц, прошедший через горнило символизма.

Из трех обсуждаемых статей видно, что предпочтение Городецкий все же отдает символизму. Но известно, что в предисловии к сборнику «Цветущий посох», вышедшему в 1914 г., он уже «отрекся» от символизма: «Здесь отразился пережитый мною и многими в наши дни кризис мировоззрения, а именно символизма. Символизм не оказался мировоззрением достаточно прочным, широким и демократическим»¹⁰.

На вечерах, дискуссиях, лекциях «Цеха поэтов» по самым разным темам и поводам поэтессе Рипсима Погосян довелось часто слушать Городецкого, которого она называла «своим учи-

¹⁰ Р. Погосян Старейший мастер «Цеха поэтов», с. 65.

телем». Спустя десятилетия, делясь своими впечатлениями, она писала: «Отрешение от символизма и переход к акмеизму были продиктованы Городецкому стремлением перейти от иррациональных, туманных тем *к живой действительности* (подчеркнуто нами. – А. З.). Акмеизм видел призвание поэта в творческом отношении к миру, а отсюда, как проповедовал акмеизм, «простота и честность в отношении между вещью и словом ...»¹¹.

Как видим, период пребывания Городецкого в Закавказье поистине характеризуется укреплением связей с «живой действительностью», что было обусловлено тяжелыми испытаниями, выпавшими на его долю в Западной Армении, этому способствовала и духовная близость с Ов. Туманяном.

В творческой эволюции Городецкого большую роль сыграл и Блок. Они вместе учились на историко-филологическом факультете Петербургского университета, и Блок для Городецкого всегда был первооткрывателем новых путей в поэзии. Почитание Блока еще более усиливается после «Скифов» и «Двенадцати», в которых отразились революционные события, реальные отношения и настроения.

Всем этим и объясняется подлинный интерес С. Городецкого ко всем литературным течениям, существовавшим в то время и объединявшим национальные интеллектуальные силы в Тифлисе.

Многие армянские, грузинские, русские поэты, жившие в те годы в Тифлисе, высоко ценили С. Городецкого и считали его не только своим наставником в поэтическом ремесле, но и равнялись на него, на его человеческие и душевные качества...

2. С. ГОРОДЕЦКИЙ И ОВ. ТУМАНЯН

Незабываемые впечатления от Западной Армении, тесное общение с народом все более сближают Городецкого с армянской культурой и интеллигенцией. Обосновавшись в Тифлисе, он столь же искренне и сердечно относился к грузинской культуре.

¹¹ Там же.

С обоими народами русский поэт был связан глубокими чувствами и видел между ними много схожего. В статьях более общего характера, в своих теоретических выводах он опирался на закономерности развития как армянской, так и грузинской литературы и искусства. Очарованный красотой края, Городецкий находил, что Кавказ был призван создавать большое искусство, подобно тем монументальным памятникам (как «всеевропейское сокровище» Звартноц, или как грузинские фрески), которыми с древнейших времен с завидным соперничеством украсили свою величавую родину армяне и грузины¹². Наряду с архитектурой он высоко ценил армянскую и грузинскую лирику, которая, по его мнению, испытав влияние персидской поэзии – «золотой колыбели лирики», не уступала ей. Характерно, что сразу же после того, как поселился в Тифлисе, он посвятил специальную рецензию переводу на русский язык «Витязя» Ш. Руставели, сделанному Бальмонтом, высоко оценив философскую, гуманистическую сущность поэмы¹³.

Уже через короткое время в статьях Городецкого об армянской и грузинской литературе и искусстве, об искусстве Востока проявляются его разносторонние знания, тонкость и глубина наблюдений. Безусловно, этому во многом способствовало каждодневное общение с армянской и грузинской интеллигенцией и прежде всего – с Туманяном.

После первых встреч с великим армянским поэтом, как было сказано, Городецкий уезжает в Западную Армению и там благодаря сыну Туманяна – Артавазду – знакомится и увлекается творчеством поэта. Занимаясь с Городецким делом собирания сирот, Артавазд в свободные часы читал вслух русскому поэту произведения своего отца и пересказывал на русском языке их содержание. По возвращении из Западной Армении, обосновавшись в Тифлисе, он начинает работать над переводами произведений Туманяна, переводит «Концерт», «Странники», «Проклятая не-

¹² Кавказское слово, 7.VII. 1917.

¹³ Кавказское слово, 14.VII. 1917.

вестка», «Поэтам Грузии», «Парвана», затем четверостишия, которые Туманян часто читал и переводил для него. «Не могу не упомянуть, – вспоминает С. Городецкий, – что именно он научил меня понимать диалектику «рабаи» – самой народной на Востоке формы, – требующей абсолютного слияния мысли с формой и противоречивого расположения мыслей в четырех строках. И я впервые на русском языке написал цикл стихов в форме «рабаи», учась ей на переводах рабаи моего учителя (Туманяна. – А. З.)»¹⁴.

С глубокой почтительностью и искренностью Городецкий всегда свидетельствовал, что «На мое творчество Ованес Туманян «повлиял» во всю меру нашей личной с ним дружбы»¹⁵. А в проникновенном стихотворении «Беседа с Ованесом Туманяном», написанном в 1947 г., он признается:

*... В этом городе слез и утех
Над Курою зелено-седою,
Мне милей и дороже был всех
Этот старец с душой молодою (с. 18).*

Живя в Тифлисе, Городецкий ежедневно встречается с Туманяном, с окружавшей его интеллигенцией. Число именитых деятелей армянской литературы, театра, живописи, музыки, арменоведения, печати, с которыми общался Городецкий, доходит до десятков. Это – А. Ширванзаде, Л. Шант, В. Суренянц, М. Сарьян, Е. Татевосян, Ов. Абемян, М. Зарифян, М. Абемян, Н. Агбалян, А. Тигранян, Д. Демирчян, О. Севумян, М. Геворкян и мн. др. В большинстве своем это были представители интеллигенции,

¹⁴ Дружба ..., с. 99 – 100.

¹⁵ Там же, с. 99. О взаимоотношениях и творческих связях Ов. Туманяна и С. Городецкого см. также: О. Ганалаян. Указ. раб., с. 63–77; И. Сафразбекян. Ов.Туманян и С. Городецкий (по следам неопубликованных писем). – Литературная Армения, 1970, № 7, с. 83–87; Ю. Дароян. Указ. раб., с. 85–94.

получившие высшее образование в Европе и России. Все они с теплотой относились к Городецкому. Так же тепло к нему относились и представители грузинской интеллигенции, многие из которых – Г. Робакидзе, Т. Табидзе, И. Накашидзе и другие – находились в тесных дружеских отношениях и с Туманяном. Каждодневные встречи, беседы вокруг самых разнообразных тем, споры и дискуссии в домашнем кругу, в клубах, во время вечеров, спектаклей, прогулок по живописным уголкам города во многом содействовали взаимопознанию и укреплению связей культур русского и закавказских народов, их дружбы.

Большой любитель и знаток русской литературы Ов. Туманян со многими ее представителями был связан святыми чувствами: Пушкин и Лермонтов для него были «сынами Кавказа», Толстой – титаном человечества, Тургенев и Гоголь были первыми писателями, которых он читал с трепетом юношеской души, Белинский оказал большое воздействие на формирование его художественных взглядов. Туманян вспоминает, что в четырнадцатилетнем возрасте он и его товарищи восприняли смерть Тургенева как «большое несчастье», «в связи со смертью Тургенева, два дня мы бегали ... то к одному, то к другому», – писал он. В эти дни Туманян читает «Записки охотника», поглощается картинами русской природы, сельской жизни¹⁶. В тот же период, прочтя «Тараса Бульбу», увлекается Гоголем, в зрелом возрасте особенно высоко ценит «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Мертвые души».

В течение десятилетий армянскими литературоведами было написано множество статей и монографий на тему Туманян и русская литература. Здесь надо отметить, что в 1917 – 1921 гг. Городецкий в Закавказье был душой всех начинаний, связанных с русской литературой и искусством. Вместе с Туманяном, представителями армянской и грузинской интеллигенции он

¹⁶ Н. Туманян. Ованес Туманян и русская литература. Ереван, 1956, с. 22–23 (на арм. яз.).

часто устраивал вечера, некоторые из них организовал Русский национальный совет Тифлиса (например, лекции, посвященные Н. Некрасову и Н. Клюеву). Из записки, адресованной Городецким Туманяну, мы узнаем о тургеневских празднествах в мае 1918 г.: «Дорогой Ованес Фаддеевич!

Очень просим Вас быть завтра в зале Артистического Об-ва, в 12 ч. дня – на торжественном заседании Руссовета в память Тургенева и, если будет Ваша милость, сказать несколько слов. Но это не обязательно – одно Ваше присутствие увеличит наш праздник» (с. 182).

Как уже было сказано, преданность С. Городецкого и Ов. Туманяна была взаимной, овященная историческими испытаниями русского и армянского народов, составила заряд и стержень публицистики двух поэтов. В этой связи очень примечательны открытые письма Туманяна и Городецкого друг другу, написанные в январе 1918 г. Мы уже говорили, какой широкий резонанс в печати, в обществе имели письма двух видных деятелей. Здесь же констатируем: письмо Туманяна настолько тронуло и запало в память Городецкого, что спустя десятилетия в стихотворении «Беседа с Ованесом Туманяном» он так вспоминает об этом:

*Встал поэт. Из замученных глаз
Проблеснули зарницы тугие.
Он спросил: «Неужели Кавказ
Покидает навеки Россия?»*

Ованес Туманян и Сергей Городецкий (Тифлис, 1916 г.)

*Ведь она лишь одна помогла
Нам далекие черные годы
И от шахского рабства спасла
Закавказские наши народы.*

*Правда в сердце российском живет –
Это знают века и народы.
Неужели же русский народ
Позабудет нас в трудные годы?» (с. 18).*

И Городецкий от имени русского народа отвечал «мудрецу»:

*«Буря мчится над нами теперь,
Вольно сердце московское бьется,
И в Россию открывая дверь
Пред Кавказом вовек не замкнется».*

*Вспыхнул взором седой Туманян.
И душа распахнулась поэта,
О свободе, о дружбе всех стран
Убежденной мечтою согрета (с. 19).*

... Символично, что именно в эти дни обобщается и выходит в свет книжка Городецкого «Ангел Армении», которую он дарит Туманяну с такой надписью: «Вам, светлый друг, я посвятил эту книгу не только потому, что я до корня сердца очарован вашей личностью, но и потому, что ваше имя – это идея, прекрасная идея армянского воскресения в дружбе с моей родиной» (с. 80–81).

Трогательна и дарственная надпись на форзаце:

*«Из горнила бедствий
Армении вынес я
Надежду на ее воскресение.*

*Благословен день, когда
Оно свершится.*

*Ованесу Туманяну
Сергей Городецкий 1918. III. 6»¹⁷.*

А на экземпляре Нвард Туманян читаем:

«Одной из дочерей прекрасной страны, о которой здесь поется, да будут в надежду эти песни.

*Нвард Туманян
Сергей Городецкий <1>918. III. 6»¹⁸.*

Портрет Городецкого
с женой Нимфой
(С. Судейкин, 1920 г.)

написанное Ов. Туманяном 29 января 1918 г. на обложке рус-

Интересно также, что поэты очень часто посещали друг друга. «Пожалуйста, приходите к нам сегодня хоть ненадолго, – пишет С. Городецкий 25 марта 1918 г. Ов. Туманяну. – Соскучились, не видя давно. Я перевел Ваши воздушные строфы, посвященные Нимфе (жена С. Городецкого. – А. З.).

Перед отъездом Вашим непременно хочу обнять Вас.

Целую Ваше сердце»¹⁹.

Вот стихотворение – «Надпись на книге (стих.) Нимфе Городецкой» –

¹⁷Личная библиотека Ованеса Туманяна в Ереване. Библиографическое описание, кн. 2. Книги на русском языке, ч. 1, А – М. Ереван, 1989, с. 215.

¹⁸Там же, с. 216.

¹⁹МЛИ, ф. Ов. Туманяна, № 297. Письмо опубликовано на с. 182 книги «С. Городецкий. Об Армении и армянской культуре», без указания адресата и даты.

ского издания поэмы «Парвана» и опубликованное в ежемесячнике «Ars»:

*С дальних северных сторон,
Где бушует выюги стон,
Вы примчались, Нимфа, к нам,
В наш беспечный, светлый рай,
В наш могучий, тихий край
К нашим солнечным лучам.*

*И у нас теперь, – увь! –
Не найдете солнце вы,
Ни весны, ни тишины,
Ни такого уголка,
Где б вам жизнь была легка,
Дни уютны и ясны.*

*Но других стихий разгул
Здесь вас встретил. Обманул
Вас приветливый наш юг:
В час недобрый, грозовой
Тучи черные толпой
Собираются вокруг.*

*Есть один лишь уголок,
Яркий, светлый, как восток –
В наших он сердцах. И там
Вы могли бы отдохнуть:
Ведь извилистый к ним путь
Хорошо известен вам.*

*Сердце – лучший наш дворец.
Наших солнечных сердец
Будьте гостьей дорогой!
Ведь на всем пути земном
Мы для женщин не найдем
Лучше участи такой²⁰.*

... Как было сказано, в феврале – марте 1919 г., более месяца в армянской литературной жизни происходит достопамятное событие: с большим блеском отмечается 50-летие Ов. Туманяна. Вся общественность Тифлиса – армяне, грузины, русские – широко, с воодушевлением и любовью празднует юбилей великого гражданина города. Весьма активно содействует проведению юбилея и С. Городецкий.

²⁰Ars, 1918, № 1, с. 28.

Юбилейные торжества начинаются 20 февраля. В этот день, ранним утром, на Вознесенскую улицу, к квартире Туманяна направляются деятели литературы и искусства, учителя, учащиеся. Как уже отмечалось, в их числе были С. Городецкий и делегация «Цеха поэтов» (Ал. Кулебякин, Ю. Данцигер, Н. Бел-Конь-Любомирская), которые после теплых поздравлений передали юбиляру адрес цеха: «Тифлисский цех поэтов сегодня, в день вашего пятидесятилетия, обращает к вам свои восторженные голоса. Ваш праздник является не только народным праздником Вашей многострадальной родины, но и днем великой радости для всех поэтов, чествующих в лице Вас высокого жреца вселенского слова... И сколько раз в эти тревожные годы Ваш голос звучал как совесть человечества! Великого гуманиста, мощного сердцем пророка приветствуем мы Вас сегодня и славим»²¹.

Постоянно общающаяся с Туманяном русская интеллигенция края так воспринимала его поэзию и человеческо-гражданскую позицию, охарактеризовав его творчество как вселенское слово, его личность как олицетворение человеческой совести.

Тем же духом была проникнута статья С. Городецкого «О мудром и нежном», напечатанная в тот же день – 20 февраля – в газете «Закавказское слово». В статьях, опубликованных в связи с юбилеем, великий поэт, в самом деле, был признан и по достоинству оценен во всем своем национальном и общечеловеческом звучании и в этом велика была заслуга Городецкого. «... этот день (день рождения Ов. Туманяна. – А. З.) – праздник многих миллионов, и не только армян, но и всех закавказцев, а когда Запад просветится, то и западных людей, – отмечал русский поэт, – ибо Ованес Туманян всей своей песней, всей своей работой проповедовал верховенство всечеловеческих идеалов над национальными.

Понять Ованеса Туманяна – значит понять Армению в ее

²¹ Закавказское слово, 22. II. 1919.

искренних идеалах мирного земного бытия, в ее стремлениях к идиллической жизни в содружестве с природой и людьми, – наперекор трагическому ходу истории».

С этой исходной точки зрения написана статья Городецкого, где поэзия Туманяна характеризуется красками и звуками величественной природы Армении и подчеркивается стремление армянского народа – жить мирно и творить туманяновскими идеалами и мыслями.

В тот же день (20 февраля), вечером, в Артистическом театре армянская общественность города отмечает «День армянского актера». Ставится пьеса Лео «Праздник Амбарцума в Варанде». После спектакля выступил председатель «Общества армянских драматических актеров» Ов. Абелян. Он отметил, что «День армянского актера» совпадает с юбилеем Туманяна и от имени актеров приветствовал юбиляра. Далее взял слово находящийся в зале С. Городецкий: он на армянском языке прочел одно из стихотворений Туманяна, затем то же стихотворение – в своем переводе на русский. По просьбе актеров он зачитал также текст приветствия Туманяну²².

26 февраля, как было сказано, состоялось 24-е заседание «Цеха поэтов», посвященное 50-летию Ов. Туманяна. После приветствия председателя цеха, чтения стихов в адрес армянского поэта оглашается решение цеха об избрании Туманяна почетным членом «Цеха поэтов». Выступив со словом благодарности, армянский поэт приглашает поэтов «Цеха» следующее заседание провести у него дома²³.

В книге Н. Туманян «Воспоминания и беседы» читаем следующую запись от 12 марта: «Во главе с Городецким отца *вновь* (курсив наш. – А. З.) посетили молодые поэты «Цеха поэтов», чтобы поздравить его с 50-летием со дня рождения.

В альбоме записали свои стихи.

²² См.: Закавказское слово, 23. II. 1919; Мпак, 23. II. 1919; Наше время (Баку), 26. II. 1919.

²³ Закавказское слово, 28. II. 1919.

Остались на ужин.

Был интересный и радостный вечер»²⁴.

4 марта Городецкий принял участие в литературно-художественном вечере, организованном «Культурным союзом студентов-армян» в залах Артистического общества в честь Туманяна. В вечере принимали участие представители армянского, русского и грузинского литературного мира. Зал шквалом аплодисментов встретил Туманяна, которого сопровождал Ширванзаде. Поэт сердечно поблагодарил «молодое поколение, хозяев нашего будущего». М. Агаян и В. Аракелян исполнили песни Саят-Новы и Комитаса, грузинский поэт И. Гришашвили продекламировал на армянском языке «Каплю меда», затем свое стихотворение на грузинском языке и исполнил одну песню Саят-Новы. С. Городецкий прочел свое стихотворение «Ангел Армении» и посвящение Ал. Кулебякина Туманяну. Н. А. Городецкая читала свои стихи, посвященные юбилею. Туманяна приветствовали также другие представители армянского и грузинского искусства. Обращаясь ко всем людям искусства закавказских народов, Ов. Туманян заверяет: «Я свяжу вас нитями моего сердца, неразлучно и едино ... Я дам вам упоение небесной песней необъятного сердца, и вы забудете ваши споры и борьбу»²⁵. Как сообщает газета «Закавказское слово», «Незаметно и естественно, праздник певца любви превратился в праздник солидарности и братства народов. После каждого приветствия Ов. Туманяна, обращенного к представителю того или другого народа, публика устраивала шумную овацию.

Вечер закончился в первом часу ночи, после чего группа друзей и почитателей поэта устроила в зеркальном зале ужин, затянувшийся до утра. На ужин приехал грузинский поэт П. Яшвили с товарищами, приветствовавший Ов. Туманяна прек-

²⁴ Н. Туманян. Воспоминания и беседы, с. 201–202.

²⁵ См.: Мшак, 6. III. 1919; Закавказское слово, 6. III. 1919; Арач (Вперед, Тифлис), 8. III. 1919 (на арм. яз.).

расной горячо прочувствованной речью...»²⁶.

В одной из своих статей, упоминая об этом вечере и последовавшим за ним собрании, Городецкий пишет: «И – нельзя умолчать – все поэты говорили о культурной связи здешних стран с Россией, пили за здоровье Бальмонта и Брюсова, вспоминали Москву, светлый призрак которой стоял на улицах, запорошенных снегом»²⁷.

Юбилейные торжества Туманяна переросли в демонстрацию братства народов Закавказья и России, дружбы и мира между ними. И в это дело внесли свою лепту С. Городецкий, грузинские поэты. И. Грипашвили имел в виду именно эту деятельность Туманяна, направленную также на пресечение армяно-грузинской войны в конце 1918 – начале 1919 гг.²⁸, когда заявил: «Князь армянской поэзии! ... И впредь поддерживай огонь своего костра и в нем сожги тех шовинистов, которые забыли песни Саят-Новы. Пусть все знают, что несчастье одного соседа не может принести счастья другому»²⁹.

Как в эти дни, так и впоследствии рядом с Туманяном стоял Городецкий, своими статьями, выступлениями, встречами неустанно пропагандировавший мир между народами. С законной гордостью за свое участие в этом деле в дни юбилея Туманяна он констатировал: «Армянский праздник стал торжеством всего Закавказья. ...

Ованес Туманян дождался того момента, когда его проповедь солидарности наций стала лозунгом дня...»³⁰.

Эта проповедь была также постоянным девизом Городецкого.

²⁶ Закавказское слово, 6. III. 1919.

²⁷ Закавказское слово, 7. III. 1919.

²⁸ Об этом см.: *К. Сардарян*. Армяно - грузинские отношения в 1918 – 1921 гг. Ереван, 2002, с. 69 – 95 (на арм. яз.).

²⁹ Закавказское слово, 25. II. 1919.

³⁰ Закавказское слово, 7. III. 1919.

3. УЧАСТИЕ В ЛИТЕРАТУРНО-КУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ

Можно уверенно сказать, что в жизни народов Закавказья, не было ни одного более или менее знаменательного события, в котором не принял бы участия или на которое не откликнулся бы Городецкий³¹. Особенно много сил и энергии он вложил в жизнь измученного и обессиленного армянского народа, воодушевляя, вселяя веру и надежду на светлое будущее в армянскую интеллигенцию и широкую общественность.

25 февраля 1919 г. редакция «Литературно-художественного альманаха» (орган начинающих писателей армян) в зале консерватории организовала литературный вечер, посвященный 35-летию со дня рождения выдающегося западноармянского поэта Даниела Варужана. После первой части вечера, которая была посвящена жизни и творчеству Д. Варужана, в сопровождении А. Ширванзаде, В. Папазяна и Лео в зал входит Туманян. С этой минуты литературный вечер частично превращается в чествование Туманяна. От имени молодых писателей его приветствует Ст. Зорян, обещая, что они будут приверженцами традиций великого поэта и склоняют головы перед его талантом. С трогательным и содержательным словом выступает Туманян, пожелав молодым писателям творческой силы и энергии.

Но в данном случае нас интересует, несомненно, удостоенное теплового одобрения Туманяна выступление Городецкого о Варужане. Давая соответствующие пояснения, он в своем переводе читает стихи Варужана – «Первый грех», «Гадалка», «Возвраще-

³¹ Между тем О. Ганалаян ошибочно пишет: «После 1918 года деятельность Городецкого как поэта вступает в новый период. Вернувшись с фронта *на родину*, он продолжает свой творческий труд, заняв достойное место в русской поэзии. Но и в этот период поэт не забывал Армению, образ которой всегда носил в сердце и памяти (курсив наш. – А. З.)» (О. Ганалаян. Указ. раб., с. 57–58).

ние», затем развивает ту мысль, что армянский поэт стоит в ряду современных известных европейских поэтов и что он «соединитель армянского самостоятельного и европейского».

В восточноармянской действительности Варужан еще только-только находил признание, и вот после Брюсова Городецкий представляет русскому читателю его произведения. Это было весьма ценной инициативой, и от имени армянской общественности Т. Иоаннисян обращается со словом благодарности к Городецкому, и в его лице к русскому народу, как «одному из самых поэтических народов света»: «Позвольте, Сергей Митрофанович, мне от имени собравшейся здесь группы армянской интеллигенции, которая вправе в данном случае считать себя выразительницею взглядов и чувств всей армянской интеллигенции, приветствовать в вашем лице талантливого представителя поэзии русского народа, одного из самых поэтических народов света. Армения никогда не забудет заслуги русских поэтов, возложивших лавровый венок на ее окровавленное чело в дни величайших ее бедствий. ... привет великому творческому гению русского народа, привет всем творцам новой, обильной и могучей, свободной и демократической России. Привет вам, многоуважаемый Сергей Митрофанович, как одному из этих творцов обновленной России и как искреннему другу армянского народа свободной Армении»³².

Под бурные аплодисменты присутствующих С. Городецкий выражает свою благодарность, трогательными словами пожелав возрождения и Армении. Как видим, где появляется Городецкий, там он становится живым свидетелем актов искренней солидарности армянской общественности с Россией, проявлений дружественных чувств к «могучей, свободной и демократической» России. Не следует забывать, что все это имело место в 1919 г., в период, когда за год до этого Армения была объявлена независимой от России.

³² Закавказское слово, 27. II. 1919. См. также: Арач (Тифлис), 2. III. 1919.

Возвращаясь к выступлению С. Городецкого, посвященному Варужану, отметим, что спустя всего несколько дней, в «Закавказском слове» Городецким была опубликована статья под названием «Сивасский мужик». В ней с размахом и заразительным духом выявляется искусство Варужана, в частности, высоко оценивается первая книга поэта «Сердце нации», являющаяся «молитвенником каждого повстанца – там, в Турецкой Армении, где право на жизнь было утоплено в крови с благословения Европы» (с. 56)³³. Яркими штрихами вычерчивается общность устремлений творчества Варужана с идеями современной европейской и русской мысли. Отмечая особенности его поэзии – общечеловеческие мотивы, пластическую ясность стиха, колоритность зарисовок природы и бытовой картинки, говоря, что образы сочны и ароматны, ее символы полны движущейся жизни, сказка – подлинный миф, автор статьи делает вывод: «То, о чем мечтали лучшие символисты как о высшем достижении современной поэзии – осуществил сивасский мужик.

Эта сказка вырастает как цветок. Ее символы полны движущейся жизни. И в ней народное, национальное сплавлено с общечеловеческим».

Статья Городецкого в своем основном акцентировании характерна с точки зрения его критического отношения к символизму, одновременно она является проникновенным словом о творчестве Варужана, которое до сих пор не утратило своего значения. Его выступление и статья пробуждают такой интерес в кругах армянской общественности, что всеобщий армянский ученический союз «Миутион» 30 марта в здании Закавказского частного университета организовал лекцию поэта «Даниел Вару-

³³ См. также: Закавказское слово, 9. III. 1919. Кстати, в книге «С. Городецкий. Об Армении и армянской культуре», на с. 211 (примеч. 5), а также в предисловии сборника «Последний крик» (с. 12) сказано, что статья напечатана в «Кавказском слове». Заметим, что эта газета с 19 января (№ 1) 1919 г. – 15 марта (№ 45) того же года носила название «Закавказское слово».

жан и его значение в современной армянской лирике»³⁴. На этот раз уже Городецкий подчеркнул жизнеутверждающий характер поэзии Варужана. Об этом он говорит и в лекции, прочитанной в конце апреля в Ереване. Как увидим, в ней он вновь основательно касается творчества армянского поэта.

* * *

С. Городецкий участвовал и в других значительных событиях армянской литературно-культурной жизни. Так, 9 марта 1919 г. Армянское драматическое общество в театре Артистического общества организовало юбилейное представление в честь 35-летия сценической деятельности талантливого армянского актера Ованеса Абеяна. Юбиляр предстал перед публикой в трех своих коронных ролях: короля Лира, Бархудары из пьесы Ширванзаде «Намус» и Расплюева «Свадьбы Кречинского». Вместе с А. Ширванзаде, Ов. Туманяном, О. Севумяном, Л. Калантаром, Ст. Зоряном, Т. Назаряном, представителями союза грузинских театральных кружков и артистов, представителями редакций армянской печати юбиляра приветствует и поэт С. Городецкий, желая ему «доброго пути в страну родного искусства»³⁵.

* * *

С. Городецкий был большим поклонником восточной песни и музыки Саят-Новы, и не случайно, что в конце марта 1919 г., к десятилетию со дня смерти известного армянского ашуга Дживани, он написал статью «Скрипка любви». Характеризуя основные мотивы песен гусана, его мастерство в передаче нюансов человеческих чувств, автор особенно подчеркивает общечеловеческое содержание его наследия: «Истый армянин, утешавший свой народ в трудные минуты, Дживани имел широкую душу, способную понять все народы, все нации. Закон братства наций был твердо начертан в его сердце, и все песни его проникнуты

³⁴ Кавказское слово, 30. III. 1919.

³⁵ Закавказское слово, 9. III. 1919; 11. III. 1919; Мшак, 11. III. 1919.

мировой любовью. «Весь мир – гостиница, Дживани», – говорит он сам себе: «а люди – зыбкий караван». Это его любимый лейтмотив. «Все народы – цветы с одной грядки. Бог только дает им различную окраску, разный рост – один из них велик, другой мал». «Все они нужны друг для друга, всех их сотворил бог, и жизнь всех их благословил он».

С этой верой Дживани не страшился бедствий и неизменно полон был глубокого оптимизма, хоть жизнь часто заставляла его быть печальным, «Как дни зимы, дни неудач недолги тут: придут-уйдут» – пел он ... Он тяжело страдал оттого, что императорская Россия не понимала значения Армении...» (с. 59)³⁶. Примечательно, что эту статью в те же дни перепечатала бакинская газета «Наше время»³⁷.

* * *

18 июля в театре «Армянского клуба» русский поэт присутствует на восточном концерте армянского тариста Нерсеса Корганова, в день чествования 25-летия его деятельности. На вечере выступают приехавшие из разных концов Закавказья известные представители восточной музыки – таристы, певцы, кяманчисты. Во второй части вечера экспромтом выступает Городецкий, прочитавший свое стихотворение, «посвященное Нерс. Корганову, горячо приветствованное публикой»³⁸.

* * *

Многочисленны лекции, выступления, доклады Городецкого на вечерах, организованных армянскими и грузинскими деятелями, причем нередко устраивались также вечера, посвященные

³⁶ См. также: Кавказское слово, 22. III. 1919.

³⁷ Наше время, 28. III. 1919. В книге «С. Городецкий. Об Армении и армянской культуре», на с. 211 (примеч. 6) ошибочно написано, что эта статья «перепечатана в бакинской газете «Понедельник» (1919, 28 марта)».

³⁸ См.: Кавказское слово, 17.VII. 1919; 19.VII. 1919.

многожанровому, разноплановому творчеству русского поэта. Здесь упоминаем лишь вечер, состоявшийся 5 марта 1919 г. в «Ладье Аргонавтов». Этот вечер довольно ярко выявил многогранное творчество С. Городецкого и дал возможность его многочисленным почитателям выразить ему свои симпатии. «В начале вечера 16 раз было сыграно ... «Сотое представление пьесы «Я люблю тебя, не уходи», которая неизменно смотрится с захватывающим острым интересом». Прекрасно был передан ряд романсов на слова Городецкого. Очень весело прошел забавный «пустячек» «Три итальянки». Интересно прозвучала инсценировка стихотворения «Яга» (то есть – баба - яга), музыку к которой написал известный композитор Ф. Гартман. На вечере с «горячей речью» выступил П. Яшвили, назвав Городецкого «посланником русской поэзии» в Закавказье, а маститый В. Абашидзе читал стихи³⁹.

Стихотворения Городецкого, особенно, «Армении» и «Ангел Армении» читались почти на всех вечерах, посвященных армянскому искусству и литературе, большой популярностью пользовалась шутка «Три итальянки», которая представлялась множеством раз.

³⁹ См.: Закавказское слово, 7. III.1919.

ГЛАВА VI

ЕРЕВАНСКИЕ ДНИ (Апрель 1919 г.)

1. ЛЕКЦИИ: «ТЕНИ ВАНА» И «СОВРЕМЕННАЯ АРМЯНСКАЯ ЛИРИКА»

В эти смутные годы живя в Тифлисе, С. Городецкий имел возможность путешествовать по Армении и Грузии. Особого внимания заслуживает его приезд в конце апреля 1919 г. в Ереван по приглашению «Литературно-художественного общества». Прочитанные им здесь лекции явились важным событием в литературно-культурной жизни города.

До этого Городецкий непродолжительное время был в Ереване в 1916 г. Впечатление, полученное от города, он в форме заметок напечатал в газете «Русское слово». Из них видно, что Ереван очень мало отличался от того описания, которое мы находим в мемуарах и письмах А. Грибоедова 1819 и 1827 гг., на страницах книги И. Шопена «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху присоединения к Российской империи»¹. Хотя и прошло почти 90 лет со дня присоединения Восточной Армении к России, однако губернский центр не благоустраивался и на выросшего в Петербурге Городецкого Ереван и ереванцы производят весьма тягостное впечатление. «Если бы основатель города, ванский царь Аргишти, проехал теперь по Эривани, сердце его перевернулось бы. Помойная яма, а не город, — пишет С. Городецкий. — Грязью своей эриванцы гордятся, — она у них не простая, а с запахом: пройти нельзя, на

¹ *Е. Шахазиз.* Старый Ереван. Ереван, 1931, с. 147, 150 – 173 (на арм. яз).

поларшина вязнешь»².

И вот Городецкий вновь в Ереване, в более тяжелые дни, когда город переполнен бездомными беженцами из Западной Армении, когда свирепствуют голод и эпидемии, каждодневно отнимающие сотни жизней. Русский поэт приезжает для чтения лекции перед собирающимися в Ереване представителями интеллигенции, армянской общественностью, с готовностью разделить страдания народа, собственными глазами увидеть его положение.

13 апреля 1919 г. ереванская газета «Жоговурд» («Народ») извещала, что 16 и 17 апреля в зале Парламента состоятся две лекции русского поэта С. Городецкого. Но в эти дни лекции не состоялись, так как поэт приехал в Ереван позже, 24 апреля.

Путешествие, начатое с Тифлиса, Городецкий в свое время подробнейшим образом описал в цикле статей «Путешествие в Эривань». Так, читаем: «На рассвете 24-го (третий день путешествия) мы выехали из Александрополя и в одиннадцать утра увидели Эривань с ее серым собором, садами и торжественным Араратом. Старик, весь жемчужный, сверкая сквозь кружевные облака, встретил нас приветливо. В его осанке появилось спокойствие, но глубокие думы бороздили морщинами его вековое чело. Мы не посмели беспокоить его божественную нирвану назойливыми расспросами и только помечтали о том, каким интересным могло бы выйти сейчас, – и для нас, и для Европы, – интервью с самим Масисом»³.

Говоря «мы», Городецкий имел в виду едущих с ним в Ереван в том же вагоне артистов – итальянку Спаниоли, немца Зейлигера, и англичанина-военного. От станции к станции описываются те местности, через которые прошли турецкие захватчики весной 1918 г. Вот поле при вокзале Александрополя, покрытое сломанным оружием, человеческими костями и черепами, в глазницах которых еще сохранилось «выражение ужаса». А среди всего этого, под открытым небом, группами собравшиеся беженцы

² Армянский вестник, 1917, № 1, с. 15.

³ Кавказское слово, 8. V. 1919.

ждали возвращения в родные края – в Карсскую область.

На фоне этих ужасающих картин С. Городецкий как бы спорит с европейцами, в частности, с англичанами, которые в эти дни хозяйничали в Закавказье. Начав свой очерк с бытовых споров со своим попугайчиком – английским военным, в конце автор уже ясно выражает свое подлинное отношение к англичанину: «Вообще мы с любопытством понаблюдали нашего собеседника (англичанина. – А. З.). Он был отличным образцом своей расы. Мне больше всего хотелось угадать в нем потомка римлян, которые, завоевав Британию, оставили свою кровь в жилах аборигенов. Не от римлян ли упорство, эгоизм, солдатская прямолинейность, отсутствие психики, – в том смысле этого слова, какой придали ему Достоевский, Пшибышевский, Метерлинк? Пожалуй, что так, потому что Рим завоевывал мир не утонченными патрициями, а железными солдатами, так сказать, специальной разновидностью своей расы. И вот эта же специальность чувствуется в современных англичанах».

Путешествию С. Городецкого в Армению предшествовала армяно-грузинская война (в конце 1918 – начале 1919 гг.), которая в конечном счете была результатом провокационной, шовинистической политики, проводимой некоторыми политическими деятелями Грузии. Сказанное иллюстрирует и следующий факт. Весной 1929 г. с ответным визитом в Армению находилась группа представителей грузинской интеллигенции. Талантливый литератор Г. Робакидзе об этом посещении публикует в грузинском журнале «Мнатоби» очерк «Армения», который в то же время появляется в армянской прессе [«Нор уги» («Новый путь»), Ереван; «Анаит», Париж]. В заключении своей статьи автор с горечью пишет: «Что делали наши предшественники? Почему не увидели, не посетили Армению? Где были писатели, авторы, поэты? Если бы посетили, увидели друг друга, безусловно, «национальная – националистическая психология» нашла бы меньше места в их думах»⁴.

⁴ Анаит (Париж), 1929, № 3, с. 76 (на арм. яз.).

В этом конфликте, как известно, сыграл свою негативную роль и английский представитель – генерал Томсон. Это тот самый Томсон, который в 1918 г. возглавлял контрреволюцию против Бакинской коммуны, что послужило Е. Чаренцу материалом для написания впоследствии «Баллады о полковнике Томсоне, парне-комсомольце и забастовке» (1928 г.).

Известно, как возмущена была в эти дни армянская и грузинская общественность вмешательством англичан во внутренние дела народов Закавказья. Отношение С. Городецкого к английским колонизаторам, в частности, совпадает с позицией Ов. Туманяна, который еще в 1913 г. в обширной статье «Армянский вопрос и его решение» разоблачал двуличие английской дипломатии в судьбе Армении, начиная со времен русско-персидских войн. Туманян писал: «И во всех этих войнах Англия помогала Персии. Конечно, она и не думала заботиться об армянском народе и была озабочена только одним: отрезать путь России на юг, к своим владениям в Индии. И, таким образом, Англия действовала против разрешения вопроса о персидских армянах. И в 1804 – 1807 гг., и в 1810 – 1813, и в 1826 – 1828 английские офицеры и военные инженеры, командуя персидскими сарбазами, сражались против русской армии, – следовательно, и против армянских добровольцев, против армянского народа. Десятки тысяч винтовок с полным снаряжением доставлялись персам из Индии английской компанией. Укрепления Карабаха и стены Эчмиадзина обстреливались из английских орудий, на которых значилось: «Подарок от короля королей – шахиншаху»⁵. В статье Ов. Туманян аргументирует фактами, что ту же роль в Армянском вопросе Англия продолжала играть и в период русско-турецких войн. Вмешательство ее было налицо и впоследствии – в 1918 – 1920 гг.

⁵ Ов. Туманян. О России и русской культуре. Статьи и письма. Ереван, 1969, с. 49 – 50.

... Из мемуаров одного из сподвижников полководца Андраника Торгома Геворкяна (в 1918 – 1919 гг. служил в личной охране генерала) узнаем, что в начале апреля 1919 г. войдя в село Кешишкенд Даралагязского уезда и увидев трагическое положение армян, Андраник выразил свой бурный гнев против лицемерной политики Англии, которая, вопреки своим обещаниям, не оказала никакой помощи обреченному на голод и смерть армянскому народу. Свой гнев майору английской армии Гиббону Андраник публично выразил в присутствии армянских крестьян. Приведем отрывок из этого воспоминания. «До прихода майора Андраник усадил рядом с собой двух переводчиков и строго-настрого велел переводить сказанное им без изменений, не смягчая и не сглаживая его речь, какими бы грубыми и жесткими не были его выражения. Наконец майор явился и отдал честь генералу Андранику.

Майор Гиббон был английским офицером, представителем союзнического командования при Андранике. По всей вероятности, он имел задание следить за деятельностью Андраника, – пишет Т. Геворкян. – Английское командование никогда не доверяло Андранику и не прощало ему его «вину», то есть то, что Андраник в 1918 г. предоставил свое войско в распоряжение советской власти и выразил готовность выполнять распоряжения лидера кавказских большевиков Шаумяна (Андраник имел русскую ориентацию, однако, слабо разбираясь в сложных международных отношениях и в дипломатической игре великих держав, он иногда, в частности, летом 1918 г., связывал определенные надежды с Англией. Но примечательно, что даже в этот период он вскоре изменил свою позицию и уже 14 июля 1918 г. послал телеграмму в Баку на имя Чрезвычайного комиссара по делам Кавказа Степана Шаумяна, выразив свою готовность служить советской власти. – *М. Н. ...*). Английское командование имело полную информацию о его стремлениях, о непокорном духе и горячем патриотизме и хорошо понимало, что при Андранике нельзя обращаться с правительством Армении как с жалкой

марионеткой. По этим причинам Андраника всегда держали «под присмотром» и «помогли» ему уехать с Кавказа.

Андраник, показывая на столпившихся и пасущихся в поле крестьян, обратился к майору:

– Видите, господин майор, этот жалкий народ? Вы, представитель самой богатой и самой могучей страны на земле – Великобритании, видите этот умирающий с голоду народ? Он – ваша жертва. Поверив вашему христолобию, вашему «человеколюбию», наконец вашим обещаниям (ведь вы же провозгласили свободу малых наций, вы же называли армянскую нацию вашим малым союзником), он многого ожидал от вас, от вашей победы, и как верный союзник все, что имел, без остатка предоставил для этой победы. Только русскоподданные армяне дали около трехсот тысяч солдат, которые героически воевали против ваших врагов.

А турецкие армяне были вырезаны, уничтожены, обвинены в том, что были вашими союзниками, но кто спасся от резни, также воевал для вашей победы, воевал до последнего вздоха, воевал в ваших армиях и армиях ваших союзников в Турции, на Кавказе, в Персии, в далекой Сирии, воевал героически. Ваши генералы подтверждают это.

Майор молча стоял и слушал. Андраник продолжал:

– И сегодня, когда вы, «великие союзники» армянского народа, уже победили и овладели всеми богатствами мира, вы с жестоким хладнокровием людоеда лицезрете, как этот ваш малый союзник молча умирает с голоду, позволяете, чтобы с лица земли исчез древний, культурный народ ...

Далее Андраник нецензурными словами начал поносить Англию, ее правительство, ее цивилизованность, «гуманность» и т. п.»⁶.

... Несомненно, о намерении Городецкого отправиться в Ереван и о теме запланированных лекций знал Туманян. И Примеча-

⁶ М. Нерсисян, А. Арутюнян, Д. Мурадян. Материалы о генерале Андранике. – ИФЖ, 1981, № 4, с. 243.

тельно, что первая лекция русского поэта полностью, а вторая – в большей части, были посвящены Западной Армении и западноармянской культуре.

Свою первую лекцию С. Городецкий прочел 25 апреля под названием «Тени Вана». Как уже было сказано, с конца апреля 1916 г. до весны 1917 г. он находился в Западной Армении, в Персии. Его потрясла героическая оборона Вана, он был свидетелем трагедии западной части армянского народа, вырвал из когтей смерти и голода сотни детей, под непосредственными впечатлениями написал множество стихов, очерков, статей. В то же время, эти ужасные бедствия, выпавшие на долю армянского народа, не зашторили взгляд поэта, его способность восхищаться красотой армянской природы, поэтическим величием и обаянием армян.

В своей лекции С. Городецкий говорил именно об этой земле, описывая достопримечательности Вана, чудесную природу и озера.

Газета «Апхатанк» («Труд») сообщала, что в своей лекции С. Городецкий «как красивые и исторические чудесные сказания ...вспоминал Ахтамар, Ара и Семирамиду, Невесту и Жениха и др. ...Говорил о багровом и золотистом закате, о прекрасной великолепной заре, о синем и мягущемся озере, о райском Айгестане, о красивых домах, об искусных ремеслах, сельских нарядах и т. д.»⁷.

В Западной Армении С. Городецкий увидел, своей поэтической душой почувствовал и оценил совершенство армянской архитектуры. «... ванские древности – это архитектура, – пишет он. – Но архитектура тех времен, когда человеческое искусство продолжало творчество природы: так она массивна, грандиозна, величава, что стоит ближе к стихийному размаху сил природы, чем к усилиям человека-художника» (с. 36). В лекции С. Городецкий раскрывает причины этого, объясняя, что армянский народ, принимая христианство, «никогда не забывал своего прошлого...

⁷ Апхатанк, 3. V. 1919.

своего языческого мира», он «не уничтожал свои старинные храмы, а над ними строил новые»⁸.

Гармоничность армянской архитектуры с природой Армении, как известно, отмечали многие, однако эта архитектура характеризовалась также какой-то материальной «устремленностью в небо», на что, по воспоминаниям поэта Ав. Исаакяна, постоянно указывал выдающийся исследователь древнеармянского зодчества, архитектор Т. Тораманян⁹.

Примечательно, что в лекции, исходя из предпосылок, что армянский народ не забыл свой «языческий мир», С. Городецкий анализирует и оценивает легенды и сказания, связанные со страной Васпуракан. Корреспондент «Жоговурда» сообщает, что, возвращаясь к истории «Ара и Семирамиды», русский поэт отмечал: ее «... ценность велика и ... своей глубиной может сравниваться с легендой о Христе»¹⁰. Очевидно, Городецкий имел в виду общность легенд воскресения после смерти Ара при помощи аралезов и воскресения Христа. Эту же мысль о воскресении он подчеркивает, анализируя легенду о Маленьком Мхере: «... армянский народ демонстрирует большую силу и храбрость, и в этих легендах он побеждает смерть и восхваляет жизнь. В этих легендах чувствуешь дыхание жизни. Армяне не останутся без помощи – Мхер выйдет из-за двери и больше не вернется обратно»¹¹.

Отчаявшийся армянский народ более всего нуждался во вдохновляющем слове. Глубоко осознавая это, Городецкий строил свою лекцию в этом духе, обращаясь к памятникам древней культуры народа, выявлял его мечты и ожидания, жизнеутверждающие стремления к самому лучшему будущему.

Вторая лекция – «Современная армянская лирика» – была

⁸ Жоговурд (Народ, Ереван), 11.V.1919 (на арм. яз.).

⁹ См.: *Ав. Исаакян*. Указ. соч., т. 5, с. 75 – 76.

¹⁰ Жоговурд, 11. V. 1919.

¹¹ Там же.

прочитана Городецким 27 апреля¹². Как в первой, так и в этой лекции поэт проводит ту мысль, что выносливость, стойкость, непоколебимость – традиционные свойства армянского фольклора и литературы – являются и чертами армянского народа, отраженными особенно в его легендах.

Как сообщает корреспондент, в качестве предисловия ко второй лекции С. Городецкий обратился к европейской и русской лирике конца XIX – начала XX в., считая их «... проникнутыми пессимистическими выражениями духа»¹³. Надо отдать должное автору корреспонденции. Из сообщения видно, что он обладал знаниями, имел вкус, передал содержание лекции деликатно, не забывая наряду с самими литературными явлениями указывать причины их появления. Характерно объяснение Городецким вышеуказанного явления. По его мнению, «Бодлер, Верлен, Блок и др. поют о той боли, которая владела подавленным человеческим сердцем. Человек стал рабом, и кто не хотел покоряться законам порочного и лживого общества, тот преследовался и изгонялся, как это случилось с Оскаром Уайльдом»¹⁴.

Говоря об армянской поэзии, лектор считал, что в начале века, выйдя из национальных рамок, она выражала общечеловеческие настроения и что «проникнутое пессимизмом выражение духа» можно найти также в армянской лирике. Отмечается общность в поэзии Ав. Исаакяна, В. Терьяна и Верлена, и если для Терьяна это приемлемо, то в случае с Исаакяном – спорно.

Именитый поэт Ав. Исаакян создавал и нежные, и поющие, и страстные, призывающие к борьбе лирические песни, как Гейне, Лермонтов. В то же время, если для лирики Верлена характерно мелодичное плавное течение, нежная модуляция, что видим в песнях Терьяна, то лирика Исаакяна отличается живописностью,

¹² См.: Ашхатанк, 3. V. 1919. По-видимому, дата прочитанной лекции неточна: газета «Айастан и ашхатавор» («Труженик Армении») 27 апреля сообщала, что С. Городецкий уже прочел две лекции в зале Парламента.

¹³ Жоговурд, 11. V. 1919.

¹⁴ Там же. Ср.: Ашхатанк, 3. V. 1919.

красочностью, образностью, плавными переходами. Творчество Исаакяна брало начало из истоков народной поэзии, откуда оно унаследовало многое. В этом смысле среди отмеченных общностей характерна оговорка Городецкого о том, что «... в их (Исаакяна и Терьяна. – А. З.) песнях мы находим также такие странички, которые свидетельствуют о том, что они смогли прорвать тьму и выйти к светлой стране»¹⁵.

Более примечательны оценки Городецкого, данные творчеству Ов. Туманяна и Д. Варужана. «Ожидание лучших дней никогда не покидало армянских поэтов, что более всего подчеркнуто в песнях Д. Варужана и Ов. Туманяна», – заключает он.

... Ереванским лекциям Городецкого предшествовало, как было сказано, празднование 50-летия Туманяна. Начавшиеся с величественных звуков оперы «Ануп» А. Тиграняна вечера, встречи, доклады продолжались в Тифлисе больше месяца, и на многих из них присутствовал С. Городецкий. Одним из достойных упоминания мероприятий в этом ряду был и вечер, посвященный 35-летию со дня рождения Д. Варужана, который состоялся 25 февраля в переполненном зале консерватории. Об этом дне, частично превратившимся в вечер чествования Туманяна, до нас дошли подробные сведения из печати, мемуарной литературы. И вот, к жизни и творчеству Варужана русский поэт обращается и во время лекции в Ереване. В сообщении печати отмечалось, что о творчестве Варужана Городецкий говорил: хотя он «... певец трагедии и боли, но его песни проникнуты примирением и миролюбием. Сивасский мужик – сила, которая всегда воскреснет и всегда будет жить»¹⁶.

Из этих сжатых строк сообщения следует, что исходные положения прочитанной в Ереване лекции и выступления Городецкого на вечере, организованном в Тифлисе и посвященном 35-летию со дня рождения Варужана, идентичны. Это выступле-

¹⁵ Жоговурд, 11. V. 1919.

¹⁶ Там же.

ние, как уже отмечалось, он в эти же дни опубликовал в газете «Закавказское слово» под названием «Сивасский мужик». Из статьи видно, как поэт, споря с символистами, с точки зрения и согласно требованиям акмеизма, высоко оценил творчество Варужана. Анализируя стихотворение «Гадалка» и «Возвращение», Городецкий констатирует жизнеутверждающую силу, оптимистическую веру, характеризующие творчество армянского поэта.

К указанным стихам С. Городецкий, несомненно, обращался также в ереванских лекциях. И примечательно, что именно эту оптимистическую веру он считал общим свойством своеобразного творчества Варужана и Туманяна, одновременно подчеркивая неоценимую заслугу последнего в укреплении дружбы закавказских народов. Как было сказано, приезду Городецкого в Ереван предшествовала война между Арменией и Грузией. Современники свидетельствуют, как тяжело переживал эти дни Ов. Туманян, сколько приложил он энергии и усилий, чтобы восстановить мир между двумя братскими народами. «... когда началась злосчастная армяно-грузинская война, — свидетельствует Ст. Зорян, — беспокойство Туманяна удвоилось.

Его горе в эти дни было безграничным. Эту войну между двумя народами он считал сумасшествием, мучался душевно и думал, что можно предпринять, чтоб остановить ее. Вел переговоры с грузинскими писателями о том, чтобы провести собрание, думал о том, чтобы от имени армянской интеллигенции Тифлиса отправить обращение к грузинскому правительству и в Ереван — в Армянское Национальное собрание (Парламент), чтоб прекратилось кровопролитие и установился мир»¹⁷.

Городецкий также был очевидцем переживаний Туманяна, его усилий, предпринимаемых как в эти дни, так и до этого — во время отторжения Закавказья от России. Он вместе с армянским поэтом боролся за братство между народами, и представляя в Ереване деятельность Туманяна, своим ободряющим и вооду-

¹⁷ Ст. Зорян. Книга воспоминаний. Ереван, 1958, с. 51 (на арм. яз.).

шевлиющим словом вновь служил этому благородному делу – единения народов Закавказья. Корреспондент «Жоговурда» пишет, что в конце лекции русский поэт подчеркнул, что «еще большим оптимизмом наполнены песни Ов. Туманяна. Всю свою жизнь Туманян посвятил делу солидарности кавказских народов, и сегодня ... Ов. Туманян посвящает грузинским поэтам прекрасные, с большим воодушевлением написанные стихотворения»¹⁸.

С. Городецкий имел в виду стихотворение Туманяна «Поэтам Грузии». Здесь армянский поэт с беззаветной любовью славит Грузию, грузинский народ, в духе своих сказок, легенд вновь выражает уверенность в том, что рано или поздно придет «конец злу» и победит братство людей.

Характерно также, что говоря об Ов. Туманяне, С. Городецкий делает акцент на его общественной деятельности. О народности творчества Туманяна говорилось неоднократно: празднование его 50-летия целиком проходило под знаком жизнестойкости и оптимизма, присущих армянскому народу, тональность которого вновь задавал он сам – поэт. Вспомним его завет новому поколению писателей родного народа, который вспоминает Ст. Зорян из речи Туманяна, произнесенной во время вышеупомянутого вечера, посвященного Варужану. « – Я хотел бы, – говорил Туманян, – чтобы ваша жизнь и ваш путь были такими, чтоб из ваших уст не слышны были проклятия. И я верю, что недалек тот день, когда на земле установятся мир и братство между народами, и в этом спокойном, братском мире армянский народ также скажет свое слово ... и вы, будущие армянские писатели, будете посылать миру не проклятия, а благословение...»¹⁹. Ст. Зорян добавляет, что речь Туманяна была настолько «прочувствованной и образной», что «часто прерывалась аплодисментами, иногда переходящими в овацию».

Заразительная сила творчества Туманяна обуславливается

¹⁸ Жоговурд, 11. V. 1919.

¹⁹ Ст. Зорян. Указ. раб., с. 56 – 57.

тем, что он живо откликался на все устремления и ожидания широкой общественности. То же самое можно сказать и о ереванских лекциях Городецкого. Как свидетельствует печать того времени, «Общественность была очень довольна лекциями Городецкого. Лектора часто прерывали бурными аплодисментами»²⁰.

2. ЦИКЛ СТАТЕЙ «ПУТЕШЕСТВИЕ В ЭРИВАНЬ»

Во время пребывания в Ереване Городецкий посетил его достопримечательности, побывал в Эчмиадзине, встречался с собиравшимися в Ереване многими деятелями культуры, делил их хлопоты, горечи и печали. В этом смысле большой интерес представляет цикл статей Городецкого «Путешествие в Эривань». В них живыми красками обрисовано царящее здесь общественно-политическое положение – борьба партий, будничная атмосфера.

В статье «Оживающий город» из этого цикла С. Городецкий описал положение армянского народа весной 1919 г., деятельность правительства на пути преодоления имеющихся в стране трудностей, проблему беженцев. Он пишет: «Губернский городок русской окраины превратился в столицу государства, выходящего к двум морям. Захолустная провинциальная жизнь сменилась лихорадкой строительства. Ведь, если там, в Париже, кроют карту Армении, то здесь, в Эривани, совершают первые шаги ее самостоятельной жизни. Там замыслы, здесь выполнение, там идеи, здесь факты»²¹. Русский поэт дает весьма оптимистичес-

²⁰ Жоговурд, 11. V. 1919.

²¹ Кавказское слово, 11. V. 1919. Надо отметить, что в сборнике «Последний крик» две статьи – I и III – цикла «Путешествие в Эривань» напечатаны полностью и с заглавиями, а II очерк – «Оживающий город» (с. 185 – 187) – опубликован без заглавия, с пометкой II, и кроме того, не полностью.

кий портрет столицы независимого армянского государства: «Эривань оживает. Внешне она мало изменилась: те же улицы и магазины, та же фланирующая толпа, но ритм движения другой, более деловитый, много новых лиц, нового типа людей, прежде невиданного в Эривани. Везде идет работа, ежедневная, муравьиная, упорная. Бутафории государственного строительства совсем не видно. Никаких декораций, никакой «придворности», все скромно и дельно. Еще у всех в душе только что пережитый тяжелый черный день. И, чтоб ликвидировать его совсем, столица Армении напрягает все силы». Городецкий с удовлетворением отмечает тот факт, что независимая Армения не «порвала» со своим российским прошлым: «... нужно отметить бережную осторожность, с какой относятся армяне к наследству, оставленному им Россией на их территории. Связь с русской культурой ими не порвана и национальное возрождение не поставлено в противоречие с русской традицией».

Публицист отмечает все перемены в жизни армянского общества, трудности, преодолеваемые им на новом этапе жизни: «Республика Армении создается при исключительном положении ее населения. Ее население, как известно, находится в состоянии беженства. Оно в подавляющем большинстве оторвано от своих мест и от регулярной работы. И можно сказать, что беженский вопрос поглощает внимание всего правительства без различия ведомств и министерств. Разместить, накормить, вернуть к хозяйственной жизни население, прокормить и обучить в приютах тысячи сирот, сократить смертность и заболеваемость — для всего этого нужны огромные силы, средства и энергия. ... Как бы то ни было, в Эривани нет сейчас настроения отчаяния, наоборот, появились некоторые перспективы на улучшение положения. Параллельно с правительственной работой развивается общественная и городская жизнь». Если раньше ереванцы жили замкнуто, уединенно, в тиши садов, то теперь поэт отмечает оживление в политической и общественной жизни города, неузнаваемо изменившее облик горожан. «Эриванец решительно

потревожен и меняет свои привычки. Раньше жил он в своих садах, в своих уютных старинных домах ... Теперь в этот ... быт ворвались новые звуки. Жизнь стала тревожной и трудной, но и богаче, интересней, содержательней. Политические вопросы захватывают всех, новости разносятся, как по радио. В этом смысле Эривань неузнаваема»²², – пишет Городецкий.

В основном о дивных и веселых днях Городецкого в Ереване очерк « № 35» – по названию армянского сухого вина, любимого горожанами. «Неделя пиров» в Армении – вот суть очерка об армянском гостеприимстве. Но не только. Здесь русский поэт констатирует также такое негативное явление времени, как наличие в городе разбойничьих элементов – маузеристов, дает их колоритнейшую зарисовку. «Маузеристы – местная достопримечательность, которой славится Эривань так же, как ишханом, водой, № 35... Эриванский маузеризм – махровое явление, в котором можно видеть пережиток нашей недавней жизни, когда война, а вслед за ней анархия потрясали общество, искажая направление юношеской силы. Русские ушкунники, английские хулиганы – вот явления, параллельные маузеризму. Удаль, молодечество легко вырождаются в озорничество при ненормальной жизни. Надо надеяться, что теперь, когда Армения так нуждается в рабочих, мускульная сила и храбрость армянской молодежи получат более правильное применение»²³. С озабоченностью искреннего друга народа Городецкий предупреждает о тяжелых последствиях маузеризма.

Однако и в этом очерке Городецкий не удерживается от горестных воспоминаний о Западной Армении. Так, описывая одну из встреч с местными руководителями, в частности, председателем Парламента Армении Аветиком Саакяном, который был другом русского поэта по Вану, Городецкий пишет: «Тугое, сладкое вино было прозрачно, как вечернее небо над Ваном, и у нас много было, о чем вспомнилось тепло и грустно. За столом прис-

²² Кавказское слово, 11. V. 1919.

²³ Кавказское слово, 18. V. 1919.

луживала девочка из Мамахатуна с печальными глазами и забывшим улыбку лицом. Ее история – одна из многих детских трагедий. Мне передали ее рассказ о пережитых ею ужасах. Детали потрясающие. В минуту избиений и насилий мать созвала всю семью, чтобы проститься. И потом бросилась с детьми в реку. Река не могла унести всех трупов, и один ребенок спасся. Девочка, рассказывающая это, взяла ребенка и понесла с собой. Ей было тяжело. Ее били, когда она пыталась достать для него воды... Что делалось в душах этих подростков, и сколько их таких, как рассказчица, и кто искупит все эти страдания! Кто вернет улыбку на это навсегда испуганное личико, кто опять научит смеяться скорбные не по-детски уста!».

Наряду с этим он восхищенно пишет о мужестве и нравах сасунцев: «Легендарна была гибель сасунцев. Гордое горное племя. Попав в плен, не принимают пищи и умирают от самоистощения. ... Отстаивая свою жизнь, они взойшли на скалу, женщины и богатыри. Перед ними был обрыв в пропасть. Враг напирал. И когда враг приблизился, они с пением песен битвы и смерти, танцующим хороводом, свободно и бесстрашно, бросились в пропасть. Турки были потрясены этим героизмом».

... Для прояснения политической ситуации тогдашней Армении характерны и следующие отрывки из этого очерка. Вместе с Городецким, как уже сказано, приехали в Ереван и артисты, и, как пишет он, «неделя лекций и концертов стала одновременно неделей пиров (курсив наш. – А. З.) ». Эти банкеты преследовали политические и дипломатические цели, которые находят многозначительное объяснение у Городецкого: «А банкеты играют сейчас видную роль в эриванской жизни. Постоянная смена европейцев, приезд Пуадобара, Темберлея, Вуда и еще других, карсские торжества, – со всеми этими событиями совпало скромное прибытие нашей божественной троицы»²⁴.

Уместно отметить, что и до приезда Городецкого в Ереване проводились еще более пышные банкеты; в частности, весьма

²⁴ Там же.

роскошным был пир в честь прибывшего 25 марта в Армению с определенной миссией английского генерала Томсона. Описывая последний пир с участием англичан и французов, Городецкий с явной горечью добавляет: «Но веселясь, я вдруг чувствую в себе жуть! Подхожу к окну. Темная ночь. В эриванской комнате Европа. Обыкновенная гостиная, старинный рояль – и европейцы. Это не сон? Это надолго?»²⁵. Здесь речь определенно идет о колониальной политике европейских стран, которые на пролитой крови армянского народа продолжали свой дипломатический торг...

Но по вековой ориентации армянского народа и его интеллигенции судьба Армении была связана с Россией, одним из ярких свидетельств чего был приезд Городецкого в эти тяжелые дни.

И в самом деле, примечательно, что в то время, когда в Армению один за другим продолжали приезжать военные и дипломатические представители Европы и Америки, усилия армянской интеллигенции Еревана и Тифлиса были направлены в основном на приглашение в Армению русских писателей и деятелей искусства. Благодаря этому сотрудничеству в крае проводились разнообразные культурные мероприятия. Так, на первой странице ереванской газеты «Арач» («Вперед») сообщалось, что намечаются новые лекции и концерты в Ереване, Карсе, Александрополе. Приглашались для чтения лекций Евреинов, Городецкий, Каменский, Робакидзе и др. Был напечатан обширный список участников концертов и балетных спектаклей, среди которых – имена Черепнина, Левиена, Давыдовой, Ледника, Сараджевой, Мириманян и др. Сообщалось, что «программа концертов составляется в Тифлисе с помощью концертного бюро «Гехарвест» («Искусство») Тигр. Тарумяна» и что первый концерт с участием виолончелиста Н. Левиена состоится 11 декабря в зале Парламента²⁶.

Во время этих концертов исполнялись произведения армянс-

²⁵ Там же.

²⁶ Арач (Вперед, Ереван), 3. XII. 1919 (на арм. яз.).

ких, русских деятелей искусства, в том числе и С. Городецкого. В этом смысле интересны воспоминания народной артистки Грузии Е. А. Сатиной: «Зимой 1919 – 20 года я приготовила специальную концертную программу из стихотворений Туманяна, Цатуряна и других армянских поэтов в русском переводе и из посвященных Армении произведений русских поэтов. Большинство стихов я читала с музыкальным сопровождением, очень удачно подобранным Б. Прозоровским. На финал ...читала «Ангел Армении» с оркестром, – вспоминает она. – С этой программой я ездила по специальному приглашению в Ереван, где мой концерт был очень хорошо принят. Мне и ездившему со мною пианисту предложили повторить его в Александрополе...

Во время чтения в Ереване «Ангела Армении» на словах «Восстань, страна!, Воскресни, Айастан!», читавшихся под оркестр, я непроизвольно подняла руку, и весь зрительный зал встал. То же самое повторилось и на концерте в Александрополе»²⁷.

Армянская интеллигенция Тифлиса старалась всячески помочь разрушенной родине, имея поддержку представителей грузинской и русской интеллигенции. С их сотрудничеством связываются разнообразные культурные инициативы, в том числе чередующие друг друга выставки армянских и грузинских художников и скульпторов, издаются грузинские песни Саят-Новы, основывается «Общество имени Комитаса». С. Городецкий принимал самое активное участие как в отмеченных, так и во всех остальных мероприятиях. Известны его статьи, отличающиеся глубиной, тонкостью оценок, посвященные выставкам армянских (о чем уже говорилось) и грузинских художников.

В одной из рецензий, написанной еще в 1917 г., Городецкий коснулся армянских народных песен, выдвинув жизненное требование, которое и по сей день остается в силе: «Каждая песня, каждый миф каждого народа для нас священны, ибо произведения народа – это тайна, недостижимая для творчества единолич-

²⁷ Е. А. Сатина. Воспоминания. Тбилиси, 1965, с. 121.

ного.

Собирать эти сокровища можно только одним способом: записывая фонографически, чтобы ни одно слово, ни одна нота не исказились. Каждый вариант драгоценен. В таком виде и должны храниться произведения народного творчества» (с. 54).

В дни пребывания в Ереване, вновь слушая армянские народные песни, русский поэт напоминает о необходимости спасения от забвения этих сокровищ, подчеркивая значение дела великого композитора Комитаса. В последнем очерке цикла «Путешествие в Эривань», Городецкий пишет, что эти песни, звучащие в устах армянского населения с самыми различными вариантами, следует собрать воедино, так как они показывают, «как много сокровищ в народной армянской песне. Сейчас, когда в обществе пробуждается интерес к личности и работе Комитаса, было бы своевременно продолжить его дело ... Нужно использовать скопление беженцев из разных областей в центрах, послушать их песни и записать»²⁸.

Это – определенное выражение и отклик на созревающее настроение о необходимости создания «Общества имени Комитаса», которое было осуществлено в начале мая 1919 г. в Тифлисе. Здесь уместно обратиться к этой поистине культурно-исторической инициативе, связанной с юбилейными туманяновскими днями. В эти дни армянский поэт безусловно уже был близок с профессором тифлисской консерватории, композитором Фомой Гартманом, который недавно приехал в Тифлис, и несомненно беседовал с ним об армянской песне, о Комитасе. И вот, вскоре публикуется глубокая и объемистая статья композитора «Комитас Вардапет» из цикла «Народная песня и ее собиратели». Этой статьей Гартман и поныне считается одним из ценителей заслуг Комитаса. Однако ясно, что нити вновь ведут к личности Туманяна и его культурологической деятельности, перекрещиваясь и с именем Городецкого, так как Гартман был одним из близких русскому поэту из местной консерватории, кроме

²⁸ Кавказское слово, 18. V. 1919.

этого, вышеназванная статья композитора была опубликована в газете «Закавказское слово»²⁹, в которой отдел искусства и литературы, напомним, возглавлял Городецкий. Необходимо также отметить, что, возможно, статья Городецкого о собирателе «народной армянской музыкальной мудрости» – Комитасе³⁰, была написана под влиянием вышеупомянутой статьи Ф. Гартмана.

Одним словом, со дня выхода в свет статьи Ф. Гартмана начинаются усилия Туманяна, широких кругов армянской интеллигенции, направленные на облегчение участи Комитаса, находящегося в Париже на лечении от психического расстройства, полученного в ссылке, во время Геноцида армян в 1915 г.

В начале мая 1919 г., как уже было сказано, в Тифлисе создается «Общество имени Комитаса». В газетном сообщении сказано: «На днях в Тифлисе организовался кружок почитателей знаменитого композитора армянских народных песен отца Комитаса. Цель кружка создать общество имени Комитаса, которое взяло бы на себя заботу о сохранении и поддержании здоровья Комитаса, который в настоящее время находится в Париже в больнице... 2) сохранить и распространить изданные и неизданные произведения его, которые имеют громадное значение для развития музыкального творчества армянского народа. С этой целью... создавшийся кружок и предполагает 18 мая устроить концерт (концерт состоялся 21 мая. – А. З.) в зале «Артистического общества». Во главе учредителей общества стоит проф. Ф. А. Гартман, который не раз отмечал в своих статьях о высо-

²⁹ Закавказское слово, 28. II. 1919; 1. III. 1919.

³⁰ В дни празднования 80-летия Комитаса, С. Городецкий в письме Н. Туманян (27 сентября 1949 г.) писал: «30 лет тому назад я о нем (о Комитасе. – А. З.) писал в Тбилиси, – если б мне найти сейчас в своем архиве эту статью! Сейчас я больше знаю о Комитасе, чем тогда. Но живое, первое впечатление от тогдашнего знакомства с ним помогло бы мне принять в Москве участие в Вашем народном празднике» (с. 188).

ком даровании о. Комитаса и о тех его заслугах, которые должна оценить наша армянская интеллигенция»³¹.

И вот, усилиями общества, в составе которого были известные писатели, художники, композиторы, исполнители, 21 мая – знаменательный день в истории армянского песенного искусства – в переполненном зале театра Артистического общества состоялся первый большой концерт хора Сп. Меликяна, с участием В. Тер-Аракеляна, с зажигательным вступительным словом Ф. Гартмана³². В своем слове, подчеркнув «высокое мастерство» армянского композитора, Гартман разъяснял, что слушая обработанные Комитасом армянские песни вы слушаете исконно армянские песни, имеете дело с подлинным народным творчеством, и можете быть уверенным, что Комитас не позволит себе изменить какой - либо звук, какую - либо гармонию. Комитас «не столько выявлял свой духовный мир, как ставил духовный мир армянского народа в наиболее благоприятные условия. ... И Гартман прав, когда говорит, что сопровождение Комитаса убеждает. Действительно трудно себе представить, чтобы та или иная песня могла бы быть гармоничнее иначе.

То же самое в хорах, где у Комитаса неисчерпаемый запас приемов гармонизаций, приемов не случайных, а творчески осознанных и продуманных»³³.

Без сомнения, именно на этом первом концерте из произведений Комитаса, 21 мая, рядом с Ов. Туманяном или с одним из армянских интеллигентов присутствовал и С. Городецкий и вместе с ними внимал знаменитому «Антуни» В. Тер - Аракеляна, песни хора Сп. Меликяна – «Гна, гна», «Келер, цолер», «Ери, ери», «Ло - ло - ло» и другие комитасовские обработки.

Примечательно, что выражая обеспокоенность интеллигенции судьбой Комитаса, в эти же дни известный художник Егише Татевосян писал в Париж общественно-культурному деятелю Ар-

³¹ Кавказское слово, 9. V. 1919.

³² Кавказское слово, 23. V. 1919; 24. V. 1919.

³³ Кавказское слово, 24. V. 1919.

шаку Чопаняну: «Хотел бы услышать ваше мнение о здоровье Комитаса, знаю, что там помогаете, мы же здесь основали его именем общество, но денежный курс чрезвычайно низок ... Наш вклад становится *весьма* незначительным, после больших стараний. Дай господь ему полного здоровья»³⁴.

Общественная, культурная, моральная поддержка была гораздо больше, чем материальная помощь: успех концерта превзошел все ожидания, концерт повторялся неоднократно. Примечательно, что с лекцией, посвященной Комитасу, Ф. Гартман выступал и в Ереване³⁵.

Так, фактически, было положено начало всеобщего признания в восточно - армянской действительности неоценимых заслуг Комитаса.

... Посвятив себя бескорыстному делу оценки и пропаганды армянской культуры как в Тифлисе, так и в дни пребывания в Ереване, Городецкий удостоился теплой любви и глубокого уважения не только Туманяна, но и широкой армянской общественности, именитых и рядовых деятелей культуры. В этом смысле примечательно зафиксированное вышеупомянутым корреспондентом «Жоговурд» впечатление ереванской общественности от лекции русского поэта и от его облика. «С. Городецкий нам предстает молодым человеком, с широкой душой, – констатирует корреспондент газеты «Жоговурд». – Он выделяется своими свободными движениями... Куда бы ни заходил, там тотчас же закипает жизнь, начинается оживление. С любовью он подходит к любому живому существу и в каждом человеке, будь то хотя бы никому не нужный Акоп (его ванский слуга), умеет найти жизнь и красоту.

... Он хорошо знаком с перенесенными нами в последние годы страданиями, его нежная и человеколюбивая душа с нами оплакивала наши черные дни»³⁶.

³⁴ МЛИ, ф. А. Чопаняна, № 2191.

³⁵ Ашхатагк, 8. VII. 1919.

³⁶ Жоговурд, 11. V. 1919.

Из сообщений газеты очевидно, что в литературных кругах Еревана С. Городецкий имел также беседы о русской литературе, о своей деятельности тех дней. Из краткого сообщения корреспондента, во-первых, видно, что в 1919 г. он в какой-то мере все еще был верен укрепляющим его связи с жизнью идейно-художественным принципам, т. е. акмеизму. Был верным — с одной стороны, противопоставляя себя символистскому разочарованию и пессимизму, так как он был убежден, что «поэзия обязательно должна признать решительное утверждение жизни», поднять мощный голос во имя «спасения и возрождения». С другой стороны он старался освободить поэзию от «бездупной машины».

Также становится ясным, что эти литературные убеждения русский поэт прививал и молодым членам «Цеха поэтов». Безусловно, на основе бесед Городецкого корреспондент газеты приходит, в частности, к такому выводу: «Сегодня С. Городецкий по воле обстоятельств будучи оторванным от своей родины, только издали подпевает возрожденной и обретшей новую душу музыке А. Блока и старается, чтобы эта новая песня была услышана в Тифлисе благодаря новосозданному «Цеху поэтов»³⁷.

«Возрожденные и обретшие новую душу» песни А. Блока — поэмы «Двенадцать» и «Скифы». С. Городецкий счел нужным обратиться к этим произведениям и в Ереване.

* * *

В начале июля 1919 г. С. Городецкий некоторое время побывал и в Батуми. Здесь «Общество деятелей искусства» организует его доклад на тему «Искусство будущего и женщина». По сообщению газет, выступление русского поэта во многом способствовало укреплению авторитета новосозданного общества. Его вторую лекцию об «Армянском вопросе» (она обстоятельно

³⁷ Там же.

Титульный лист сборника «Джейран»

представлена в IV главе) планировалось организовать и в Трапезунде, инициатором был Армянский клуб³⁸.

В дни пребывания Городецкого в Батуми армянское издательство города подготавливает к печати на русском языке литературный сборник «Джейран» под его редакцией. Сборник выходит в свет в конце сентября. В него вошли стихотворения Туманяна «Поэтам Грузии», «Первый грех» Д. Варужана в переводах Городецкого, поэма Ал. Кулебякина – «Нанэ (Ахлатская поэма)», посвященная Туманяну, и стихотворение И. Гаша³⁹.

О посещении Городецким Батуми сохранился интересный отзыв. Речь о книжке «Путешествие Сергея Городецкого в Батуми», изданной в 1919 г. в Тифлисе литературными деятелями Б. Корнеевым, Ю. Дегенем и художником С. Валишевским. Об этом издании спустя десятилетия сообщает Г. Бебутов. Приведем этот материал полностью: «В. Маяковский ввел в обиход понятие: «более чем дружеский шарж». По аналогии можно допустить, что шарж бывает и менее чем дружеский, но все-таки дружеский. К такому разряду безусловно приятельских шаржей следует отнести весьма редкую книжку «Путешествие Сергея Городецкого в Батуми». Кроме текста в ней девять рисунков Сигизмунда Валишевского – в то время еще неизвестного художника, ставшего впоследствии гордостью народной Польши.

Рисунки - шаржи, из коих один вынесен на обложку, как бы комментируют «Страничку автобиографии» С. Городецкого, впервые напечатанную им в батумской газете «Наш край» в форме письма в редакцию. Для того, чтобы выпустить эту книжку, ее авторы «основали» однодневное ... издательство, дав ему подчеркнуто выразительное название: «Бескорыстное служение искусству».

Как слова, составившие название издательства, так и текстовки к рисункам С. Валишевского взяты из упомянутого письма С.

³⁸ Кавказское слово, 8.VII. 1919.

³⁹ См.: Слово, 2. X. 1919. Один экземпляр сборника хранится в МЛП (архив С. Городецкого, № 50).

Городецкого в редакцию газеты.

В этом письме поэт благодарил (в вполне серьезном тоне) город, «в котором сердце такое же горячее, как и солнце», за то радушное внимание, которым он был обласкан здесь; благодарил общество деятелей искусства в целом и по секциям «за ряд вечеров, которыми оно почтило» его присутствие; художественное общество «Треугольник», «смелый кружок Э. Э.» (эстетических экспессов), в котором бродила идея нового театра; редакцию газеты за внимательное отношение к его выступлениям; администрацию театра за бескорыстное служение искусству; наборщиков типографии за сверхурочную работу во время спешной подготовки афиш ... Поэт благодарил еще своих друзей за ряд банкетов, владельцев махинджаурских парков, позволявших ему «рвать цветы охпками и писать этюды на их террасах», хозяев всех кафе в порту и на Греческой улице и, наконец, девушек и детей, приносивших ему цветы, и «всю чуткую внимательную батумскую публику».

Мало что оставалось авторам – издателям книжки добавить к этой «страничке автобиографии» поэта, но все-таки они дали в книжице кроме рисунков предисловие, статью Б. Корнеева «Записки очевидца» и стихотворение. Все это составило 32 страницы.

Человек, близко стоявший к изданию этой забавной книжки и подаривший мне ее много лет спустя, рассказывал, что тираж ее небольшой (двести или триста экземпляров) и что первым и наиболее ревностным покупателем был сам Сергей Городецкий, отчего тираж уменьшался и книжка становилась еще более редкой»⁴⁰.

⁴⁰ Г. Бебутов. Без срока давности. Статьи и очерки. Тбилиси, 1979, с. 126 – 127.

ГЛАВА VII

НА ПУТИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ

Все это время, находясь в Закавказье, С. Городецкий внимательно следил за происходящим на родине, за внутренней жизнью России. Ярким свидетельством этого является трогательное стихотворение «Судьба России», которое отдельным изданием было напечатано в Тифлисе в 1918 г. Здесь поэт призывает к прекращению гражданской войны, к восстановлению демократических норм. Приведем это стихотворение целиком:

*В безумье диком беды множа,
Судьба нещадна и страшна,
И вот на мертвую похожа
Моя родимая страна.*

*Смотрите, как бледны ланиты,
Как слаб ее последний вздох.
И очи дивные закрыты,
И цвет пурпурных уст засох.*

*Она упала не от брани,
Не от врага из чуждых стран,
Единокровный сын изранил
Под сердцем материнский стан.*

*Смотрите вы, кто друг на друга
Идет войной, на сына сын,
Чтобы жестокости кольчуга
Упала с черных сердецвин!*

*Смотрите все на мать родную!
Что с ней вы сделали, сыны,*

*Поднявши злобу неземную
Братоубийственной войны.*

*Винтовки в козла! Крики битвы,
Проклятий мертвые слова,
Смените вошлями молитвы
О том, чтоб мать была жива.*

*Ужели мы поверим в это,
Поверим в смерть своей страны?
Нет! Словом пламенным поэта
Клянусь, что будет день весны.*

*Клянусь, что в вас иссякнет злоба,
И брата пожалеет брат,
Что ждет Россию вместо гроба
Сияние праздничных палат.*

*Не начинайте панихиды!
Я слышу веча красный звон.
Там, у колонн дворца Тавриды,
Воскреснут правда и закон¹.*

Глубокая озабоченность судьбами России выражена также в цикле статей «Русский вопрос» («1. Опять варяги?», «2. Проблема власти», «3. Что есть Россия»)², написанном Городецким в начале 1919 г. Не останавливаясь подробно на этом цикле (названия статей достаточно красноречивы), отметим лишь пророчество поэта: «Русский вопрос составит содержание ближайшего столетия»³.

Вести, привезенные В. Каменским в Тифлис из России в на-

¹ Т. Никольская. «Фантастический город». ..., с. 144 – 145.

² Кавказское слово, 7. II. 1919; 14. II. 1919; 27. II. 1919.

³ Кавказское слово, 7. II. 1919.

чале мая 1919 года, были воодушевляющими, они оказали огромное влияние на Городецкого. Он начинает проявлять более широкий интерес не только к политическим событиям, но и к культурной жизни России. На основе этих сведений, сообщений печати С. Городецкий пишет ряд статей о жизни Москвы и Петербурга, о внутреннем положении России. Говоря о позиции советского правительства в отношении литературы и искусства, он отмечает: «Нигде, кроме древних Афин, с такой решительностью и последовательностью искусство не было признано государственной функцией, как сейчас в Москве»⁴.

... Можно без преувеличения сказать, что бесчисленны написанные С. Городецким в 1919 г. статьи, рецензии, очерки, и все они в той или иной степени оживляли армянскую и грузинскую культурную жизнь, стимулируя ее развитие, служили сближению народов Закавказья с Россией. На эту благородную роль русского поэта указывал П. Яшвили, назвавший его «консулом эстетической России», «посланником русской поэзии»⁵ в Закавказье.

С. Городецкий не оставлял без внимания журналы, издающиеся в Тифлисе, альманахи «Отчизна», «Родина», выходящие в свет в Симферополе и Ростове, писал о поэме В. Каменского «Стенька Разин», о книге Г. Робакидзе «Портреты», о статье Ал. Блока «Россия и интеллигенция», о пролеткульте, публиковал самые разнообразные статьи – об арабской поэзии, о «Гаврилиаде» Пушкина, о стихотворении «Сон» Лермонтова⁶ и т. д. Примечательны также литературные портреты, посвященные Леонардо да Винчи, М. Мусоргскому, Н. Евреинову и др.

Но и этим не ограничивается деятельность Городецкого: в 1919 г. он развертывает бурную издательскую работу. При его непосредственном участии издаются журналы «Орион», «Радуга»

⁴ Слово, 13. IX. 1919.

⁵ Кавказское слово, 30. V. 1918; Закавказское слово, 7. III. 1919.

⁶ См.: А. Закарян. К истории создания стихотворения Лермонтова «Сон». – Вопросы литературы (М.), 2014, № 6, с. 318 – 324; ИФЖ, 2014, № 2, с. 187–191.

га», газета «Новый день». Совместно с П. Меркуровым он издает сатирический журнал «Нарт», который любопытен широтой охваченных тем, злободневностью, жанровым разнообразием. На страницах «Нарта» периодически печатались острые статьи против меньшевистского правительства Грузии. Первый же номер журнала выходит в свет с сатирическим портретом главы грузинских меньшевиков Н. Жордании. После нескольких номеров политическая линия журнала была резко осуждена, и его издание прекратилось.

Кстати, в «Нарте» под псевдонимом «не Лермонтов, а другой» было напечатано пародийное стихотворение «Тучки небесные», посвященное бегству российской интеллигенции на юг – главным образом в Тифлис:

*Люди российские! Бедные странники!
Всеми путями, толпою недужною
Мчитесь вы так же, как все мы, изгнанники,
С Красного севера в сторону южную.
Что же вас гонит? Совдепа решение?
Тайный приказ? Митинговка открытая?
Или на вас тяготит подозрение?
Или товарищей месть ядовитая?
Нет! Вам постыли квартиры холодные,
Обыски, тюрьмы, грабеж, резолюции,
Казни, бесхлебье ... Буржуи голодные!
Трудно вам кушать плоды революции!⁷*

В этом же журнале поэт В. Зота в своих сатирических стихах откликался на злободневные события – столкновения грузинского правительства с Энвер Пашой, английскую оккупацию, спекуляции. Приведем из его «Самородков слова» несколько строк:

⁷ Нарт (Тифлис), 1919, февраль. См. также: Т. Никольская. «Фантастический город». ..., с. 142 – 143.

*Проспекты Плехановы,
А порядки хановы.
Увидел Ной Арарат, –
Да не рад!
Блажен муж, иже
Знает английскую ижицу
Не будет есть жижицу*⁸.

Недовольство меньшевистского правительства Грузии вызывают и статьи, публикуемые в газете «Новый день». Вскоре и на это издание ставится запрет, а члены редакционной коллегии, в том числе С. Городецкий и С. Рафалович, подвергаются аресту, а затем освобождаются⁹.

В силу сложившихся обстоятельств в начале октября 1919 г. Городецкий из Тифлиса переезжает в Баку.

Обобщая свою деятельность в Тифлисе с 1917 по 1919 гг. С. Городецкий писал: «После отхода наших войск (из Западной Армении. – А. З.) я оказался в Тифлисе. Вместе с Г. Г. Нейгаузом и К. Н. Игумновым я работал в тамошней консерватории, где читал курс эстетики. В газете «Кавказское слово» под редакцией М. А. Геворкяна, теперь академика (Мамикон Геворкян не был академиком, а был филологом, переводчиком, театральным деятелем. – А. З.)¹⁰, я печатал статьи на темы искусства и литературы, знакомя тифлисцев с классикой русской литературы и искусства и с сокровищами кавказской и восточной поэзии. На средства А. Антоновской, в будущем автора романа «Великий Моурави», издавался под моей редакцией журнал «Арс», где я

⁸ Нарг, 1919, февраль. См. также: Т. Никольская. «Фантастический город». ..., с. 143.

⁹ См.: Слово, 21.VIII. 1919; 22. VIII. 1919; 26. VIII. 1919; Наше время, 28. VIII. 1919; Нор апхатавор, 23. VIII. 1919.

¹⁰ О М. А. Геворкяне подробно см.: Р. Казарян. Мамикон Геворкян. – ИФЖ, 2008, № 3, с. 295 – 302 (на арм. яз.).

писал об исконных связях Кавказа с Россией. Вместе с художником С. Сориным, С. Судейкиным, Л. Гудиашвили выступал на выставках. Вместе с поэтами Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе, Иосифом Грипашвили, Сандро Эули упивался стихами.

В Тифлисе я подружился с великим поэтом Ованесом Туманяном, поборником дружбы между закавказскими народами и общей их дружбы с Россией. С П. Д. Меркуровым, братом известного скульптора, организовал сатирический журнал «Нарт», где на первой странице первого номера был изображен козел с лицом тогдашнего вождя грузинских меньшевиков Ноя Жордания и доящий козла несознательный рабочий. После пяти или шести номеров журнал закрыли. А ко мне ночью явился красавец прямо с фресок эпохи Руставели и предложил альтернативу: или в Метехскую тюрьму, или вон, куда хочешь. Я был с семьей. Это решило мой выбор: уехать»¹¹.

Последний период деятельности Городецкого говорит о том, что в его общественно-политических взглядах произошел перелом, о чем впоследствии писал: «К концу 19-го года, развивая свою эстетико-общественную платформу, я вплотную подошел к социальным идеалам коммунизма и тем стал в острый конфликт как с газетой («Слово». — А. З.), так и с тифлисским обществом, вследствие чего с осени 19-го г. перенес свою работу в Баку»¹².

Здесь в поисках заработка Городецкому приходится работать в кабачках, для которых по договору пишет пьесы, обрабатывая сказки Андерсена, восточные сказки. Одновременно с художниками С. Судейкиным и С. Сориным, также переехавшими из

¹¹ Мой путь, с. 326 – 327.

¹² МЛИ, архив С. Городецкого, № 85. Поэтесса Р. Погосян в 1964 г. ошибочно пишет, что «В 1919 году меньшевистское правительство Грузии выслало С. Городецкого в Россию» (*Р. Погосян*. Старейший мастер «Цеха поэтов», с. 67), а в 1973 г., поправляя себя, пишет: «В 1919 году меньшевистское правительство выслало Городецкого из Грузии. ... Городецкий вынужден был покинуть Тифлис и выехать в Баку» (*Р. Погосян*. Эхо, с. 52).

Тифлиса в Баку, успевает организовать художественные выставки. А в начале декабря участвует в первом организационном собрании «Цеха поэтов» Баку и вместе с Ю. Дегеном, А. Крученых, Г. Робакидзе, Т. Вечоркой и другими избирается в состав совета цеха¹³.

Вскоре Городецкий намеревается издать «еженедельную внепартийную» газету «Понедельник», искусствоведческий и литературный журнал «Красота». 25 декабря через газету «Слово» он обращается к тифлисским друзьям и бывшим сотрудникам с приглашением принять участие в работе этих органов. В январе-феврале 1920 г. издавалась только газета «Понедельник» при активном участии Ов. Туманяна, Г. Робакидзе, А. Садыкова. Из сообщения этой газеты и узнаем, что под редакцией Городецкого, при непосредственном участии Ов. Туманяна, Г. Робакидзе, цехов поэтов Тифлиса и Баку было задумано издание журнала «Мэнады»¹⁴, что, видимо, не осуществилось.

В Баку русский поэт становится очевидцем нищенского существования населения нефтяного города, что находит отражение во многих его стихотворениях. Созданные им образы обладали большой силой воздействия. Говоря об этих стихах, Городецкий в автобиографической статье «Мой путь» писал: «В декабре 1919 года я прочитал в кабачке стихотворение «Кофе», про остров Яву, вскоре переведенное на английский, французский и голландский языки. Написал цикл стихов «Алая нефть», о жизни бакинских рабочих»¹⁵.

Стихотворение «Кофе», опубликованное в «Понедельнике»¹⁶,

¹³ См.: Слово, 9. XII. 1919. Уместно отметить, что еще 23 февраля 1919 г. в Баку намечалось собрание молодых поэтов, где должны были слушать вопрос о создании «Цеха поэтов» (Наше время, 23. II. 1919). Из другого сообщения той же газеты узнаем, что 8 августа в городе уже действовал «Цех молодых поэтов» (Наше время, 8. VIII. 1919).

¹⁴ Понедельник (Баку), 5. I. 1920.

¹⁵ Мой путь, с. 327.

¹⁶ Понедельник, 5. I. 1920.

было обличением голландского колониализма. Известно, что оно своей идейной направленностью привлекло внимание известного французского писателя, журналиста и общественного деятеля А. Барбюса и в его переводе было напечатано в «Юманите». Говоря о том же стихотворении, А. Луначарский писал: «... стихотворение значительное, полное сдержанного гнева и вместе с тем пленительное»¹⁷.

В цикле «Алая нефть» С. Городецкий восторженно приветствует Октябрьскую революцию. Стихотворения цикла – «Промысла», «Зых», «Амбаль», «Город на заре», «ХI Армия», «Волга» – как справедливо пишет В. Девит, «отличаются ... реалистичностью, яркостью поэтических образов, звучностью ... особой энергией» и в целом цикл «свидетельствует о больших сдвигах, происшедших в мировоззрении и творчестве поэта»¹⁸.

В период пребывания в Баку Городецкий вновь устанавливает тесные связи с представителями армянской общественности, принимает самое активное участие в организуемых мероприятиях. Так, 11 января 1920 г. он участвует в вечере, устроенном в Государственном театре, в пользу сирот-армян, читает стихотворение «Ангел Армении»¹⁹. 15 января в зале Армянского епархиального дома должен был состояться доклад русского поэта на тему «Жизнь и смерть в поэзии Ов. Туманяна, по его новой книге «Четверостишия»²⁰. Городецкий был знаком с этой книгой до ее издания. Как уже отмечали, еще в 1918 г. в журнале «Ars» в переводе русского поэта были опубликованы некоторые из этих четверостиший²¹.

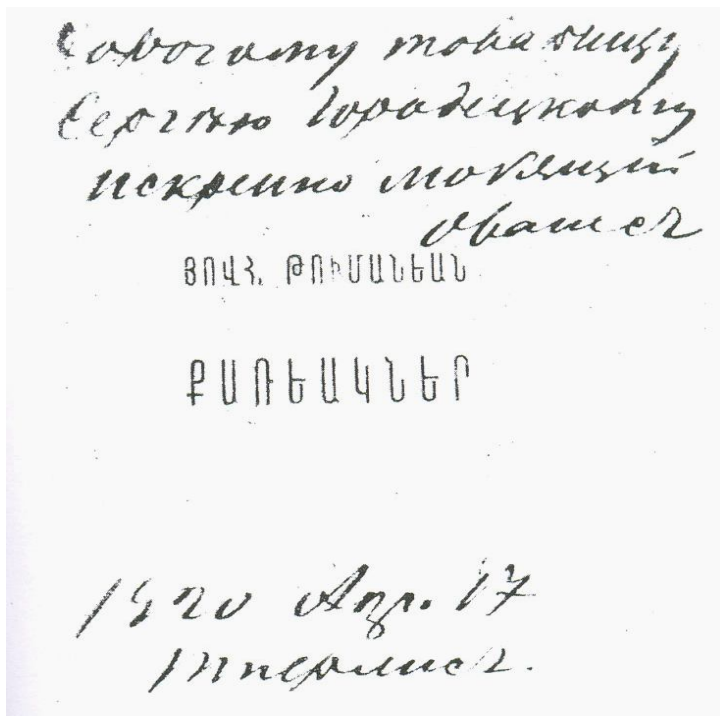
¹⁷ Литературное наследство, т. 74, с. 46.

¹⁸ В. Девит. Алая нефть. – Литературный Азербайджан (Баку), 1964, № 1, с. 109.

¹⁹ Наше время, 13. I. 1920.

²⁰ Наше время, 14. I. 1920. Кстати, «Четверостишия» с посвящением Туманяна от 17 апреля 1920 г. хранится в МЛИ (архив С. Городецкого, № 52).

²¹ Ars, 1918, № 1, с. 29.

Дарственная надпись Ов. Туманяна С. Городецкому
 на книге «Четверостишия»

Живя в Баку, Городецкий время от времени бывал в Тифлисе, посещал Туманяна. Из воспоминаний Н. Туманян узнаем, что 1 января 1920 г. он был их гостем и читал армянскому поэту четверостишия в русском переводе²². Одновременно в эти же дни в городе он имел публичные выступления: так, 4 января по просьбе общественности в «Художественно - артистическом кружке» Городецкий прочел «три новых» стихотворения – «Кофе», «Глубой корабль» и «Промысла», удостоившиеся теплого приема²³.

Городецкий был в Тифлисе и в середине апреля. 18 апреля в гостинице «Кавказ» намечался его доклад на тему «Поэзия молодой Грузии», в котором он должен был говорить о поэзии Г. Робакидзе, П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Л. Джапаридзе, К. Надирадзе²⁴. Но и это посещение было кратковременным, и вскоре он вернулся в Баку.

* * *

28 апреля 1920 г. в Азербайджане устанавливается советская власть. Городецкому поручается написать и перевести на азербайджанский и армянский языки воззвание к населению, напечатать его и расклеить на стенах города. С этого дня он искренне встал на службу советской власти, активно включился в культурно-просветительные работы, проводимые в городе. Годы спустя, вспоминая эти дни, поэт пишет: «Я был назначен заведующим Художественным отделом Баккавроста. Нам отвели огромный чердак, и мы стали выпускать плакаты, портреты вождей и все вручную. ... В Кавросте работал азербайджанский художник Азим-заде, Кочергин, скульптор Сергеев, все, кого я мог соб-

²² Н. Туманян. Воспоминания и беседы, с. 227. Кстати, в письме от 14. I. 1923 г. Н. Туманян из Москвы сообщала семье: «Вчера пришел Городецкий (Ов. Туманян тяжело болел и находился в больнице. – А. З.), очень радовался и сегодня придет, хочет сфотографировать отца и перевести четверостишия» (Переписка семьи Туманяна, с. 116).

²³ Слово, 7. I. 1920.

²⁴ Слово, 18. IV. 1920.

рать. Моя страсть к организации выявилась тут всюю.

Ставили памятники, издавали журнал «Искусство» на русском и азербайджанском языках. Вышло два номера. ... Я был весел и молод, стихи летели»²⁵.

Вскоре Городецкий возглавляет литературный отдел политуправления Каспийского флота, а в июне в той же должности переводится на Балтийский флот. 15 июня он из Баку отправляется в Москву²⁶, оттуда – в Петроград. И за месяц своего пребывания в городе Городецкий неоднократно встречается с Ал. Блоком, которому рассказывает о приеме поэмы «Двенадцать» в Закавказье – в Тифлисе, Ереване, Батуми, Баку: «Опять сидели за столом, как в юности ... Он больше требовал рассказов, ... чем сам рассказывал ... Я был счастлив, что встретил его живым и здоровым. И показался он мне живым, нашим, по эту сторону огненной реки, расколовшей всех на два лагеря. Вспомнили все и всех. В нем была жадность понять, увидеть, осязать новое. Но когда я ему говорил о значении «Двенадцати», о том, как эта поэма принята была на Кавказе, мне почудилось, что он не все знает об этой вещи, синтезирующей всю его поэзию»²⁷.

В эти же дни Блок подарил Городецкому поэму «Двенадцать» с надписью, в которой выразились чувства любви и дружбы, связывавшие на протяжении многих лет двух поэтов: «Милому Сергею Городецкому с нежным поцелуем. Ал. Блок. 20 июля 1920 года»²⁸.

4 августа 1920 г. в Думе состоялся вечер С. Городецкого и Л. Рейснер, на котором Блок, в качестве председателя Петроградского Союза поэтов, произнес вступительное слово: «Мы давно их не слыхали и не знаем еще, какие они теперь, но хотим верить, что они не быются беспомощно на поверхности жизни, где

²⁵ Мой путь, с. 327.

²⁶ Слово, 23. VI. 1920; Арач (Ереван), 8. VII. 1920.

²⁷ С. Городецкий. Русские портреты. Воспоминания о Блоке, Есенине, Лядове. М., 1978, с. 19.

²⁸ Литературное наследство, т. 92, кн. 2, с. 11.

столько пестрого, бестолкового и темного, а что они прислушиваются к самому сердцу жизни, где бьется – пусть трудное, но стихийное, великое и живое, то есть что они связаны с жизнью; а современная русская жизнь есть революционная стихия»²⁹. «На моем вечере, в Думе, где я читал новые стихи, в которых с обычным мне наскоком на будущее фиксировал в данность желаемое и требуемое, он (Ал. Блок. – А. З.) очень взволнованно говорил мне, что не все принимают, что я многого не вижу и не знаю, – писал С. Городецкий в «Воспоминаниях об Александре Блоке». – Этот разговор продлился потом и в последние дни перед моим отъездом дошел до разлада, правда, не такого, какой у меня произошел с депутацией петербургской интеллигенции, возглавляемой Гумилевским, но все же трещина ощутилась очень болезненно, и с этим тяжелым впечатлением я и уехал, чтобы не увидеть Блока никогда больше»³⁰.

Уместно сказать, что в годы проживания в Закавказье Городецкий по мере возможности сохранял связь с Блоком. Так, по свидетельству последнего, 2 июля 1918 г. он от Городецкого через В. Пруссак получил книги, в которых, по всей вероятности, могла быть и книжка «Ангел Армении»³¹.

... В начале осени 1920 г. Городецкий возвращается в Баку и продолжает работать в Баккавросте. В конце декабря вместе с давним другом, поэтом Вячеславом Ивановым, находившемся в те дни в Баку, он избирается в состав комиссии по созданию «Дома печати»³². Верный своей гражданской, человеческой сущности, Городецкий продолжает энергично участвовать в общественно - литературной жизни Баку. «В буре бакинской работы, – писал он, – мое сознание окончательно перековалось»³³.

С точки зрения характеристики мировоззрений, творческих

²⁹ Там же, с. 62.

³⁰ С. Городецкий. Русские портреты. ..., с. 19.

³¹ А. Блок. Записные книжки. 1901 – 1920. М., 1965, с. 415.

³² Слово, 23. XII. 1920.

³³ Мой путь, с. 328.

исканий поэта этого периода примечательны его статьи, напечатанные в «Искусстве», особенно написанное от редакции программное слово, в котором отстаивается идея необходимости пролетарской трудовой поэзии: «Все силы современного искусства должны быть отданы на то, чтобы создать поэзию труда и в художественных образцах отразить и уяснить идеологию рабочего класса»³⁴.

Кстати, со страниц журнала «Искусство» Городецкий откликнулся на смерть Блока, написав: «В Петербурге скончался лучший лирик наших дней, поэт двух революций, Александр Блок, поэзия которого останется живой на долгие времена ... На грани двух миров стоит он, зоркий и печальный, проклиная прошлое и благословляя будущее»³⁵. К этим же дням относится и его стихотворение «Александру Блоку».

... В этот период, после возвращения из России в Баку и до середины 1921 г., Городецкий время от времени бывал в Тифлисе, встречался с русскими, армянскими, грузинскими литературными деятелями, выступал с докладами, организовывал вечера. Об одном из таких вечеров сохранилось интересное воспоминание Нино Табидзе – жены Т. Табидзе, где рассказывается следующее событие: однажды они в газете увидели объявление, что «в квартире у Тициана Табидзе Сергей Городецкий прочтет доклад о поэзии, и ужаснулись: какой доклад? – стульев четыре только! И что будет потом? Если даже часть публики разойдется, то оставшихся чем кормить? Денег не было вовсе, – Сергей Митрофанович объяснил, что и у него нет денег, а стулья можно собрать у соседей ... После доклада, который все-таки состоялся, – продолжает она, – все, кроме самых близких друзей, разошлись, но и друзей было ... много ... Выручил Ованес Туманян: он встал и пошел к дверям ... Вернулся он не один, с ним пришли муши с громадными корзинами. ... А в корзинах – закуски, вино, посуда... Сидели за столом до утра ...

³⁴ Искусство (Баку), 1921, № 2–3, с. 59.

³⁵ Там же, с. 57–58.

Ованес Туманян говорил о братстве народов»³⁶.

В воспоминаниях известного государственного, общественно-политического деятеля А. Микояна есть интересные сведения о деятельности тех лет Городецкого и других русских поэтов в Закавказье. Так, вспоминая свою встречу в декабре 1920 г. в Москве с М. Горьким, А. Луначарским, А. Енукидзе, Камо, Левой Шаумяном и др., на квартире супруги Ст. Шаумяна, А. Микоян писал, что во время беседы Горький обращался к нему с вопросом: « – Вы, кажется, недавно с Кавказа? Что там происходит в литературной жизни?

Откровенно говоря, – продолжает Микоян, – я смутился, так как ничего не мог ему ответить: мне тогда не приходилось близко сталкиваться с литераторами. Выручил Лева Шаумян, рассказав о Василии Каменском, Сергее Городецком, Рюрике Ивнине, с которыми он недавно встречался в Тифлисе, где тогда еще хозяйничали меньшевики. Шаумян говорил, что эти поэты часто выступают с лекциями, читают свои стихи – в общем, ведут себя очень достойно, и, судя по всему, настроены вполне просоветски»³⁷.

... После многолетней бурной деятельности в Закавказье в середине 1921 г. Городецкий окончательно переезжает в Москву, до конца жизни поддерживая теплые, сердечные отношения с Арменией, с армянскими деятелями литературы и искусства³⁸.

³⁶ Г. Цурикова. Тициан Табидзе. Жизнь и поэзия. Л., 1971, с. 141.

³⁷ А. И. Микоян. В Нижнем Новгороде. – Новый мир, 1972, № 9, с. 179. О деятельности Р. Ивнева в Закавказье см.: А. Закарян. Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914 – 1920), с. 202 – 204.

³⁸ См.: Ю. Даронян. Указ раб., с. 95 – 114.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В стихотворении «Братьям-армянам», написанном в 1941 г. и посвященном Ав. Исаакяну, С. Городецкий осмысливает героические страницы истории армянского народа:

*... За свои родные горы,
За озерные просторы
Вы не раз вступали в споры
С вражьей силой боевой.
Много есть, за что любить вас.
Но за вашу храбрость в битвах
Любим вас сильнее всего* (с. 16).

И впрямь, символично: русский поэт, очевидец тяжелейших испытаний, выпавших на долю братьев армян, превыше всего ценил в них отвагу, непокорность и негиблемость духа. «Не забыть мне Армении никогда, — писал Городецкий 10 февраля 1944 г., — и мечта моя — побывать еще на ее первозданных скалах, где так остро чувствуется связь человека с породившей его природой» (с. 187). Это мечта русского поэта — побывать в колыбели армянского народа — в Западной Армении, и поныне находящейся в плену Турции — мечта, лелеяемая и каждым армянином как наследником этой благословенной земли.

... Гуманитарная миссия С. Городецкого в Западной Армении, его литературно-культурная, общественно-политическая бескорыстная деятельность в Закавказье на благо армянского народа оставили в памяти поколений светлый образ подлинного друга армян в тяжелое для них время.

SERGEY GORODETSKY IN WESTERN
ARMENIA AND TRANSCAUCASIA
(1916 – 1921)

ANUSHAVAN ZAKARYAN

S u m m a r y

Among the representatives of Russian social-political, military, literary - cultural figures having displayed active work in Western Armenia and Transcaucasia during World War I and the following years, prominent poet, writer, publicist, translator and public figure Sergey M. Gorodetsky (1884 – 1967) deserves particular attention.

At the beginning of April 1916 the Russian poet was sent to Caucasian front as a figure of All - Russian Union of cities and a correspondent to “Russkoye Slovo”. On April 10 – 12 in the Tiflis department of the Union of cities he was appointed to work in Van. Just at that time Gorodetsky happened to get acquainted with famous Armenian poet Hovhannes Toumanyan. Acquaintance and growing intimacy with him predetermined the direction of his activities in Western Armenia. On April 20 Gorodetsky went to Van as a representative of the Union of cities from Atrpatakan region and displayed vigorous activities rescuing orphans. After the Russian army’s July retreat he was in Igdir, Bayazet, Tiflis and Yerevan. On the 22nd of September he again went to Van and till November of the same year took the place of the representative of the Union of cities there. The poet organized food - supply to population, medical assistance of refugees, saved from death and starvation hundreds of children, opened refuges.

Western Armenia – a “land of artistic life”, fascinating by its nature, ancient material and spiritual values, spirituality of internal

world of Armenians, won the poet just from the first days. Under direct impression of tragic reality, of what he had seen and gone through Gorodetsky wrote a large number of poems (headed "Songs of Paradise" and under the epigraph "Paradise in the Heaven and Van on the Earth"), articles and essays (under the general title "In the Country of Streams and Volcanos"), that were published in "Armyanskiy Vestnik", "Russkoye Slovo" and "Kavkazskoye Slovo". At the same time he was learning the Armenian language. The poet also painted a number of pictures, impressed by wonderful nature, architectural monuments of Western Armenia.

At the beginning of November Gorodetsky hurt his foot, and in connection with Russian army's retreat he left for Tiflis, and later, for the treatment of the foot - to Petersburg. In February 1917 he was again in Tiflis, from there he went to Iran, to the Army in the Field. These days, for the last third time he was in Van, that had become a kind of a sacred place for him. Events in Western Armenia gave birth to reappraisal of values in Russian poet's world outlook. Years later S. Gorodetsky noted that he considered his activities in Van one of the most important stages in his life.

From the spring of 1917 S. Gorodetsky lived in Tiflis, where he worked at the Conservatoire, giving lectures in aesthetics, at the same time headed the department of literature and art in the newspaper "Kavkazskoye Slovo", worked at "Theatrical Commission" by the executive committee of workers and soldiers. In Tiflis the poet displayed great activities and assisted cultural - enlightening development of the region, international education and rapprochement of the peoples of Russia. It must be particularly stressed that in 1918, besides numerous lectures and articles he organized exhibitions "Children's Art", "Van – Erzurum – Trebizond", published anthology "Eaglet of Paradise", edited journal "Ars". With Gorodetsky's direct participation journals "Nart", "Orion", "Raduga", newspaper "Noviy Den" were published in 1919.

These years S. Gorodetsky's activities were connected with created and headed by him "Artel of Poets". The Artel was one of the branches of "Artisterium" union, created at the end of March 1918 by the journal "Ars". Constituent meeting of Artel took place on April 12, 1918. The participants gathered every Wednesday, read their works, listened to interesting lectures on various literary subjects. Readings and discussions of A. Blok's works, especially of the poem "Twelve", and the meeting dedicated to Hovh. Toumanyanyan were especially interesting. On "Wednesdays" there were always a lot of people there: besides the participants there were also guests – professor of the Conservatoire F. Gartman, musician N. Cherepnin, Georgian poets T. Tabidze, P. Yashvili, V. Gaprindashvili, the Tiflis futurists headed by A. Kruchyonikh. There is interesting information about Hovh. Toumanyanyan's participation in these meetings. At the end of April 1919 by S. Gorodetsky's efforts the first collection of poems of the members of Artel under the name of "Akme" was published. The book included works of 22 poets. Overwhelming majority of poems included in the collection was distinguished by humanism, aspiration for kindness and beauty, mutual understanding and friendship between people: S. Gorodetsky's and Al. Kulebyakin's works, directed against war and violence, were singled out.

At the beginning of March 1918 poet's poems written by him in Western Armenia were published by a separate book – "Angel of Armenia", including also new works. At the same time in the Tiflis press he wrote a lot of artistic - critical articles about fine arts, in particular, dedicated to exhibitions of the Union of Armenian painters (1917 and 1919).

Living in Tiflis, Gorodetsky also got acquainted with Armenian culture, widely associated with Armenian intelligentsia, in particular, became good friends with Hovh. Toumanyanyan. In February - March 1919 the Russian poet took the most active part and direct participation in organizing the celebration of Hovh. Toumanyanyan's 50th jubilee and also in celebrating D. Varuzhan's,

Hovh. Abelyan's, N. Korganov's jubilees, dedicated an article to the memory of ashugh Jivani.

There wasn't a single question, touching upon vital interests of our people, that wasn't raised by Gorodetsky, not any notable event, that didn't have its reflection in his publicism. Permeated with great publicistic enthusiasm thematically integral articles ("An Answer to Hovhannes Toumanyant", "Rusty Feathers", "Pro Armenia", "New Wound", "Living Cemetery", "A Garland to Friends", "Disasters of Armenia", "Karabakh", "The Last Cry") and others are evidences of it.

These years the Russian poet visited different towns of Armenia and Georgia. By invitation of Yerevan "Literary - Artistic Society" on April 24, 1919 S. Gorodetsky came to Yerevan from Tiflis for a week. There on the 25th and 27th of April he gave lectures for the public of the town on the themes "Shades of Van" and "Modern Armenian Lyrics". On returning S. Gorodetsky printed series of essays "Travel to Erivan" in the newspaper "Kavkazskoye Slovo". Both the lectures he gave and the published series of essays testified to the great love and also devotion of the Russian poet to Armenian culture and people.

At the beginning of July 1919 S. Gorodetsky left for Batumi. His talk on "The Art of Future and Woman" was organized by the "Society of Artists". On July 14 the Russian poet gave a talk on "The Armenian Question" in the hall of Public meeting. This talk, the initiator of which was Armenian club was planned to be organized in Trebizond, too. In the course of days of S. Gorodetsky's stay in Batumi Armenian publishing-house of the town prepared for publication edited by him literary collection in Russian "Jeyran" ("Gazelle"). The collection was published at the end of September.

At the beginning of October of the same year Gorodetsky moved to Baku. There he established close links with representatives of the Armenian community. Living in Baku, the Russian

poet visited Tiflis from time to time, associated with Armenian figures of literature and art.

In the mid 1921s S. Gorodetsky moved to Moscow, however, till the end of his life he was on warm, hearty terms with the representatives of creative intelligentsia of Armenia.

By all his activities S. Gorodetsky left a good name of a true friend of Armenians in grateful memories of generations in hard times for them.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы архивов

- Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, Ереван, архив
С. Городецкого, № 5, 39, 50, 52, 53, 57 – 73, 82, 83, 85
Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, Ереван, ф. Ов.
Туманяна, № 297, 1287, 1295, 1298, 1299, 1305, 1779
Музей литературы и искусства им. Е. Чаренца, Ереван, ф. А.
Чопаняна, № 2191
Музей Ов. Туманяна, Ереван, семейный архив Туманянов

2. Периодическая печать

а) Газеты

- Айастан и апхатавор (Труженик Армении), Ереван, 1919 (на арм.
яз.)
Арач (Вперед), Тифлис, 1919 (на арм. яз.)
Арач (Вперед), Ереван, 1919 – 1920 (на арм. яз.)
Арев (Солнце), Баку, 1916 (на арм. яз.)
Апхатанк (Труд), Ереван, 1916, 1919 (на арм. яз.)
Бакви дзайн (Голос Баку), 1913 (на арм. яз.)
Возрождение, Тифлис, 1917–1918
Гракан терт (Литературная газета), Ереван, 1959 (на арм. яз.)
Жоговурд (Народ), Ереван, 1919 (на арм. яз.)
Закавказское слово, Тифлис, 1919
Кавказское слово, Тифлис, 1916 – 1919
Мшак (Труженик), Тифлис, 1916, 1919 (на арм. яз.)

Наше время, Баку, 1919 – 1920
Новый день, Тифлис, 1919
Нор апхатавор (Новый труженик), Тифлис, 1919 (на арм. яз.)
Оризон (Горизонт), Тифлис, 1916 – 1918 (на арм. яз.)
Понедельник, Баку, 1920
Республика, Тифлис, 1918
Речь, Тифлис, 1917–1918
Русское слово, М., 1916
Слово, Тифлис, 1919 – 1920
Тифлисский листок, Тифлис, 1918

б) Журналы

Анаит, Париж, 1929 (на арм. яз.)
Армянский вестник, М., 1916 – 1918
Ars, Тифлис, 1918
Вестник Ереванского университета, Ереван, 2002 – 2003 (на арм. и рус. яз.)
Вестник общественных наук АН АрмССР / НАН РА, Ереван, 1981 – 1984, 1988, 1990, 2006 (на арм. и рус. яз.)
Вопросы истории и историографии Геноцида армян, Ереван, 2002 (на арм. и рус. яз.)
Вопросы литературы, М., 2014
Искусство, Баку, 1921
Историко-филологический журнал АН АрмССР / НАН РА, Ереван, 1974, 1978, 1981, 1989, 2008, 2014 (на арм. и рус. яз.)
Кавказская рампа, Тифлис, 1918
Литературная Армения, Ереван, 1959, 1961, 1964, 1970, 1971, 1978
Литературная Грузия, Тбилиси, 1978
Литературный Азербайджан, Баку, 1964
Нарт, Тифлис, 1919
Новый мир, М., 1972
Орион, Тифлис, 1919
Райский орленок, Тифлис, 1918

3. Литература

а) Книги, сборники

- Акмэ. Первый сборник тифлисского Цеха поэтов. Тифлис, 1919
- Амирханян М. Д. Русская поэзия и Ван. 2825. Ереван, 2002
- Армянский вопрос. Энциклопедия. Ереван, 1991
- Бебутов Г. Без срока давности. Статьи и очерки. Тбилиси, 1979
- Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965
- Галоян Г. А. Октябрьская революция и возрождение народов Закавказья. М., 1977
- Галоян Г. Армения и великие державы 1917–1923 гг. Ереван, 1999 (на арм. яз.)
- Ганалаян О. Армения в творчестве русских поэтов. Ереван, 1988
- Гарибджанян Г. Б. Армения и Россия. Начало и развитие армяно-русских отношений. X–XIX вв. Ереван, 1993
- Городецкий С. Ангел Армении. Стихотворения. Тифлис, 1918
- Городецкий С. Альпий смерч. М. – Л., 1929
- Городецкий С. Стихотворения и поэмы. Л., 1974
- Городецкий С. Об Армении и армянской культуре / Под ред. и с предисл. акад. АН АрмССР Г. Б. Гарибджаняна. Сост., вступ. статья и комм. И. Р. Сафразбекян. Ереван, 1974
- Городецкий С. Русские портреты. Воспоминания о Блоке, Есенине, Лядове. М., 1978
- Городецкий С. Последний крик. Стихи и проза / Сост., предисл. и примеч. И. Сафразбекян. Ереван, 2010
- Даронян Ю. Сергей Городецкий и Армения. Ереван, 1985
- Джейран. Батуми, 1919
- Дружба. Статьи, очерки, исследования, воспоминания, письма об армяно-русских связях / Сост. и авт. вступит. очерка А. Арзуманян. Кн. 1. Ереван, 1960
- Закарян А. Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914–1920). Ереван, 1984 (на арм. яз.)

- Закарян А.* Русские литераторы и армянская действительность (10-е гг. XX в.). Ереван, 1994
- Закарян А.* Александр Кулебякин и Армения. Ереван, 2003
- Закарян А.* Трагедия армянского народа в оценке русских литераторов. Ереван, 2003
- Закарян А.* Из публицистического наследия Ширванзаде (1914 – 1919 гг.). Ереван, 2006 (на арм. яз.)
- Закарян А.* Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье. Ереван, 2010 (на арм. яз.)
- Закарян А.* Тифлисский «Цех поэтов» Сергея Городецкого и сборник «Акмэ». Ереван, 2011
- Закарян А.* Тифлисские дни Ильи Эренбурга. Ереван, 2012 (на арм. и рус. языках)
- Закарян А.* Западноармянская действительность в оценке русского публициста Т. Ольгенина. Ереван, 2014 (на арм. яз.)
- Зорян Ст.* Книга воспоминаний. Ереван, 1958 (на арм. яз.)
- Исаакян Ав.* Собр. соч. в 6-и т., т. 5. Ереван, 1977 (на арм. яз.)
- Кулебякин Ал.* Дверь Мехера. Отзвуки Вана. [Тифлис]: Изд. Армянского комитета «Верапинупюн», [1917]
- Литературное наследство, т. 74. Из творческого наследия советских писателей. М., 1965
- Литературное наследство, т. 92. В четырех книгах. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга вторая. М., 1981
- Личная библиотека Ованеса Туманяна в Ереване. Библиографическое описание, кн. 2. Книги на русском языке, ч. 1. А–М. Ереван, 1989
- Мелконян А. А.* Джавахк в XIX веке и в первой четверти XX века. Ереван, 2003 (на арм. яз.)
- Никольская Т.* «Фантастический город». Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917 – 1921). М., 2000
- Никольская Т.* Авангард и окрестности. СПб., 2002
- Переписка семьи Туманяна / Сост. и комм. И. Сафразбекян. Ереван, 2002 (на арм. яз.)
- Погосян Р.* Эхо. Ереван, 1973 (на арм. яз.)

- Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М., 1896
- Поэзия Армении. В переводах и оценке В. Я. Брюсова / Под ред. и с предисл. д-ра-проф. О. Т. Ганалаяна. Ереван, 1963
- Сардарян К.* Армяно-грузинские отношения в 1918 – 1921 гг. Ереван, 2002 (на арм. яз.)
- Сатина Е. А.* Воспоминания. Тбилиси, 1965
- Табидзе Т.* Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964
- Тавишвили Г.* Анна Антоновская. Тбилиси, 1958
- Терьян В.* Собр. соч. в 3-х т., т. 3. Ереван, 1963 (на арм. яз.)
- Терьян В.* Собр. соч. в 4-х т., т. 4. Ереван, 1979 (на арм. яз.)
- Туманян Н.* Ованес Туманян и русская литература. Ереван, 1956 (на арм. яз.)
- Туманян Н.* Воспоминания и беседы. Ереван, 1969 (на арм. яз.)
- Туманян Ов.* Избр. соч. / Под ред. М. Шагинян. Ереван – М., 1950
- Туманян Ов.* О России и русской культуре. Статьи и письма. Ереван, 1969
- Туманян Ов.* Полн. собр. соч. в 10-и т., т. 7. Ереван, 1995 (на арм. яз.)
- Туманян Ов.* Полн. собр. соч. в 10-и т., т. 9. Ереван, 1997 (на арм. яз.)
- Туманян Ов.* Полн. собр. соч. в 10-и т., т. 10. Ереван, 1999 (на арм. яз.)
- Туманян в воспоминаниях современников. Ереван, 1969 (на арм. яз.)
- Цурикова Г.* Тициан Табидзе. Жизнь и поэзия. Л., 1971
- Чаренц Е.* Стихотворения и поэмы. Л., 1973
- Чопанян А.* Письма. Ереван, 1980 (на арм. яз.)
- Шахазиз Е.* Старый Ереван. Ереван, 1931 (на арм. яз.)
- Эренбург И.* Люди, годы, жизнь, кн. 1 и 2. М., 1961

б) Статьи

- Айвазян К. В.* Пушкин в Армении (к 175-летию со дня рождения). – Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1974, № 1, с. 3 – 19 (на арм. яз.)
- Амирханян М.* Армения в русской литературе накануне Октябрьской революции. – Литературная Армения, 1978, № 10, с. 93 – 102
- Арзуманян А.* Встречи с Сергеем Городецким. – Гракан терт, 1959, 10 апреля (на арм. яз.)
- Багдасарян Ю.* Замечания. III, IV, V, VI. Армяне и русская литература. – Оризон, 1916, 29 октября; 13 ноября; 20 ноября; 27 ноября
- Гордеев Д.* Артистериум. – Ars, 1918, № 2 –3
- Городецкий С.* Открытое письмо Ов. Туманяну. – Кавказское слово, 1918, 10 января
- Городецкий С.* Ржавые перья. – Кавказское слово, 1918, 20 января
- Городецкий С.* Pro Armenia. – Кавказское слово, 1918, 25 июля
- Городецкий С.* Новая рана. – Кавказское слово, 1918, 29 августа
- Городецкий С.* Живое кладбище. – Кавказское слово, 1918, 8 ноября
- Городецкий С.* Немножко зубрологии. – Кавказское слово, 1918, 30 (17) ноября
- Городецкий С.* Венок друзьям. – Кавказское слово, 1918, 8 (25) декабря
- Городецкий С.* Бедствия Армении. – Кавказское слово, 1919, 4 февраля
- Городецкий С.* Карабах. – Кавказское слово, 1919, 23 марта
- Городецкий С.* Типе пешего. – Кавказское слово, 1919, 8 мая
- Городецкий С.* Оживающий город. – Кавказское слово, 1919, 11 мая
- Городецкий С.* № 35. – Кавказское слово, 1919, 18 мая
- Городецкий С.* Последний крик. – Кавказское слово, 1919, 28 августа

- Городецкий С. М.* Мой путь. – В кн.: Советские писатели. Автобиографии. В 2-х т., т. 1. М., 1959, с. 320 – 331
- Девит В.* Алая нефть. – Литературный Азербайджан, 1964, № 1, с. 107–109
- Закарян А.* Сергей Городецкий в Ереване (апрель 1919 г.). – Вестник общественных наук АН АрмССР, 1981, № 6, с. 53 – 64 (на арм. яз.)
- Закарян А.* Деятельность Сергея Городецкого в Западной Армении. – Вестник общественных наук АН АрмССР, 1982, № 8, с. 37– 46 (на арм. яз.)
- Закарян А.* Основанный С. Городецким в Тифлисе «Цех поэтов» и его сборник «Акмэ». – Вестник общественных наук АН АрмССР, 1982, № 12, с. 44 – 56 (на арм. яз.)
- Закарян А.* Василий Каменский в Закавказье и армянская литературная жизнь. – Вестник общественных наук АН АрмССР, 1983, № 7, с. 14 – 24 (на арм. яз.)
- Закарян А.* Сергей Городецкий в Закавказье и армянская литературная жизнь (1916 – 1921). – Вестник общественных наук АН АрмССР, 1984, № 2, с. 22 – 33 (на арм. яз.)
- Закарян А.* Русские писатели в Закавказье и армянская литературная жизнь (1914 – 1920). – Вестник общественных наук АН АрмССР, 1984, № 8, с. 25 – 35 (на арм. яз.)
- Закарян А., Харатян А.* Малоизвестная статья С. Городецкого о Карабахе. – Вестник общественных наук АН АрмССР, 1988, № 5, с. 73 – 75
- Закарян А. А.* Русский публицист Т. Ольгенин об Армении и Армянском вопросе. – Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1989, № 4, с. 66 – 84 (на арм. яз.)
- Закарян А. А.* Армянская действительность и русские литературные деятели (10-е годы XX века). – Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1990, № 2, с. 78 – 88
- Закарян А. А.* Армения и армяне в статьях С. Городецкого. – Вестник общественных наук АН АрмССР, 1990, № 8, с. 80 – 93
- Закарян А. А.* Русские литературные деятели об Армянском воп-

- росе и о Геноциде армян (10-е годы XX века). – Вестник Ереванского университета, 2003, № 1, с. 63 – 73
- Закарян А.* Армения и Армянский вопрос в публицистике Сергея Городецкого. – Историко-филологический журнал НАН РА, 2003, № 1, с. 89 – 106
- Закарян А. А.* Литературоведческие взгляды Сергея Городецкого. – Вестник общественных наук НАН РА, 2006, № 1, с. 98 – 105
- Закарян А.* Деятельность тифлисского «Цеха поэтов». – Историко-филологический журнал НАН РА, 2011, № 2, с. 113 – 130
- Закарян А.* К истории создания стихотворения Лермонтова «Сон». – Вопросы литературы, 2014, № 6, с. 318 – 324; Историко-филологический журнал НАН РА, 2014, № 2, с. 187–191
- Казарян Р.* Мамикон Геворкян. – Историко-филологический журнал НАН РА, 2008, № 3, с. 295 – 302 (на арм. яз.)
- Ключковский Б. (В. Катанян).* История превращения Тифлиса в Париж. – Искусство, 1919, № 2, 27 октября
- Крусанов А. Т. Л. Никольская.* Авангард и окрестности. СПб., 2002. – Новая русская Книга, 2002, № 1. – <http://magazines.russ.ru/nrk/2002/1/krus4.html>
- Машинский С.* Путь поэта. – В кн.: Городецкий С. Стихи. М., 1964, с. 3 – 36
- Машинский С.* Сергей Городецкий. – В кн.: Городецкий С. Стихотворения и поэмы. Л., 1974, с. 5 – 52
- Микоян А. И.* В Нижнем Новгороде. – Новый мир, 1972, № 9, с. 170 – 209
- Нерсисян М., Арутюнян А., Мурадян Д.* Материалы о генерале Андранике. – Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1981, № 4, с. 242 – 248
- Никольская Т. С.* Городецкий и его «Цех поэтов». – Никольская Т. «Фантастический город». Русская культурная жизнь в Тбилиси (1917 – 1921). М., 2000, с. 134 – 147
- Ованесян С.* Юбилей Ованеса Туманяна в 1919 г. – В кн.: Туманян. Исследования и публикации. 5. Ереван, 1998, с. 125 – 143 (на арм. яз.).

- Погосян Р.* Незабываемые встречи. – Литературная Армения, 1959, № 1, с. 167 – 170
- Погосян Р.* Старейший мастер «Цеха поэтов». – Литературная Армения, 1964, № 3, с. 64 – 68
- Пруссак В. С.* Городецкий. «Ангел Армении» (реп.). – Ars, 1918, № 2–3, с. 71
- Робакидзе Г.* Грузинский модернизм. – Ars, 1918, № 1, с. 46 – 52
- Саринян С. Н.* Туманян и вопрос русской ориентации армянского народа. – Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1978, № 3, с. 87 – 97 (на арм. яз.)
- Сафразбекян И. Ов.* Туманян и С. Городецкий (по следам неопубликованных писем). – Литературная Армения, 1970, № 7, с. 83 – 87
- Торосян Ш. А.* Из истории армяно-грузинских отношений (беженство ахалкалакских армян 1918 года). – Вестник Ереванского университета, 2002, № 1, с. 141 – 147 (на арм. яз.)
- Тунян В.* Армянский Геноцид и русская пресса: 1915 – 1917 гг. – Вопросы истории и историографии Геноцида армян, 2002, № 6, с. 52 – 60
- Элизбарашвили Н. С. М.* Городецкий – художественный критик. – Литературная Грузия, 1978, № 9, с. 125 – 133

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

АБАШИДЗЕ В. – 167
АБЕГЯН М. – 151
АБЕЛЯН ОВ. – 151, 159, 165
АБОВ Г. – 140, 148
АГАРОНЯН ВАРДГЕС – 125
АГАЯН М. – 160
АГБАЛЯН Н. – 13, 151
АГНИВЦЕВ Н. Я. – 68
АДАМ – 16
АЗИМ-ЗАДЕ (ХУДОЖНИК) – 203
АЙВАЗЯН К. В. – 30
АКОП – 189
АЛЕКСЕЕВНА АННА, см.: БЕЛ-КОНЬ-
ЛЮБОМИРСКАЯ Н.
АМБАРЦУМЯН К. – 23, 122, 124, 125
АМИРОВ И. Т. – 128
АМИРХАНИЯН М. – 26, 77, 85
АНАИТ – 94
АНАНОВ В. – 44
АНДЕРСЕН Х. К. – 199
АНДРАНИК, см.: ОЗАНЯН АНДРАНИК
АНТОНОВСКАЯ АННА – 42–44, 51, 57,
60 – 62, 198
АРА (ПРЕКРАСНЫЙ) – 174, 175
АРАКЕЛЯН В. – 160
АРАМ ПАША (МАНУКЯН) – 128
АРГИШТИ (ЦАРЬ) – 93, 168
АРЗУМАНЯН А. – 28, 45
АРСЕНАШВИЛИ А. – 46
АРТАВАЗД, АРТИК, см.: ТУМАНЯН
АРТАВАЗД
АРУТЮНЯН А. – 173
АСИЛЬЯНЦ РИПСИМЕ, см.: ПОГОСЯН
РИПСИМЕ
АТАНАСЯН А. – 13
АХИКЯН В. – 98
АХТАМАР – 174

АШЕШОВ Н. – 34
АШХАРУМЯН ЛИЛЯ – 41

Б

БАГДАСАРЯН Ю. – 86
БАЖБЕУК-МЕЛИКЯН А. – 45, 46
БАЛЬМОНТ К. – 54, 142, 147, 150, 161
БАММЕЛЬ ГРИГОРИЙ – 60, 62, 78, 83
БАРАТАШВИЛИ Н. – 44
БАРБЮС А. – 201
БАРХУДАР – 165
БЕБУТОВ Г. – 192, 193
БЕКЗАДЯН Т. А. – 118
БЕЛ-КОНЬ-ЛЮБОМИРСКАЯ Н. – 42,
44, 56, 57, 60, 62, 64, 156 – 158, 160
БЕЛИНСКИЙ В. Г. – 152
БЕНДИЦКИЙ Н. – 49, 51
БЕСИКИ (ГАБАШВИЛИ Б.) – 147
БЛОК АЛЕКСАНДР – 7, 22, 47, 49, 52,
53, 143 – 145, 149, 176, 190, 196, 204 –
206
БОБРИНСКИЙ – 118
БОДЛЕР Ш. – 142, 143, 147, 176
БРЮСОВ ВАЛЕРИЙ – 7, 9, 13, 23, 28, 29,
72, 73, 121, 142, 143, 161, 163
БУРЛЮК Д. – 139, 148
БУРЦОВ И. Г. – 29

В

ВАГАРШАК – 94
ВАЛИШЕВСКИЙ С. – 192, 193
ВАРТАНЯН – 122, 124, 125
ВАРУЖАН ДАНИЕЛ – 34, 137, 162–165,
177–179, 191, 192
ВАСИЛЬЕВ А. К. – 9
ВАСИЛЬЕВА Н. – 57
ВЕРЛЕН П. – 140, 142–144, 146, 147, 176
ВЕРХАРН Э. – 142–144, 147

ВЕЧОРКА Т. (ТОЛСТАЯ Т. В.) – 200

ВИЛЬСОН В. – 120

ВОВА, см.: ОПОЧИНИН В.

ВОДОВОЗОВ В. – 34

ВОЗНЕСЕНСКИЙ АЛ. – 34

ВОЛОШИН М. – 144

ВОЛЬХОВСКИЙ В. Д. – 29

ВОРОНОВ (ГЕНЕРАЛ) – 19

ВРУБЕЛЬ М. А. – 70, 99

ВУД – 183

Г

ГАБАЕВ СТЕПАН – 99

ГАЙФЕДЖЯН В. – 98, 99

ГАЛОЯН Г. – 105

ГНАЛАЛАНЯН О. – 77, 86, 151, 162

ГАПРИНДАШВИЛИ В. – 46, 55, 203

ГАРЕГИН ВАРДАПЕТ (ОВСЕПЯН Г.) – 13

ГАРИБДЖАНИЯН Г. Б. – 7

ГАРТМАН ФОМА – 55, 56, 167, 186 – 189

ГАШ И. – 191, 192

ГЕВОРКЯН М. А. – 151, 198

ГЕВОРКЯН ТОРГОМ – 172

ГЕЙНЕ Г. – 176

ГЕРАСИМЯН ЭММА – 41

ГЕРБСМАН АЛЕКСАНДР – 60, 62

ГИББОН (МАЙОР) – 172

ГЛАДСТОН В. – 31

ГОГОЛЬ Н. В. – 18, 152

ГОРДЕЕВ Д. – 47

ГОРОДЕЦКИЙ СЕРГЕЙ

ГОРОДЕЦКАЯ Н. А., см.: БЕЛ-КОНЬ-ЛЮБОМИРСКАЯ Н.

ГОРЬКИЙ МАКСИМ – 9, 18, 54, 97, 121, 207

ГОТЬЕ ТЕОФИЛЬ – 144

ГРАЦИАНСКАЯ НИНА – 60, 62

ГРИБОЕДОВ А. – 168

ГРИШАШВИЛИ ИОСИФ – 57, 160, 161, 199

ГУДИАШВИЛИ В. (Л.) – 45, 46, 79, 199

ГУМИЛЕВ Н. – 49, 144

ГУМИЛЕВСКИЙ – 205

ГУЧКОВ А. И. – 34

ГЮРДЖЯН Г. – 97

Д

ДАВИД САСУНСКИЙ – 72, 78

ДАВЫДОВА Д. – 184

ДАНЦИГЕР ЮРИЙ – 56, 60, 62, 69, 78, 158

ДАРОНЯН Ю. – 86, 91, 95, 96, 151, 207

ДЕВИТ В. – 201

ДЕГЕН ЮРИЙ – 44, 45, 49, 57, 192, 200

ДЕ - КАПРЕЛЕВИЧ МАГДАЛИНА – 60, 62

ДЕМИРЧЯН ДЕРЕНИК – 13, 151

ДЕРЖАВИН Г. – 143

ДЖАПАРИДЗЕ Л. – 203

ДЖИВАНИ – 165, 166

ДИЛЛОН ЭМ. – 30, 31

ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. – 18, 142, 170

Е

ЕВРЕИНОВ Н. – 184, 196

ЕНУКИДЗЕ А. – 207

ЕРМАК – 66

ЕСАЯН ЗАПЕЛ – 19

ЕСЕНИН С. – 204

ЕСИКОВСКИЙ – 66

Ж

ЖОРДАНИЯ Н. – 197, 199

ЖУКОВСКИЙ В. А. – 143

З

ЗАКАРЯН А. А. (АНУШАВАН) – 33, 34, 61, 67, 69, 83, 102, 110, 139, 141, 196, 207

ЗАРИФЯН М. – 151

ЗДАНЕВИЧ ИЛЬЯ – 79, 80

ЗДАНЕВИЧ КИРИЛЛ – 51

ЗЕЙЛИГЕР А. В. – 169

ЗЕЛЕНСКИЙ К. – 50

ЗЕНКЕВИЧ – 144

ЗОГРАБ ГРИГОР – 34
ЗОРЯН СТ. – 162, 165, 178, 179
ЗОТА ВАСИЛИЙ – 51, 57, 60, 62, 65,
78, 197

И

ИБСЕН Г. – 54
ИВАНОВ ВЯЧЕСЛАВ – 7, 142, 205
ИВНЕВ РЮРИК (КОВАЛЕВ М. А.) – 207
ИГУМНОВ К. Н. – 198
ИОАННИСЯН Т. – 163
ИСААКЯН АВЕТИК – 7, 145, 175 –177,
208

К

КАЗАРЯН Р. – 198
КАЛАНТАР Л. – 165
КАМАЕВА ОЛЬГА – 60, 62, 78
КАМЕНСКИЙ ВАСИЛИЙ – 54, 66, 67,
139, 146, 148, 184, 195, 196, 207
КАМО – 207
КАПРАНОВ НИКОЛАЙ – 60, 62, 65, 78
КАРА-ДАРВИШ (ГЕНДЖЯН А.) – 139,
148
КАРА-МУРЗА В. – 57, 58
КАТАНЯН В. (КЛОЧКОВСКИЙ Б.) – 57,
58, 79, 140
КЕДРОВ С. М. – 28
КЕПИНОВ ГРИГОР – 98
КЕРЕНСКИЙ А. – 104
КЕРН М. – 41, 42
КЛЮЕВ Н. – 153
КОМИТАС – 160, 185–189
КОРГАНОВ НЕРСЕС – 166
КОРНЕЕВ Б. – 192, 193
КОРОЛЕНКО В. – 54
КОРОНА С. – 51
КОЧЕРГИН – 203
КРУПЕНСКИЙ – 118
КРУСАНОВ А. – 48
КРУЧЕНЫХ А. – 46, 51, 55, 200
КРЮКОВ Ф. – 34

КУЛЕБЯКИН АЛ. – 34, 44, 49, 54, 56, 57,
60, 62, 71–78, 80 – 83, 158, 160, 191,
192

Л

ЛАЗАРЕВ (ГЕНЕРАЛ) – 128
ЛЕВИЕН Н. – 184
ЛЕДНИК – 184
ЛЕНИН В. И. – 103, 104, 115
ЛЕО – 128, 159, 162
ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ – 101, 196
ЛЕРМОНТОВ М. Ю. – 18, 152, 176, 196,
197
ЛИМБАХ ИВАН – 48
ЛИР (КОРОЛЬ) – 165
ЛУНАЧАРСКИЙ А. – 85, 201, 207
ЛЬВОВ ЯК. – 50, 51
ЛЯДОВ М. Н. – 204

М

МАЙЯ – 57, 60, 62
МАКАШВИЛИ Н., см.: ТАБИДЗЕ НИНО
МАКИНЦЯН ПОГОС – 23
МАЛЕНЬКИЙ МЕХЕР (МГЕР, МХЕР) –
72, 175
МАНДЕЛЬШТАМ О. Э. – 144
МАР С. – 46
МАРР Н. – 95
МАШИНСКИЙ С. – 55
МАЯКОВСКИЙ ВЛАДИМИР – 57, 139,
140, 146, 148, 192
МЕЛИКОВА СОФЬЯ – 57, 60, 62
МЕЛИКЯН СП. – 188
МЕЛКОНЯН А. А. – 116
МЕЛЬНИКОВА С. – 79
МЕНЬШИКОВ – 118
МЕРКУРОВ П. Д. – 197, 199
МЕТЕРЛИНК М. – 137, 170
МИКАЭЛЯН КАРЕН – 23
МИКОЯН А. – 207
МИРИМАНЯН И. – 184
МОНФОР – 64
МОСЯН – 94

МУРАДЯН Д. – 173
МУСОРГСКИЙ М. – 196

Н

НАДИРАДЗЕ К. – 203
НАЗАРЯН Т. – 66, 165
НАКАШИДЗЕ И. – 152
НАРБУТ В. И. – 144
НЕВТОНОВА ВЕРА – 41
НЕЙГАУЗ Г. Г. – 198
НЕКРАСОВ Н. А. – 18, 38, 59, 72, 153
НЕРСИСЯН М. – 173
НИКИТИН И. С. – 38, 143
НИКОЛЬСКАЯ ТАТЬЯНА – 48, 49, 51,
59, 71, 80, 86, 139, 141, 195, 197, 198
НИМФА, см.: БЕЛ-КОНЬ-
ЛЮБОМИРСКАЯ Н.
НОЙ – 198

О

ОБРАЗЦОВ КОНСТАНТИН – 60, 62
ОВАНЕС ФАДДЕЕВИЧ, см.: ТУМАНЯН
ОВАНЕС
ОВАНЕСЯН С. – 55
ОЗАНЯН АНДРАНИК – 97, 98, 112, 124,
132, 172, 173
ОЛЬГЕНИН Т. (АНТУАН
БЕРЕЗОВСКИЙ-ОЛЬГИНСКИЙ) –
32, 33
О. М. – 133
ОПОЧИНИН В. – 118, 119, 121
ОРБЕЛИ И. – 95
ОТЕЛЛО – 119

П

ПАОЛО, см.: ЯШВИЛИ ПАОЛО
ПАПАЗЯН В. – 162
ПАРУНАКЯН ХАЧАТУР – 41
ПАТКАНЯН Р. – 81
ПАХЧАН – 94
ПЕТРАКОВСКИЙ А. – 44
ПИСАРЕВ Д. – 54
ПЛЕХАНОВ Г. – 104

ПЛЕХАНОВЫ – 198
ПОГОСЯН РИПСИМЕ – 10, 50, 52, 55 –
57, 60 – 62, 67, 68, 78, 148, 199
ПОЛОНСКИЙ ВЯЧ. – 34
ПОЛЯКОВ С. – 34
ПОЯРКОВА ТАТЬЯНА – 60, 62, 63, 78
ПРОЗОРОВСКИЙ Б. – 185
ПРУССАК ВЛАДИМИР – 49, 60, 62, 86,
91, 92, 205
ПУАДЕБАР – 183
ПУГАЧЕВ Е. И. – 66
ПУШКИН АЛЕКСАНДР – 18, 29, 30, 59,
72, 142, 143, 152, 196
ПУЩИН М. И. – 29
ПШАВЕЛА ВАЖА – 147
ПШИБЫШЕВСКИЙ С. – 170

Р

РАДИКЕ АЛЕКСАНДР – 60, 62
РАЕВСКИЙ Н. Н. – 29
РАСПЛЮЕВ – 165
РАФАЛОВИЧ СЕРГЕЙ – 60, 62, 68, 69,
198
РАФФИ – 81
РЕЙСНЕР Л. – 204
РЕМБО А. – 147
РЕМИЗОВ А. – 47
РЕПИН И. – 22, 54
РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Н. – 47
РОБАКИДЗЕ ГРИГОРИЙ – 44, 46, 49–51,
79, 80, 83, 146, 147, 152, 170, 184, 196,
200, 203
РУССО А. – 82
РУСТАВЕЛИ ШОТА – 39, 54, 68, 147,
150, 199
РЯБОВ Б. – 41, 42, 44, 91

С

СААКОВ – 94
СААКЯН АВЕТИК – 131, 182
СААКЯН САКО – 128
САДЫКОВ А. – 44, 200
САНАВАЛЛАТ – 64

САПОЖНИКОВ ВЛАДИМИР – 60, 62
 САРАДЖЕВА – 184
 САРДАРЯН К. – 161
 САРИНЯН С. Н. – 106
 САРЬЯН ЛУСИК – 12
 САРЬЯН МАРТИРОС – 12, 98, 99, 151
 САТИНА Е. А. – 185
 САФРАЗБЕКЯН И. Р. – 7, 12, 23, 26, 35, 86, 151
 САЯТ-НОВА – 68, 160, 161, 165, 185
 СВАРОГ – 64
 СЕВЕРОВ Н. – 41, 42
 СЕВЕРЯНИН И. – 139–141
 СЕВУМЯН О. – 151, 165
 СЕЛИХАНОВИЧ А. – 108
 СЕМЕЙКО НИКОЛАЙ – 52, 60, 62
 СЕМЕНОВ Ю. – 109
 СЕМИРАМИДА – 93, 174, 175
 СЕМИЧЕВ Н. Н. – 29
 СЕРГЕЕВ (СКУЛЬПТОР) – 203
 СЕРЕБРЯКОВА МАРГАРИТА – 41
 СИАМАНТО – 34
 СКРЯБИН А. Н. – 70
 СОЛОВЬЕВ ВЛ. – 142
 СОЛОГУБ Ф. – 54, 143
 СОРИН С. – 199
 СОРОКИН Т. – 109
 СПАНИОЛИ – 169
 СТАЛИН И. – 104
 СТЕНЬКА РАЗИН – 65–67
 СУДЕЙКИН СЕРГЕЙ – 156, 199
 СУЛАМИТА – 64
 СУРЕНЯНЦ В. – 151
 СУРХАТЯН АРУТЮН – 16, 53
 СУХОРУКОВ В. Д. – 29

Т

ТАБИДЗЕ НИНО – 79, 206
 ТАБИДЗЕ ТИЦИАН – 11, 46, 55, 57, 79, 146–148, 152, 199, 203, 206, 207
 ТАВЗИШВИЛИ Г. – 43, 46
 ТАРУМЯН ТИГР. – 184

ТАТЕВОСЯН Е. – 98, 100, 151, 188
 ТЕМБЕРЛЕ – 183
 ТЕР-АРАКЕЛЯН В. – 188
 ТЕР-ГРИГОРЯН Н. – 104
 ТЕР-ТАТЕВОСЯН О. – 98–100
 ТЕРЬЯН ВААН – 23, 104, 145, 147, 176, 177
 ТИГРАНЯН А. – 151, 177
 ТИГРАНЯН АРМЕНУИ – 22
 ТИЗЕНГАУЗЕН В. – 52
 ТОЛСТАЯ АЛЕКСАНДРА – 34
 ТОЛСТОЙ ЛЕВ – 18, 34, 152
 ТОМСОН (ГЕНЕРАЛ) – 171, 184
 ТОРАМАНЯН Т. – 175
 ТОРОСЯН Ш. А. – 116
 ТУМАНЯН АРТАВАЗД – 12, 17–19, 23, 77, 122–125, 150
 ТУМАНЯН НВАРД – 19, 22, 57, 152, 156, 159, 160, 187, 203
 ТУМАНЯН ОВАНЕС ФАДДЕЕВИЧ – 7, 9–13, 15, 17–19, 21, 23, 37, 44, 55–57, 72, 73, 77, 83, 86, 96, 105–110, 122, 124, 125, 137, 145, 146, 149–162, 165, 171, 173, 177–179, 185–189, 191, 192, 199–203, 206, 207
 ТУМАНЯН ОЛЫГА – 12
 ТУНЯН В. – 104
 ТУРГЕНЕВ И. С. – 18, 54, 152, 153
 ТЫРКОВА А. (ВЕРГЕЖСКИЙ А.) – 34
 ТЮТЧЕВ Ф. И. – 142

У

УАЙЛЬД ОСКАР – 176

Ф

ФЕДОРЫЧЕВ ИВАН – 54, 59
 ФОФАНОВ К. М. – 141

Х

ХАЙЯМ ОМАР – 44
 ХАРАЗОВ Г. А. – 78–80
 ХАТИСЯН АЛ. – 137
 ХАЧАТУРЯН С. – 98–100

-
- ХОДЖАБЕКЯН В. – 46
 ХОДОТОВ Н. Н. – 68
 ХОМЯКОВ А. С. – 15
 ХРИСТОС – 53, 175
- Ц
 ЦАТУРЬЯН А. – 185
 ЦЕРЕТЕЛИ АКАКИЙ – 39
 ЦУРИКОВА Г. – 207
- Ч
 ЧАЙКОВСКИЙ П. – 54
 ЧАРЕНЦ ЕГИШЕ – 13, 16, 42, 81, 82, 91,
 140, 147, 148, 171
 ЧАЧИКОВ А. – 78
 ЧЕРЕПНИН АЛЕКСАНДР – 56, 184
 ЧЕРЕПНИН Н. – 47, 55, 56
 ЧЕХОВ А. П. – 18, 37
 ЧИМИШКИАН А. – 118
 ЧОПАНЯН АРШАК – 189
- Ш
 ШАИН ЭДГАР – 98
 ШАЛЯПИН Ф. И. – 97, 98
 ШАНТ Л. – 13, 66, 151
 ШАРБАБЧЯН Г. – 98, 99
 ШАРЛЕМАНЬ ОСИП – 46
 ШАТИРЯН АНАИТ – 41
 ШАУМЯН ЛЕВА – 207
 ШАУМЯН СТЕПАН – 172, 207
 ШАХАЗИЗ Е. – 168
 ШЕВЧЕНКО ТАРАС – 39, 54
 ШИРВАНЗАДЕ А. – 13, 97, 98, 102, 151,
 160, 162, 165
 ШОПЕН И. – 168
 ШОПЕН Ф. – 69
- Э
 ЭЛИЗБАРАШВИЛИ Н. – 101
 ЭНВЕР ПАША – 197
 ЭНГЕЛЬС Ф. – 115
 ЭРЕНБУРГ И. – 60, 61, 64, 68, 69
- ЭРИСТОВ Г. – 51
 ЭРОС – 64
 ЭТИНГОФ Б. Е. – 28
 ЭУЛИ САНДРО (КУРИДЗЕ) – 199
- Я
 ЯКОВИДИ – 94
 ЯСИНСКИЙ И. – 34
 ЯШВИЛИ ПАОЛО – 46, 55, 57, 79,
 146–148, 160, 167, 196, 199, 203
- А
 ABELYAN HOVN. – 212
- В
 БЛОК А. – 211
- С
 CHEREPNIN N. – 211
- G
 GAPRINDASHVILI V. – 211
 GARTMAN F. – 211
 GORODETSKY S. – 209–213
- I
 IDEM – 118
- J
 JIVANI – 212
- К
 KORGANOV N. – 212
 KRUCHYONIKH A. – 211
 KULEBYAKIN AL. – 211
- Т
 TABIDZE T. – 211
 TOUMANYAN HOVN. – 209, 211
- V
 VARUZHAN D. – 211
- Y
 YASHVILI P. – 211

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ	7	
ГЛАВА I		
С ГУМАНИТАРНОЙ МИССИЕЙ В ЗАПАДНУЮ АРМЕНИЮ		
1. СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА С ОВ. ТУМАНЯНОМ	9	
2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ВАНЕ	15	
ГЛАВА II		
ЛИТЕРАТУРНО - ОРГАНИЗАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТИФЛИСЕ		
1. РЕДАКТОРСКАЯ, ЛЕКТОРСКАЯ И ИЗДАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА	35	
2. «ЦЕХ ПОЭТОВ» ТИФЛИССКОГО «АРТИСТЕРИУМА»	45	
3. СБОРНИК «АКМЭ»	60	
ГЛАВА III		
СТИХИ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ ОБ АРМЕНИИ И АРМЯНСКОМ ИСКУССТВЕ		
1. «АНГЕЛ АРМЕНИИ»	85	
2. ОЧЕРКИ, СТАТЬИ	92	
ГЛАВА IV		
АРМЕНИЯ И АРМЯНСКИЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ С. ГОРОДЕЦКОГО		102
ГЛАВА V		
В ГОРНИЛЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ		
1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ	139	
2. С. ГОРОДЕЦКИЙ И ОВ. ТУМАНЯН	149	
3. УЧАСТИЕ В ЛИТЕРАТУРНО - КУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ	162	

ГЛАВА VI

ЕРЕВАНСКИЕ ДНИ (апрель 1919 г.)

1. ЛЕКЦИИ: «ТЕНИ ВАНА» И «СОВРЕМЕННАЯ АРМЯНСКАЯ ЛИРИКА»	168
--	-----

2. ЦИКЛ СТАТЕЙ «ПУТЕШЕСТВИЕ В ЭРИВАНЬ»	180
--	-----

ГЛАВА VII

НА ПУТИ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ЦЕННОСТЕЙ	194
--	-----

ПОСЛЕСЛОВИЕ	208
-------------------	-----

SUMMARY	209
---------------	-----

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	214
--	-----

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	223
----------------------	-----

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

СЕРГЕЙ ГОРОДЕЦКИЙ
В ЗАПАДНОЙ АРМЕНИИ
И В ЗАКАВКАЗЬЕ
(1916 – 1921 гг.)

Изд. заказ. № 601
Формат 60x84¹/₁₆. Печ. л. 14,4.
Бумага офсетная № 1. Тираж 200.
Типография издательства «Гитупон»
НАН РА, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна, 24